

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ВАСИЛИЕМЪ ЖУКОВСКИМЪ.

ЧАСТЬ XLV.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ,
1809.

---

*Съ одобренія Цензурнаго Комитета,
учрежденнаго для Округа
Императорскаго Московскаго
Университета.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

М А Й , 1809.

№ 9.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Печальное произшествіе, случившееся въ началѣ 1809го года.

„Описывая вамъ горестную судьбу моего знакома — такъ говоришь одинъ неизвѣстный въ письмѣ своемъ къ Издашелю Вѣспнина — желаю, чшобы и чаша-тели вашего Журнала объ ней узнали. Для чего? спросите вы — признаюсь, я въ этомъ не умѣю дать себѣ вѣрнаго опчеша; я слишкомъ увѣренъ, что жребій несчастнаго моего друга не можешь перемѣнишь; но сердцу моему необходимо сообщшь кому-нибудь и горесть свою и то мучительное негодованіе, кошорымъ оно наполнено! Сверхъ того ушѣшаю себя

мыслию*, что низкій злодѣй, разрушившій навсегда щастіе двухъ добрыхъ швореній, прочитавъ эти спроки, ужаснулся самого себя, и спрашный свѣтъ проникнешь во мрачную душу его, можешь быть спокойную отъ совершеннаго безчувствія.

„Лиза была дворовая дѣвушка. Госпожа N** воспипала ее вмѣстѣ съ своею дочерью. Она имѣла прекрасное лицо, умъ здравой, сердце наполненное чувствами, необыкновенными въ ея сословіи и еще болѣе образованными воспипаніемъ. Лиза, осужденная жить въ рабствѣ, съ малолѣтства привыкла пользоваться преимуществами людей свободныхъ и превышающихъ ее своимъ родомъ и званіемъ. Дѣвица N** вышла за мужъ; Лиза досталась ей въ приданое. Въ домъ W** — новаго ея Господина — увидѣла она Ліодора (моего пріятеля), пылкаго, добросердечнаго, благороднаго — увидѣла, полюбила, — сердце ея безъ всякой оспорожности плѣнилось шѣмъ чувствомъ, котораго еще она не понимала, и которое впайнѣ влекло ее къ одному, любезнѣйшему предмету — мудро ли! добрая Лиза имѣла не болѣе пятнадцати лѣтъ, и была еще шакъ неопытна. И Ліодоръ почувствовалъ къ ней склонность — а склонность сія въ короткое время сдѣ-

лалась снрасптію, но снрасптію нѣжною, почшишельною, непорочною. Ліодоръ, осмнадцатилѣтній юноша, имѣлъ пламенную душу; любовь значила для него щаспіе, и привязанность его къ Лизѣ была испочникомъ всѣхъ лучшихъ его чувствъ, всѣхъ благороднѣйшихъ его поступковъ. Два года продолжалась ихъ тайная связь, основанная на щаспливомъ согласіи двухъ нѣжныхъ сердецъ, которыя не желали болѣе еще ничего, кромѣ спокойнаго наслажденія собственными чувствами. Ліодоръ и Лиза видались очень часто, и каждой день сильнѣе увѣряли себя, что были необходимы другъ для друга.

„Въ концѣ послѣдняго года явился въ домъ Господина W** Полковникъ Z***, вдовецъ, похоронившій двухъ женъ, человекъ грубой, скупой и чрезвычайно непріятный наружносптію. Онъ увидѣлъ Лизу и полюбилъ ее — что значилъ *полюбилъ*? Почувствововалъ нѣкоторое раздраженіе въ душѣ своей, привыкшей къ однимъ удовольствіямъ грубымъ и совершенно почти усыпленной. Лиза не замѣчала выразишельныхъ взглядовъ господина Полковника — и могла ли она замѣчать ихъ? Она была шая невинна, а нѣжная привязанность къ Ліодору занимала всю ея душу. Полковникъ Z*** сдѣлался

неостыжение, наконецъ объяснился — Лиза опивчала ему презрѣнiемъ. Это раздражило человека, непривыкшаго опкazyвать себя ни въ одномъ желанiи. Могли онъ вообразить, чшобъ бѣдная Лиза, рожденная *рабою*, способна была чувствовывать благородiе, нежели онъ, старый дворянинъ и Полковникъ! Онъ началъ за нею присматривать; скоро замѣшилъ, что она любила и была любима — ревность, которая въ сердцѣ нѣжномъ и спрашномъ есть тяжкая скорбь, уничтожающая въ немъ самую привязанность къ жизни, въ сердцѣ жестокомъ и способномъ чувствовывать одинъ желанiя грубыя, есть бѣшенство, ненависть и мщенiе. — Полковникъ Z * * * рѣшился погубить бѣдную Лизу. Онъ сообщилъ Господину W * * свои замѣчанiя и, разумѣвша, очернилъ въ глазахъ его непорочную привязанность Лизы къ Лiодору. Молодую дѣвушку лишили прежней ея свободы. Она перестала выдаваться съ Лiодоромъ, или видалась съ нимъ окруженная свидѣтелями подозрительными, предубѣжденными, несправедливыми — одно только блѣдное лице, одни только померкшiе и унылые взоры ея говорили бѣдному Лiодору, что онъ любимъ, любимъ по прежнему, любовiю нѣжнѣйшею. Въ самомъ спраданiи находили они нѣкошорую сладость, ибо сiе спраданiе было для

нихъ любовію. Но Полковникъ Z** не могъ довольствоваться однимъ несчастіемъ своего соперника — воспламененная чувственность его требовала полной жертвы. И что еященно для человека безъ правилъ, развращаго и незнакомаго ни съ однимъ движеніемъ добродѣтельнымъ! Полковникъ Z*** обманулъ и родственника своего, Господина W**, убѣривъ эшаго добродушнаго человека, что Лиза дала обѣщаніе Лѣодору уѣхать съ нимъ въ Пешербургъ, что все уже изгешовлено къ побѣгу... однимъ словомъ, Господинъ W**, желая можеть быть избавишь себя отъ непріятнаго безпокойства и, вѣрояшно, не подозрѣвая злодѣйскихъ умысловъ родственника своего, согласился, чтобы несчастную Лизу отвезли въ подмосковную Полковника Z**, находящуюся въ 17 верстахъ отъ столицы. Можешели вообразишь тогда ужасъ, который наполнилъ душу эшой бѣдной жертвы, когда объявили ей волю ея Господина? Она занемогла жестокою горячкою — но что же? Надъ нею не сжалились — въ бреду и безпамятствѣ отвезли ее въ подмосковную Полковника Z** — это случилось 28 Февраля, и съ тѣхъ самыхъ поръ участь ея покрыва для меня ужасною неизвѣсностью. Но участь Лѣодора... ахъ, несчастный! Полковникъ Z** распустилъ вездѣ слухъ, что Лиза продана

ему Господиномъ W * * ; эшотъ служб дошелъ и до Лїодора. . . ешь люди, которыхъ сильная горесъ погружаетъ въ какую-шо мершвую безчувспенность , въ какое-шо спрашно бездѣйствїе, уничтожающїя въ нихъ и память и мысли и самую шблесную силу. Таковы были первыя чувсва Лїодора — и щасливъ ненависный его убїйца. Но Лїодоръ сѣ шого времени не приходилъ уже въ прежнее положенїе — сначала онъ былъ задумчивъ , мраченъ , ни къ чему невнимашеленъ , глаза его были пусклы и мершвы , лице покрышо ужасною блѣдносшїю , онъ не говорилъ ни слова, казался безчувспеннымъ и даже спокойнымъ ; но осьмаго Марша замѣшили въ немъ признаки сумасшесствїя. Увы ! эшотъ нещасный совершенно потерялъ разумъ ; но онъ сохранилъ всю прежнюю свою кропосъ — сумасшесствїе Лїодора шихое и умылое : безпрешанно начинаетъ говорить о мученїи своего сердца , о любви , о прежнемъ своемъ щасшїи , швердишь всякую минушу ея имя и задумывается. На сихъ дняхъ я былъ у его опца — ахъ ! онъ имѣешъ еще опца , и какимъ жребїемъ наказало Провидѣнїе эшого старца : при концѣ жизни бышь надзирашелемъ сумасшесшата сына ! какогшъ сына ? прелешнаго юноши , которыхъ онъ ушѣшался , въ которыхъ заключены были послѣднїя

надежды его жизни! Причина сумасшествия Лёдорова была ему еще неизвестна — я рассказал ему обо всем. Мы оба заливались слезами, в присутствии бедного Лёдора, который ничего не чувствовал и беспрепятственно, с выражением необходимой, глубокой скорби, подтвердил имя своей Лизы, называл ее своим Ангелом, своим другом, своею жизнью. *Ах!* сказал мне старик, *Бог терпит пороки и злобу; но такое безвинное, варварское гонение рано или поздно будет наказано Его правосудием!* Я не желаю мстить Господину Полковнику Z***, но я боюсь узнать его! — Он подошел к Лёдору: несчастный, как будто почувствовал, что горестный отец принимает участие в его жребии, протянул к нему руки, прижался к его сердцу и залился слезами.

„Скажите, милосливый Государь, какого имени достоин, по вашему мнению, Полковник Z***? Он больше нежели покинул чужой собственности: потерянную вещь, как бы ни была она драгоценна, можно забыть или забыть другою — но что забыть потерю того блага, с которым сопряжены были все наши надежды, все наше счастье? Он больше нежели убийца: покинул жизни причи-

яетъ намъ одно минувшее зло; но похишишь щаспїя, оставаяя намъ жизнь, даритъ насъ однимъ бесполезнымъ благомъ, однимъ мучительнымъ чувствомъ нашей утраты. Извѣстна казнь, опредѣленная законами похишишело и убійцѣ; но что, скажите, опредѣлишь законъ злодѣю, — по наружности правому передъ его зеркаломъ, сластолюбцу, коварному клеветнику, хитрому губителю непорочности, скрывающему себя подъ личиною правоты и чести? Порочный достойнѣ наказанїя, нежели пресупникъ, и ему одному нѣтъ наказанїя! Не говорите мнѣ о презрѣнїи свѣта — свѣтъ равнодушенъ и беззабошенъ. Его легко обманешь наружностїю; и кто возметъ на себя разсмапривать настоящїя причины поступковъ? Въ свѣтѣ презираютъ злодѣя — но *показываютъ* презрѣнїе только въ тѣмъ, которые не имѣютъ ни досташка, ни блеску, сопряженнаго съ чиномъ или значностїю рода. А что нужды злодѣю въ томъ презрѣнїи, которое онъ заслуживаетъ, но которое отъ него сърываютъ! Полковникъ Z*** имѣетъ досташокъ; онъ можетъ угостить въ домѣ своемъ двадцать или тридцать человекъ — чего же болѣе? Онъ спокоенъ на счетъ общаго мнѣнїя; а уваженїе нѣкоторыхъ честныхъ *чудаконъ* шакже для него мало значишь, какъ и уваженїе соб-

ственное. Не говорите мнѣ объ упрекахъ совѣсти — душа, пріученная къ чувствамъ грубымъ, засыпаетъ и дѣлается неспособною къ благороднымъ оправданіямъ совѣсти! Я увѣренъ, что всякой закоренѣлый злодѣй спокоенъ въ сердцѣ своемъ (не говорю щастливъ), и даже почиаетъ себя правымъ по шѣхъ поръ, пока окружающіе его по наружности его оправдываютъ, или по крайней мѣрѣ его не обвиняютъ — а много ли въ нынѣшнемъ свѣтѣ рыцарей чести и добродѣтели? Всякой спарается быть честнымъ и добрымъ для себя, не заботясь о томъ, каковъ его ближній! беззаботность гибельная и слишкомъ выгодная для людей порочныхъ. И такъ, милосливый Государь, не лѣзя надѣясь, чтобы Полковникъ Z * * * наказанъ былъ или спрогоетію законовъ, или презрѣніемъ всеобщимъ; весьма даже вѣроятно, что самая совѣсть его спокойна — я не знаю долго ли продолжится это спокойствіе — но я желалъ бы увидѣть этого человѣка на одрѣ смертномъ!“

Издатель позволяетъ себѣ сдѣлать при этомъ случаѣ одно замѣчаніе на счетъ нѣкоторыхъ мнимыхъ благошвореній, весьма обыкновенныхъ въ свѣтѣ. Многие изъ Рускихъ дворянъ имѣютъ при себѣ такъ называемыхъ *фаворитовъ*. Что

это значить? Они выбираютъ или мальчика или дѣвочку изъ состоянiя служителей, приближаютъ ихъ къ своей особѣ, даютъ имъ воспитанiе, имъ неприличное, позволяютъ имъ пользоваться преимуществами, имъ непринадлежащими и — ославляютъ ихъ въ прежней зависимости. То ли называется благошворенiемъ? Человѣкъ, *зависимый*, знакомый съ чувствами и понятiями людей *независимыхъ*, нещасливъ на вѣки, если не будетъ дано ему благо, все превышающее — свобода! Для чего развиваете въ бѣдномъ слугѣ познанiя и таланты? Для того ли, чтобы онъ могъ яснѣ почувствовать, современемъ, что Провидѣнiе наградило его такимъ удѣломъ, въ кошоромъ и таланты его и познанiя должны угаснуть бесплодно? Если вы образуете его единственно для себя, то ваше благошворенiе есть самый жестокой эгоизмъ, или лучше сказать злодѣйство, украшенное блестящею личиною благодѣтельности! Просвѣщенiе должно возвышать человека въ собственныхъ его глазахъ — а что унижаетъ рабства! Вы замѣчаете въ своемъ человѣкѣ дарованiя и умъ необыкновенный — и такъ, прежде нежели рѣшишь открытъ ему тайну его сокровища, возвратите ему свободу! или убийственное чувство рабства уничтожитъ всѣ ваши о немъ попеченiя. Вы, или

укажете ему дорогу въ испорченности и развращеніи; или душа его — естли она неспособна привязаться къ пороку — увянешь ошъ пайной скорби, всегда неразлучной съ униженіемъ. Примѣры безчисленны. Я знаю одного живописца — онъ былъ крѣпостной человекъ добраго Господина, получилъ хорошее образованіе, жилъ на волѣ и пользовался талантомъ своимъ, но еще не имѣлъ свободы. Чшо же? Господинъ его умеръ — и эшотъ бѣднякъ доспался другому, вѣрояшно неимѣющему особеннаго уваженія къ человекешву. Новый Господинъ взялъ его въ домъ — и шеперь эшотъ человекъ, кошорый прежде принимаемъ былъ съ опличіемъ и въ лучшемъ общешвѣ, пошому чшо вмѣстѣ съ своимъ талантомъ имѣлъ и наружншсть весьма благородную — бздилъ въ ливреѣ за карешою, разлученъ съ женою, кошорая ошдана въ приданое за дочерью Господина его — я встрѣшилъ съ нимъ въ одной лавкѣ, и едва могъ узнать его въ новомъ нарядѣ, а еще болѣе по непріятному запаху вина, кошорое, вѣрояшно, служилъ ему нѣкошорымъ ушѣщеніемъ въ горешной его участи. Гдѣ же плоды благошвореній, оказанныхъ ему *добршмъ* его Господиномъ? Повшоряю: пакія благошворенія гибельны и по болшей части бывающъ причиною одного развраща. Ошъ чего, на примѣръ, замѣчающъ въ просшыхъ крешь-

дѣлахъ менѣе испорченности, нежели въ дворовыхъ людяхъ, близкихъ къ Господамъ своимъ? Не снѣ того ли, что послѣднѣе, сохраняя свое рабство, имѣюшъ яснѣйшее понятіе о сословіи людей свободныхъ, и научаясь презирать собственное, досадуя на судьбу свою — а ихъ развращеніе не естъ ли необходимое слѣдствіе сей шайной досады, невольной управляющей душой? Анекдотъ, сообщенный Издашело отъ неизвѣстнаго, можетъ быть страшнымъ урокомъ для многихъ; какъ называемыхъ благошворителей. Для чего эта погибшая Лиза получила понятіе о такомъ щастіи, о которомъ вѣроятно никогда бы не могла подумать, естъ ли бѣ безразсудная благошворительность ея Госпожи не извлекла ее изъ сословія прослой служанки? Для чего воспишала ее съ такимъ тщаніемъ? Для того ли, чтобы она съ живѣйшимъ ужасомъ могла теперь осматривать эту бездну, въ кошорую низвергнуша коварною, злобою развращника? Кипожь настоящіе ея губители? Не тѣ ли самыя, кошорыя, можетъ быть, въ свѣтѣ присвоиваютъ себѣ великолѣпное шило ея благошворителей?

II.

Къ друзьямъ (*).

О вы, которые во цвѣтѣхъ нѣжныхъ лѣтѣхъ,
Съ подругой радостей, невинностью злашою,
Хранимы опытной наставниковъ рукою,
Надежно, крохкіе, стремишесь цмѣ во слѣдѣ!
Кого не тягошишь ни сердца спрасць жестока,
Ни скука, вѣчная сопушница заботѣхъ,
Ни праздность — скорбь души, другъ ги-
бельный порока,
Для коихъ всюду мѣрѣ, веселіе цвѣтѣшь,
Украшенны наукъ и доблестей зарёю,
Сей неопѣвемой и истинной красою,
Любимцы Фебовы! щаспливые друзья!
О! сколько вашъ удѣлъ завиднѣхъ для меня! —
Въ уединеніи, подѣ кровомъ Музѣ священнымъ,
Гдѣ сердцу вашему опасныхъ нѣтъ сѣтей,
Вы наслаждаетесь сокровищемъ безцѣннымъ,
Невѣднемъ благимъ и злобы и людей!
Спокойны — знаніемъ питаете духъ юный!
Когда, при заревѣ пылающихъ градовъ,
Блещитъ раздора мечъ, гремятъ войны перуны,
Вамъ улыбаешся согласье и любовь! . . .
Цвѣшите, о друзья! въ безпечности невинной,
Да нѣкогда, вступя въ опасный жизни годѣхъ,

(*) Стихи сіи присланы Авторомъ въ Собраніе Благородныхъ Воспитанниковъ Университетскаго Пансіона; въ этомъ Собраніи лучшіе изъ Воспитанниковъ занимаются въ особенності ошечественною лицперашурою.

Въ безвѣстный, новый кругъ, изъ сей ограды
мирной,
Спяжавъ сокровище познаній и доброты,
Средь вихря бурнаго коварствъ и оболваненій,
Которыми давно наполненъ жалкій свѣтъ,
Спиремяся тайною спезей благошвореній,
Вы вѣкъ свой щастливо укроете отъ бѣдъ!

Какъ ива злачная, весною оживленна,
Готовитъ сладкіе орашаю плоды:
Такъ вы Опечества надежда драгоценна!
Такъ радостно оно на ваши зрѣтъ труды! —
Тамъ ожидающъ васъ . . . и долгъ благодаренья,
И слава и любовь, и чести громкій гласъ!
Пусть примутъ родшіе за ихъ къ вамъ по-
печенья,
Опечество — за трудъ, подвѣяный имъ для васъ,
Возмездье сладкое! . . . О, долгъ благословенный!
Да вѣкъ пылаетъ въ васъ къ нему любви жаръ,
Сей спутникъ доблестей, сей неизкупный даръ,
И вашъ предводитъ духъ, ко славъ устрем-
ленный! . . . .

М. Милоновъ.

1809, Марша 17 дня.
Задомскъ.

III.

Н е в и н н о с т ь .

О время щастія! о прелесть лѣтъ молодых!
О возрастъ сладостный невинности безпечной,
Въ которомъ я дышалъ для радостей однихъ!
Почто сокрылся ты такъ рано, быстро-
печно? . . .

*

Надежной, крошкою родителей рукой
Отъ злобы, суезы, отъ свѣта удаленный,
Заботъ и скуки чуждъ, въ согласіи съ собой,
Я велъ прелестны дни въ невинности бла-
женной!

*

Близъ сердца матери, невѣднемъ своимъ
И милой простотой младенчества счастливый,
Когда знакомился еще съ собой самимъ,
Какъ сладко пропекалъ мой вѣкъ миролюбивый!

*

О рощи мирныя! родительски поля!
Блаженства моего свидѣтели безцѣнны!
Мѣста родимыя! васъ шѣхъ же вижу я . . .
Но скукою, досель мнѣ чуждой, изнуренный,

*

Питомецъ вашъ не потъ, который въ лѣт-
ній зной
Подъ сѣнью вашею, и на лугахъ росистыхъ,
Бывало находилъ и радость и покой —
Его не веселишь ни видъ дубравъ шѣнистыхъ,

*

Ни сѣшлый шокъ ручьевъ, ни чистый сводъ
небесъ,

Ни чувства сладкія невинности, свободы:

Задумчивъ, молчаливъ — онъ льетъ потоки
слезъ,

И нечувствителенъ ко прелестямъ Природы!

*

Ахъ! быстро пролетѣлъ тотъ возрастъ зо-
лотой,

Какъ съ скорбью незнакомъ, ни съ скукою унылой,

Спокойно я мечталъ подъ тѣнью густой

Иль дуба древняго иль липы горделивой!

*

Среди суетъ мірскихъ, страстямъ порабощенъ,

Искалъ я радостей — и съ горестями встрѣ-
чался!

Блестящимъ призракомъ и свѣтомъ ослаб-
ленъ,

Искалъ я щастія — и съ бѣдствіемъ сра-
жался! . . .

*

Гонимъ развратными, гонимъ самимъ собой,

Вездѣ я былъ одинъ, одинъ съ своей тоскою;

Нѣтъ сѣни для меня — бѣжитъ меня покой!

Куда ни обращусь — повсюду скорбь за
мною! . . .

*

Невинность кроткая! тобою озаренъ,

И въ самой горести отраду обрѣпаю!

Отъ сна глубокаго тобою пробужденъ,

Иду твоимъ путемъ — спряданье забываю! . . .

*

Съ тобою я богатъ любовію друзей,
Богатства не ищу, за блескомъ не гоняюсь,
Безвѣстной участью довольствуюсь своею,
Природою, тобою, свободой наслаждаюсь!

*

Начало счастья — и счастья вѣнецъ!
Неизъяснимая, даръ Неба драгоценный!
Къ тебѣ возноситъ гласъ неопытный пѣвецъ,
Тебѣ поетъ хвалу тобою вдохновенный!

Андрей Раевскій.

IV.

Счастье уединеннаго.

(*Идиллія.*)

Счастливъ, кто, будучи свободенъ отъ суетъ,
Владѣетъ вѣжною, заботливой подругой,
Подъ кровомъ хижины родительской живетъ,
И въ тихіе часы себя знакомитъ съ Музою!

*

На небѣ для него цвѣшетъ всегда лазурь,
Невинност. на челѣ его блеститъ зарю;
Спокойно къ счастью идетъ во мракъ бурь,
Водимъ Природою и Истинной святою.

*

Вотще гремитъ мятежъ и слышенъ вихрей
стонъ

Вокругъ счастливаго его уединенья:

Въ безопасности своей на все взираетъ онъ
Не съ чувствомъ робости, но съ чувствомъ
сожаленья.

*

Покояся въ шѣни родительскихъ дубовъ,
Онъ, сердца въ прошломъ, мечтаетъ, вос-
хищенный:

„Безвѣстность мирная отъ бурь надежный
кровь!“

Не знаетъ гордости заботъ уединенный!

*

Такъ, свѣтъ сей позабывъ, старѣется мудрецъ!
О прошломъ не грустя, о будущемъ безпечной,
Онъ съ тихой радостью встрѣчаетъ свой
конецъ,

Чтобъ, послѣ пробудясь, воспашъ для жизни
вѣчной!

*

Ахъ! есѣлибы Творецъ далъ жребій мнѣ такой!
Ябъ часто, пробужденъ малиновкой въ долину,
Смотрѣлъ, какъ солнца лучъ струёю золотой
Излучисто бѣжалъ дубравы по вершинѣ.

*

Иль, сидя на берегу мелькающихъ ручьевъ,
Смотрѣлъ на злачный холмъ, на свѣтлой
лугъ, прелестной,

И щастливый въ душѣ, лишенъ восторгомъ
словъ —

Дивился міра бы гармоніи чудесной.

*

При дремящей лунѣ, въ безмолвный ночи часѣ,
Уединясь подѣ кровѣ развѣсистой дуб равы,
Ябѣ часто съ лирою соединялъ мой гласѣ,
И пѣлъ бы поселянѣ невинныя забавы.

*

Простершись съ нѣгою на муравѣ густой,
Подѣ зыбкой шѣнью изѣ, какѣ весело пѣ-
няться

Кристалльнымѣ ручейкомѣ, что свѣплюю волной
Свѣшивѣ стремительно въ долину извиваешь!

*

Какѣ весело внимать жужжанію пчелы,
Иль изрѣдѣ лисповѣ древесныхѣ пре-
пепанью,
Иль прелямѣ соловья съ утесистой скалы,
Иль съ крова мирнаго синички щебепанью!

*

Пусть ищутѣ славныя шворенія свои
Потомству передашь — Аглая! мнѣ не надо
Безсмертія вѣнка — улыбка устѣ швоихѣ
Быть можетѣ для меня сладчайшею наградою.

*

Пусть свѣтѣ меня даритѣ презрѣнемѣ иль
хвалою!
Что въ мнѣньяхѣ мнѣ его — коль я лю-
бимѣ побою!
Тебѣ лишь нравишься, зрѣшь все — въ
шебѣ одной,
Вотѣ все чего хочу всемѣ сердцемѣ, всей душою!

*

Но нѣжная краса, даръ милый юныхъ лѣтъ,
Увянешь времени въ губительномъ стрем-
леньѣ,
И какъ осенній листъ, опцвѣвши, опадешь —
Будь, дружба нѣжная, тогда мнѣ утѣшенье !

*

Ты замѣни любовь пріятностью своей !
Безспрашно встрѣчу я опверстну дверь могилы,
Когда, на западъ моихъ безвѣстныхъ дней,
Ты будешь предо мной, Аглая, Ангелъ милый !

*

Прямое щастіе ! о жребій мудрецовъ !
Тобою обладать — вопъ верхъ моихъ желаній!
Съ тобой я былъ бы чуждъ превратности
оковъ,
Стрѣлъ злобы, зависти и всѣхъ мірскихъ
спраданій.

*

Водимый правдою и вѣрою свяшой,
Любя своихъ друзей и нѣжную супругу —
Я съ тихой радостью часъ встрѣчу роковой,
И къ смерти преклонюсь на лоно, такъ
какъ къ другу.

*

Спрашишься можешь ли чего, кто жилъ де-
бромъ,
Страдальцовъ утѣшалъ, давалъ покровъ го-
нимымъ ?

Ночь тихая идетъ за долгимъ яснымъ днёмъ —
И праведникъ паритъ въ сферахъ небесъ
незримымъ !

*

Вздохните обо мнѣ, друзья души моей!
Вздохните съ горестью, когда меня не
станешъ,
И лира помная гармоніей своей,
Въ перспахъ моихъ унывъ, пльняшь васъ
перестанешъ!

*

И естли нѣкогда на гробъ придетъ мой,
Скажите, устремивъ на камень взоръ умильный:
Миръ праху швоему! И дружества слезой,
Послѣдней жертвою, почтите холмъ мо-
гильный!

*

А ты, кошора съ пріятностью красы
Умбешъ сѣдинять даръ кротости безцѣнной!
Когда, въ печальные унынія часы
Пришедъ оплакивать меня въ дубравѣ темной,

*

Услышишь вѣтерка ночнаго сладкой гласъ,
Иль шумъ листка во тѣмѣ, обьяшой пищиною —
То знай, безцѣнная, что въ этотъ самый часъ
Паритъ въ молчаніи мой призракъ надъ тобою!

А. Ме . . . сной.

З е р к а л о.

Одинъ Неаполитанскій Король — именемъ Рожеръ — будучи на охотѣ, оспалъ опъ своей свишны и заблудился въ густошѣ лѣса. Съ нимъ встрѣшился Пиллигримъ, человекъ пріятнаго лица, нопорый, не зная, что видишь передъ собою Короля, подошелъ къ нему очень свободно и спросилъ: же можешъ ли онъ сказать ему; гдѣ дорога въ Неаполь?

„Ты видно издалека, доброй человекъ! опивчалъ Рожеръ — лице, ноги и плашь твоє покрышы пылью.“

Эшо правда — я очень успалъ и хотѣлъ бы поскорѣе на ночлеги,

„Ты вѣрно въ путешествіяхъ своихъ много узналъ любопытнаго!“

Можешъ бышь! На примѣрѣ, мнѣ удавалось видать такихъ чудаковъ, нопорыхъ безнокоили бездѣли. Я научился не шеряшь шерпвнія при первомъ опказѣ — а пошому и прошу тебя еще разъ: уназашъ мнѣ дорогу въ Неаполь! На дворѣ ночь, боюсь запоздашь и не найши ночлега.

„Имѣешь ли ты въ Неаполѣ знакомыхъ?“ спросилъ Рожеръ.

Никого не имѣю, опшвѣчалъ Пилли-
гримъ.

„Слѣдственно не можешь надѣяться
хорошаго пріема?“

По крайней мѣрѣ могу быть увѣренъ,
что не обижусь пріемомъ грубымъ отъ та-
кихъ людей, которые меня не знаютъ —
но гдѣ дорога въ Неаполь? Спановишься
поздно и шемно!

„Я самъ заблудился! будемъ искать до-
роги вмѣстѣ; другаго нечего дѣлать!“

Я бы охотно согласился на швое пред-
ложеніе, но я пѣшій, а шы на лошади:
или я за шобою не поспѣю, или шы мо-
жешь отъ меня промѣщать.

„Правда швая — но мнѣ ниншо не
помѣшаешь идти пѣшкомъ!“ Рожеръ пры-
гнулъ съ лошади и пошелъ рядомъ съ Пил-
лигримомъ. „Можешь ли угадать, съ кѣмъ
шы говоришь?“ спросилъ онъ у своего по-
варища.

Почши угадываю: шы человекъ!

„Но можешь ли быть во мнѣ увѣренъ?
Ты меня не знаешь.“

Отъ честныхъ людей ожидаю всего
хорошаго; а бездѣльниковъ и воровъ не
имѣю причины бояться.

„Очень хорошо! Но повѣришь ли, еспь-ли шебѣ скажу, что я Король Неаполитанской? “

Для чегожь не повѣришь! я этому очень радѣ. Королей нечего бояшьсѣ; они менѣе другихѣ людей бывающѣ вредны. Еспьли ты въ самомѣ дѣлѣ Король Рожерѣ, то можешѣ порадовашѣ вспрѣчь со мною. Весьма вѣрояшно, что прежде меня никто не говорилѣ съ побою открытымѣ сердцемѣ и не являлся на глаза швомѣ безѣ личины.

„Бышь можешѣ! Но я не хочу одинѣ пользоваться выгодою нашей вспрѣчи; надобно, чтообы она была выгодна и для шебя. Слѣдуй за мною. Я намѣренѣ сосшавишь швое щасшѣе. “

Мое щасшѣе, Государь! Не заботьсѣ обѣ немѣ — оно сдѣлано, и давно. Пока буду имѣшь при себѣ эшихѣ двухѣ друзей — онѣ указалѣ на суму свою и посожѣ — по шѣхѣ порѣ не буду чувствовашѣ ни въ чемѣ недосшашка. Желая сердечно, чтообы ты, въ богашой порфирѣ, былѣ шакѣ же доволенѣ судьбою, какѣ я, въ простомѣ рубищѣ, съ кошпылемѣ и кошомкою.

„Ты щасшливѣ?“ спросилѣ Рожерѣ.

Сшолько щасшливѣ, сколько позволено бышь щасшливымѣ человекѣ! Суди

самъ — я далъ себѣ обѣщаніе : бросишься въ воду, еспли найду человека, довольнаго меня своимъ жребіемъ.

„Но какъ же можешь почищать себя щасливымъ, когда ты вѣчно опъ другихъ зависишь?“

Но былъ ли бы я щасливѣе, когда бы всѣ другіе зависѣли опъ меня ?

„Поди же, и ушопись — я думаю, что я тебя щасливѣе.“

Извинише, Ваше Величество ! еспли когда нибудь принужденъ буду ушопиться, то вѣрно опъ какого-нибудь подобнаго мнѣ бродяги, имѣющаго еще менѣе заботъ, нежели я ; но щасіе Королей для меня не опасно. Впрочемъ — какъ нѣшъ правила безъ исключенія — мы можемъ сдѣлать расчетъ, и тогда увижу, кто изъ насъ двухъ щасливѣйшій.

„Такой расчетъ бездѣлица. Я имѣю всѣ необходимоспи жизненныя въ изобиліи, путешествуя не пѣшкомъ и съ сумою, а очень покойно, на прекрасной лошади, и сверхъ того имѣю нѣсколько сотенъ подобныхъ въ моихъ Неаполишанскихъ конюшняхъ. Подвѣзая къ Неаполю, я увѣренъ, что буду хорошо принятъ.“

Позвольтежь мнѣ сдѣлать одинъ вопросъ — наслаждаешься ли вы этими бла-

гами съ нѣкоторою живостію? На примѣръ, не беспокоятъ ли васъ иногда честолюбіе, государственныя и домашнія дѣла и тому подобное?

„Ты многого потребуешь, Пиллигримъ!“
отвѣчалъ Рожеръ.

Извините меня, Ваше Величество! Дѣло не шулка! никакъ не захочу броситься въ воду даромъ! Прошу покорно выслушать теперь меня: я нынче успѣлъ сдѣлать порядочную прогулку — это пріятно и здорово! Теперь чувствую голодъ, и вѣрно поужицаю со вкусомъ, что бы ни предложили мнѣ ваши Неаполитанскіе трактирщики; потомъ засну глубокимъ сномъ, хотя бы доспалось мнѣ положить голову на камень; поутру вспану здоровъ и свѣжъ, помолюсь Богу, и пойду куда глаза глядятъ, куда мнѣ вздумается, гдѣ мнѣ покажется веселѣе. Завтра буду въ Неаполь, а послѣ завтра, ешьли Неаполь мнѣ наскучитъ, опять беру суму и посохъ, опять господиивѣцѣлаго мѣра.

„Пиллигримъ! — отвѣчалъ Рожеръ — я начинаю замѣчать, что жизнь еще тебе не наскучила, и признаю себя побѣжденнымъ — въ награду за мою опроверженность, общайся мнѣ прожить у меня во Дворцѣ во все то время, пока не наскучишь въ Неаполь.“

Прошу извинить меня, Ваше Величество — хотя и не почишаю себя недостойнымъ вашихъ милостей, но боюсь сдѣлать васъ смѣшнымъ въ глазахъ вашихъ придворныхъ. Въ то самое время, когда они будутъ хвалить васъ за вашу благошворительность, а меня ласкаютъ словами и взорами, всякой изъ нихъ будетъ думать или шептать одинъ другому наухогдѣ опыскалъ Король Рожеръ эпаго побродягу? Что хочетъ онъ съ нимъ дѣлать? Какія добродѣтели и дарованія въ немъ находишь? Васъ назовутъ спраннымъ, въспреннымъ, легковѣрнымъ! Короче, Государь, вы лучше сдѣлайте, естли позволише мнѣ искасть ночлега на поспояломъ дворѣ, въ какомъ-нибудь предмѣстїи Неаполя.

„Но прошу мнѣ сказать, почему ты знаешь такъ корешко и Дворъ и придворныхъ?“

„Я родился и выросъ во Дворцѣ одного маленькаго владѣтельнаго Князя; всякой день слышалъ, какъ близкіе къ нему люди, шѣ самые, которые льстили ему съ наибольшою низоспїю, ругали его безъ пощады за глаза — это наконецъ вывело меня изъ шерпнїя: я сбросилъ съ себя придворную ливрею, взялъ посохъ, кошомку и пошелъ куда глаза глядятъ — искасть прямодушїя, простоты, откровенности, сво-

боды — съ тѣхъ поръ, Ваше Величество шапаюсь по бѣлому свѣту.

„И ты думаешь, что всѣ Дворы одинъ на другой похожи?“

Думаю, Ваше Величество! попому что при всѣхъ одни и тѣже люди, имѣющіе одинакія чувства, одинакой образъ поступковъ.

„Слѣдственно ты очень дурнаго мнѣнія о тѣхъ, копорыхъ Короли называютъ своими друзьями!“

Конечно! и вы бы сами согласились со мною, Ваше Величество, когда бы могли ихъ видѣть шаковыми лично, какъ вы они въ самомъ дѣлѣ — но они осторожны, и были бы въ спрашномъ безпокойствѣ, когда бы могли подумать, что вы имѣете средство читать въ ихъ мысляхъ. Не угодно ли вамъ сыграть надъ ними самую забавную шутку? Вы провели нѣсколько минутъ въ удовольствіи, копорое не будетъ вамъ ничего стоить: нужны только молчаніе и скромность.

Пиллигримъ сообщилъ свои мысли Рожеру; они условились въ томъ, что надо было дѣлать — въ эту минуту слышались охотничьи рога и лошадиный топотъ. Пиллигримъ спрясался въ кусты, а Рожеръ поскакалъ на встрѣчу къ охотникамъ.

На другой день Пиллигримъ являешья во дворецъ Рожеровъ съ бумагою — его предсавляющъ Королю, копорый прочитавъ бумагу, велитъ ему слѣдовать за собою въ кабинетъ, и черезъ два часа выходитъ вмѣстѣ съ нимъ, погруженный въ глубокую задумчивость. Придворные это замѣтили — большая часть изъ нихъ молчали и были въ недоумѣнїи; но приближенные къ Рожеру, именно его первый Министръ, любовница и любимецъ, осмѣлились сдѣлать нѣсколько вопросовъ.

Этотъ человекъ, съ копорымъ я говорилъ въ моемъ кабинетѣ, сказалъ Рожеру Министру, весьма удивительный: ему открыты чудесныя шайнспва. Видишь ли это зеркало? Оно кажется обыкновеннымъ, и предсавляетъ всѣ вещи не хуже и не лучше проснаго зеркала; но съ помощію двухъ Халдейскихъ словъ всякой человекъ можетъ увидѣть себя въ немъ такимъ почно, какимъ онъ бытъ желаетъ — короче: всѣ наши тайныя намѣренїя и замыслы дѣлающя для насъ существенными въ этомъ зеркалѣ. Я это испыталъ: повѣришь ли? Посмотрѣвшись въ него, увидѣлъ я себя на пронтъ Конспаншинопольскомъ. Мои содерники были моими придворными, а непрїатели мои цѣловали у меня ноги: не хочешь ли и ты сдѣлать надъ собою опыша?

Прошу меня отъ него уволишь, отъ-
вѣчалъ Митчиспръ съ холоднымъ и важ-
нымъ видомъ, копорымъ довольно искус-
но притривалъ свое смущеніе: эшотъ Пил-
лигримъ безъ сомнѣнія чародѣй; зеркало его
изобрѣшеніе дѣвола, а слова Халдейскія,
копорымъ онъ научилъ Ваше Величество,
конечно богохульные или безбожныя. Уди-
вляюсь, какъ могли вы допустить къ се-
бѣ такого опаснаго чернокожника.

Рожеръ подалъ зеркало своей любовни-
цѣ — она упала отъ страха въ обморокъ.
Онъ предложилъ посмотрѣться въ не-
го своему любимцу, но сей послѣдній
отвѣчалъ ему съ благородною гордостью:
Ваше Величество! пользуясь милостью моего
Монарха, я все имѣю, и слѣдственно
шакое почно, какимъ желаю быть. Ро-
жеръ вызывалъ, изъ толпы придворныхъ,
охопниковъ посовѣтоваться съ зерка-
ломъ — но всѣ отказались; всѣ единодуш-
но мыслили, что Пиллигримъ чародѣй и
безбожникъ, что надлежитъ его сожечь
живаго, а зеркало его разбить въ дребезги.

Умы придворныхъ людей пришли въ
волненіе — и наконецъ верховный Совѣтъ
представилъ Рожеру, что Пиллигримъ
почно человекъ опасный, что его непре-
мѣнно должно предать суду и наказанію

по достоинству. Король приказалъ пред-
спавишь къ себѣ пресшупника. Ты не вол-
шебникъ — сказалъ онъ ему — но ты зна-
ешь людей и свѣтъ. Правда швоя: ни одинъ
изъ придворныхъ моихъ не захотѣлъ по-
казаться мнѣ шакимъ, каковъ онъ ешь.
Возми назадъ свое зеркало. За два ка-
ролуса, которые ты заплашилъ за него
купцу, оно оказало намъ важную услугу.

(Съ Французскаго.)

VI.

П Ъ С Н Я.

(На голосъ: Je t'aime tant, je t'aime tant.)

Мой другъ, хранишь Ангелъ мой,
О ты, съ которой нѣтъ сравненья!
Люблю тебя, дышу тобой . . . .
Но гдѣ для страши выраженья?
Во всѣхъ Природы красотахъ
Твой образъ милый я встрѣчаю!
Прелестныхъ вижу — въ ихъ чертахъ
Одну тебя воображаю!

Беру перо — имъ начерташь
Могу лишь имя незабвенной;
Одну тебя лишь прославляшь

Могу на лирѣ восхищенной!
Съ тобой, одинѣ, вблизи, вдали,
Тебя любить — одна мнѣ радость!
Ты мнѣ всѣ блага на земли!
Ты сердцу жизнь, пы жизни сладость!

Въ пустынѣ, въ шумѣ городскомѣ
Одной тебѣ внимаю мечпая!
Твой образѣ, забываясь сномѣ,
Съ послѣдней мыслию сливаю!
Пріятный звукѣ твоихѣ рѣчей
Со мной во снѣ не расплещется!
Проснусь — и ты въ душѣ моей,
Скорѣи чѣмѣ день очамѣ коснется!

Ахѣ! мнѣ ль разлуку знаешь съ тобой?
Ты всюду спутникѣ мой незримый!
Молчишь — мнѣ взорѣ поняшенѣ твой,
Для всѣхѣ другихѣ неизвѣстнымѣ!
Я въ сердце твой приемяю гласѣ!
Я пью любовь въ твоемѣ дыханьѣ!
Восторги, кто постигнетѣ васѣ,
Тебя, души очарованье?

Тобой, въ тебѣ и для тебя
Дышу и жизнью наслаждаюсь!
Тобою чувствую себя!
Въ тебѣ Природѣ удивляюсь!
Ахѣ, съ чѣмѣ мнѣ жребій мой сравнишь?
Чего желать въ шоль сладкой долѣ?

Любовь мнѣ жизнь — ахъ! я люблю
Еще сто кратъ желалъ бы болѣ.

Апрѣля 1.

Н. Н.

VII.

К р и т и к а.

*Басни Изана Крылова. С. Пелер-
бургъ. Въ типографіи Губернскаго
Правленія. 1809.*

Всякой любитель Русской Поэзіи, ко-
торая, надобно признашь, не весьма бо-
гата произведеніями изящными, про-
чишавъ съ удовольствіемъ эти Басни, ко-
нечно скажетъ: *для чего ихъ такъ мало?*
Въ самомъ дѣлѣ, это, можешь быть, един-
ственной, или главный недоспашокъ *Ба-
сенъ Господина Крылова* — ихъ не бо-
лье XXIII. Всѣ вообще написаны легкимъ,
простымъ, привлекательнымъ слогомъ.
Нѣкоторыя прекрасны. Поставляемъ обя-
занностию занять ими вниманіе нашихъ
читателей — тѣмъ болѣе, что въ нашей
словесности подобныя явленія очень рѣд-
ки; но чтобы дашь яснѣе почувствовать
истинное достоинство ихъ, почитаемъ
необходимымъ войти въ нѣкоторое рассу-
жденіе о семъ родѣ Поэзіи вообще: такая

маперія не можешъ быть непріятною для шѣхъ изъ нашихъ чипашелей, которые, любя словесность, желаюшъ имѣть и основательнѣйшее понятіе о томъ, что имъ нравишя.

Что въ наше время называешя Баснею? Стихотворный разсказъ происшествія, въ которомъ дѣйствующими лицами обыкновенно бываюшъ или живошныя, или швари неодушевленные. Цѣль сего разсказа — впечатлѣніе въ умъ какой-нибудь нравственной истины, заимствуемой изъ общежитія, и слѣдственно болѣе или менѣе полезной.

Ошвлеченная истина, предлагаемая простымъ и вообще для рѣдкихъ пріятнымъ языкомъ Философа - моралиста, дѣйствуя на однѣ способности умственной, ошвяляетъ въ душѣ человѣческой однѣ только легкой и слишкомъ скоро исчезающій слѣдъ. Та же самая истина, представленная въ дѣйствіи и слѣдовательно пробуждающая въ насъ и чувство и воображеніе, принимаетъ въ глазахъ нашихъ образъ вещественный, впечатлѣваетъ въ разумъ сильнѣе и должна сохраниться въ немъ долѣе. Какое сравненіе между сухимъ понятіемъ, облеченнымъ въ простую одежду словъ, и тѣмъ же самымъ понятіемъ, одушевленнымъ,

украшеннымъ пріятностію вымысла, имѣющимъ опличительную, замѣтную для чувства нашего форму? — Таковъ главный предметъ баснописца.

Дѣйствующими лицами въ Баснѣ бываютъ обыкновенно или живошныя, лишенные разсудка, или шворенія неодушевленные. Полагаю шому четыре главныя причины. Первая: *особенность характера*, кошорою каждое живошное опличено одно отъ другаго. Басня есть мораль въ дѣйствіи; въ ней общія понятія нравственности, извлекаемыя изъ общежитія, примѣняются, какъ сказано выше, къ случаю частному, и посредствомъ сего примѣненія дѣлаются оощительными. Тотъ мѣръ, который находимъ въ Баснѣ, есть въ кошорыхъ образѣ чистое зеркало, въ кошоромъ опражается *мѣръ человѣскій*. Живошныя представляютъ въ ней человека, но человекъ въ въ кошорыхъ только опношеніяхъ, съ въ кошорыми особенными свойствами; и каждое живошное, имѣя при себѣ свой неопшвемлемый, постоянный характеръ, есть, шакъ сказать, *готовое*, для каждаго ясное изображеніе какъ человека, шакъ и характера, ему принадлежащаго. Вы заставляете дѣйствовать волка — я вижу кровожаднаго хищника; выводите на сцену лисицу — я вижу льстив-

ца, или обманщика — и вы избавлены отъ труда прибѣгать къ излишнему объясненію. Второе: перенося воображеніе чаша-шеля въ новой мечпашельный міръ, вы представляете ему удовольствіе *сравнивать* вымышленное съ существеннымъ (которому первое служило подобіемъ), а удовольствіе сравненія дѣлаетъ и самую мораль привлекательною. Третье: Басня есть нравственный урокъ, который, съ помощію скоповъ и вещей неодушевленныхъ, даетъ вы человѣку; представляя ему въ примѣръ существа, отличныя отъ него натурою и совершенно для него чуждыя, вы щадите его самолюбіе, вы заставляете его судить безпристрастно, и онъ нечувствительно произноситъ строгій приговоръ надъ самимъ собою. Четвертое — *красота чудеснаго!* На эту сцену, на которой привыкли мы видѣть дѣйствующимъ человѣка, выводите вы могуществомъ стихотворства такія творенія, которыя въ сущности удалены отъ нее Природою — чудесность, столь же для насъ пріятная, какъ и въ эпической поэмѣ дѣйствіе сверхъестественныхъ силъ, духовъ, сильфовъ, гномовъ и имъ подобныхъ. Разительность чудеснаго сообщается нѣкоторымъ образомъ и той морали, которая сокрыта подъ нимъ стихотворцемъ; а чашашель, чтобы достигнуть

дрэпшй морали, согласенъ и самую чудесность принимаешь за естественное.

Напрасно приписываютъ изобрѣшеніе Басни рабству (*), а честь сего изобрѣшенія ошдають въ особеннсти какому-шо Азіатскому народу. Не знаю, почему рабамъ приличіе употреблять иносказанія, нежели свободнымъ. Есшьли невольникъ, опасаясь раздражитъ пирана, принужденъ скрывать истину подъ маскою вымысла; шо человекъ свободный, въ угожденіе самолюбію — другаго рода пирану, и можеть быть еще болѣе взыскашельному — не менѣе обязанъ украшать предлагаемое имъ насшавленіе формою пріятною. Въ обшхъ случаяхъ положеніе моралиста одинаково. Шо же касается до изобрѣшенія, шо Басня, кажешся намъ, принадлежеть не одному народу въ особеннсти, а всѣмъ вообще, равно какъ и всѣ другіе роды Поэзіи. Вѣроятно, шо прежде была она собшвенностію

(*) Il est vraisemblable, que les fables, dans le gout de celles, qu'on attribue à Esope et qui sont plus anciennes que lui, furent inventées en Asie par les premiers peuples subjugués: des hommes libres n'auraient pas eu toujours besoin de deguiser la verité: on ne peut en parler à un tyran qu'en paraboles, encore ce detour même est-il dangereux. *Voltaire. Questions sur l'encyclopedie. Art. Fable.*

не Спихотворца, а Рипора и Философа. И Рипоръ и Философъ, разсуждая о предметахъ полишики и нравственности, употребляли, для большей ясности, сравненія и примѣры, заимствованные изъ общежитія или природы. Отъ простаго примѣра, въ которомъ представляемо было одно только сходство идеи предлагаемой съ предметомъ заимственнымъ, легко могли перейти къ Баснѣ, въ которой предлагаемая истина выводима изъ *дѣйствія* вымышленнаго, но имѣющаго отношеніе къ настоящему и такъ сказать заступающему его мѣсто (ибо, для произведенія сильнѣйшаго впечатлѣнія, дѣйствіе вымышленное должно быть принимаемо въ Баснѣ (условно) за быточное, возможное, и какъ будто въ самомъ дѣлѣ случившееся). Примѣръ объясняетъ мысль, но онъ сливается съ предложеніемъ и, такъ сказать, въ немъ исчезаетъ. Басня есть нечто оцѣльное и цѣлое; она заключаетъ въ себѣ дѣйствіе для насъ привлекательное — отъ сей оцѣльности и цѣлости и самая мораль заимствуетъ характеръ оцѣленности; а будучи выводима изъ дѣйствія привлекательнаго, сама становится для насъ привлекательнѣе.

Въ исторіи Басни можно замѣтить три главные эпохи — первая, когда она была не иное что, какъ простой рипори-

ческій способъ, примѣръ, сравненіе; вторая, когда получила бытїе опредѣльное и сдѣлалась однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ способовъ предложенія моральной истинны для риторика или философа нравственнаго — шаковы Басни, извѣстныя намъ подъ именемъ Эзоповыхъ, Федровы и въ наше время Лессинговы; третья, когда изъ области краснорѣчїя перешла она въ область поэзіи, то есть, получила эту форму, кою имѣетъ въ наше время Лафонтенъ и его подражатели, а въ древности Горацію (*). Древніе философы — (древнихъ баснописцевъ надлежитъ скорѣе причислить къ просимымъ моралистамъ, нежели къ поэтамъ) — не сочиняли Басенъ; они рассказывали ихъ при случаѣ, примѣняя ихъ къ обстоятельствомъ или къ той истинѣ, кою доказательство были имѣли; они хотѣли не нравиться своимъ рассказомъ, а просто насмѣлять, и для того, употребляя Басню, какъ способъ убѣжденія или объясненія, менѣе заботились о формѣ ея, нежели о согласіи своего вымысла съ моральною истинною, изъ него извлекаемою, или шѣмъ случаевъ, заимствованнымъ изъ общежитія, кою онъ служилъ подобіемъ. Слѣдственно опличительный характеръ Басенъ древ-

---

(*) Сашира VI, книга II.

нихъ — должна бышь краткость. Моралистѣ, имѣя въ предметѣ : запечатлѣшь въ умѣ чашапеля или слушапеля извѣстное правило практической морали, долженъ необходимо избѣгать всякой излишности въ разсказѣ — слѣдовательно всякое *украшение* почипашь излишностію. Языкъ его долженъ бышь самый простой и краткій — слѣдовательно проза (Федръ писалъ въ стихахъ, но его стихи опличны отъ простой прозы однимъ только размѣромъ); наконецъ, заставляя дѣйствовать скопцовъ и шварей неодушевленныхъ, онъ долженъ упошребляшь ихъ, какъ одни *аллегорическіе образы* тѣхъ характеровъ, которые намѣренъ изобразить — слѣдовательно въ одномъ только отношеніи къ симъ характеристамъ, а не давашь каждому характера собственнаго, ему принадлежащаго, не отношительнаго, что опвлекло бы вниманіе отъ главнаго предмета, то есть отъ морали, и обратило бы его на принадлежность, то есть на тѣ аллегорическія лица, которые входяшь въ составъ Басни. Лучшимъ образцемъ такихъ Басенъ могутъ бышь, по моему мнѣнію, Лессинговы. — Но сдѣлавшись собственностію стихопворца, Басня перемѣнила и форму. Что прежде было простою принадлежностію — я говорю о дѣйствіи — то сдѣлалось главнымъ и столь же важнымъ для

стихотворца, какъ и самая мораль. Поэзію называютъ *подражаніемъ Природѣ*; цѣль ея *нравилъся* воображенію, образу разсудокъ и сердце — слѣдовательно, и Баснописецъ-поэтъ необходимо долженъ, подражая той природѣ, которую беретъ за образецъ, *нравилъся* воображенію своимъ подражаніемъ. И такъ, въ Баснѣ стихотворной я долженъ подъ личиною вымысла находить существенный міръ, со всѣми его опшѣнками; живошныя, герои басни, представляющіе людей — слѣдовательно онѣ должны, для воображенія моего, сохранить не только общенный данный природою имъ образъ, но вмѣстѣ и опносительный, данный имъ стихотворцемъ, такъ чтобы я видѣлъ передъ собою въ одномъ и томъ же лицѣ и живошное и томъ человѣческой характеръ, которому оно служить изображеніемъ, со всѣми ихъ опличительными чертами — Баснописецъ поэтъ составляетъ одинъ *мечтательный* міръ изъ *двухъ* *существенныхъ*: въ одномъ заимствуетъ характеры, свойства моральныя и самое дѣйствіе, въ другомъ однѣ только лица. Чего же я опъ него требую? Чтобы онъ плывалъ мое воображеніе върнымъ изображеніемъ лицъ; чтобы онъ своимъ рассказомъ принудилъ меня принимать въ нихъ живое участіе; чтобы овладѣлъ и вниманіемъ моимъ и чувствомъ, заставляя ихъ дѣй-

ешвовашъ согласно съ моральными свойствами, имѣ данными; чптобы волшебствѣмъ Поэзіи увлекъ меня вмѣстѣ съ собою въ шопѣ мысленный мѣръ, кошорый созданъ его воображеніемъ, и сдѣлалъ на время, пакъ сказашъ, согражданиномъ его обипашелей; и чптобы, наконецъ, удовлетворилъ разсудку моему какою-нибудь моральною испинною, кошорая не иное что, какъ цѣль, къ кошорой привелъ онъ меня спезею цвѣтущею. Таковы Басни Спихопворцевъ новѣйшихъ, и въ особенносши Лафоншeneвы.

Изъ всего сказаннаго выше слѣдуетъ, чпто Басня (не смопря на Лессингово, нѣсколько напьянуное раздѣленіе) можешъ бышь еспешвенно: или *прозаическая*, въ кошорой вымыселъ, безъ всякихъ украшеній, ограниченный однимъ простымъ и крапкимъ разговоромъ, служешъ только прозрачнымъ покровомъ нравспвенной испинны; или *стихотворная*, въ кошорой вымыселъ украшенъ всѣми богащспвами Поэзіи; въ кошорой главной предметъ спихопворца, запечашлвая въ умѣ нравспвенную испинну, нравишься воображенію и прогашъ чувшво.

Чпто же, спрашиваемъ, соспавляешъ совершеншво Басни? Въ прозаической — крапкось, ясный слогъ, приличіе вымышленнаго произшесствія къ шой морали,

которая должна быть изъ него извлекаема. Но стихотворная? Она пребудетъ гораздо болѣе, и мы, чтобъ получить нѣкоторое понятіе о совершенствѣ ея, взглянемъ на того стихотворца, который, первый показавъ образецъ стихотворной Басни, оспался навсегда образцемъ неподражаемымъ — я говорю о Лафоншенѣ. Опредѣливъ характеръ сего единственнаго стихотворца, мы въ то же время опредѣлимъ и истинный характеръ *совершенной* Басни.

Не лѣзя, мнѣ кажется, достигнуть до надлежащаго превосходства въ семъ родѣ стихотворенія, не имѣвши того характера, который находимъ въ Лафоншенѣ, получившемъ отъ современниковъ наименованіе *добродушнаго*. Баснописецъ есть сынъ Природы, предпочтительно передъ всѣми другими стихотворцами. Самый обыкновенный умъ способенъ украсить нравоученіе вымысломъ, вывести на сцену скоповъ и дать языкъ вещамъ неодушевленнымъ — но будешь ли въ произведеніяхъ его ша прелесь, которую находимъ въ басняхъ и вообще во всѣхъ сочиненіяхъ Лафоншена? Чтобъ принимаешь живое участіе въ шѣхъ маловажныхъ предметахъ, которые должны *овладѣть вниманіемъ* баснописца, и сдѣлаешь ихъ привлекательными для самаго хладнокровнаго читателя — принадлежитъ имѣшь сію *неискусственную* чув-

спвишельность невиннаго сердца, копорая привязываетъ его ко всѣмъ созданіямъ Природы безъ извѣстїя; сїю полную души, съ копорою бываемъ мы щастливы при совершенномъ недостаткѣ преимуществъ, доставляемыхъ и обществомъ и фортуною, съ копорою мы веселы въ уединенїи, и заняты, не имѣя никакого дѣла; сїе разположенїе къ добру, съ копорымъ все представляется намъ и въ обществѣ и въ природѣ прекраснымъ, попому что все бываетъ тогда украшено въ глазахъ нашихъ собственнымъ нашимъ чувствомъ; сїю беззаботность, копорая оставляетъ намъ полную свободу занимаешь съ удовольствїемъ такими вещами, копорыя для другихъ какъ будто не существуютъ, или кажутся презрѣнными; сїе *простодушіе*, копорое увѣряетъ насъ, что всѣ имѣютъ одинакое съ нами чувство и всѣ способны принимать одинакое съ нами участїе въ тѣхъ предметахъ, копорыя для насъ однихъ привлекательны — тогда вся Природа наполнена для насъ существами, знакомыми и любезными нашему сердцу; всѣ творенїя составляютъ наше семейство — мы шрогаемся судьбою увядающаго цвѣтка, раздѣляемъ заботливостъ ласпочки, свивающей для малюшкѣ своихъ гнѣздо, наслаждаемся внимая пѣнїю пустыннаго соловья, и сожалѣемъ объ

немъ , будучи искренно увѣрены , что и онъ имѣетъ свои пошери ; чувства сіи живы , потому что душа , наполненная ими , будучи истинно непорочна , предаётся имъ съ младенческою беззаботностію , неразвлекаема никакимъ постороннимъ беспокойствомъ , никакою возмущительною спраснію . Таковъ характеръ Лафоншеня . Можливожь удивляться , что Басни его имѣютъ для всѣхъ неизвѣстную прелесть ? Лафоншень рассказываетъ намъ о тѣхъ существахъ , которыхъ къ нему близки , и первый совершенно увѣренъ въ истиннѣ своего рассказа . Подумаешь , что Напура наименовала его испорикомъ того міра , въ которой онъ переселился воображеніемъ ; онъ рассказываетъ съ чувствомъ о своей родинѣ ; онъ хочетъ и васъ заславить полюбить ту сторону , которая ему такъ мила и знакома ; онъ говоритъ съ вами не для того , чтобы быть вашимъ наставникомъ , но для того , что ему весело говорить ; не ищите въ Басняхъ его морали — ее нѣтъ ! но вы найдете въ нихъ его душу , которая вся изливается передъ вами въ прелестныхъ чувстввахъ , въ простыхъ , для всякаго ясныхъ мысляхъ , безъ умысла , безъ искусства ; вы слышите милого младенца , исполненнаго высокой мудрости ; научаясь любить его , вы станете сами и

лучше и довольнѣе собесѣжнымъ бышѣ-
емъ, и нечувствительнѣе находише все во-
кругъ себя прекраснымъ. Чистая Лафон-
шеня, замѣчаемъ въ душѣ своей по чув-
ство, которое обыкновенно производитъ
въ ней присущствіе скромнаго, милаго,
совершенно добродушнаго мудреца — она
спокойна, щаслива, довольна и Природою
и собою. Съ такимъ единственнымъ ха-
рактеромъ Лафоншень соединилъ и даро-
ваніе Поэта въ высочайшей степени. Что
называю дарованіемъ Поэта? Воображеніе,
представляющее предметы живо и съ са-
мой привлекательной стороны, способность
изображать сіи предметы для другихъ
приличными имъ красками, и такъ, что-
бы они представлялись имъ съ такою же
ясностію, съ какою и намъ самимъ пред-
ставляющся; способность (въ особенно-
сти необходимая баснописцу) рассказы-
вать просто, пріятно, безъ принужденія,
но рассказывать языкомъ снижотворнымъ,
по естѣ, украшая, безъ всякой натяжки,
простой рассказъ выраженіями высокими,
пѣщическими вымыслами, картинками, и
разнообразя его смѣлыми оборотами. Та-
ковъ Лафоншень въ своихъ Басняхъ. Ни-
кто не умѣетъ столь непринужденно пере-
ходить отъ простаго предмета къ высо-
кому, отъ обыкновеннаго рассказа къ
снижотворному; никто не имѣетъ такого

разнообразія оборотовъ; такой живописности выраженій; такого искусства сливаться съ простымъ описаніемъ остроумныя мысли или въжныя чувства. Найдите въ Баснѣ: *Ястреба и Голуби* (Livre VII. Fable VIII) описаніе сраженія — читая его, можете вообразить, что дѣло идетъ о Римлянахъ и Германцахъ: такъ много въ немъ поэзіи; но стихотворца ни мало не покажется вамъ неприличнымъ его предмету. Очъ чего это? Очъ того, что онъ воображеніемъ присутствуетъ при томъ происшествіи, которое описываетъ, и первый совершенно увѣренъ въ его важности — не мысливъ васъ обманывать, но самъ обмануть. Въ этой же Баснѣ замѣтите вы удивительное искусство Лафонтена; занимаясь однимъ предметомъ, изображая мимоходомъ предметы по стороніе и пріятные — онъ говоритъ о ястребахъ:

Certain fujet fit naitre la dispute
 Chez les oiseaux — non ceux que le printemps
 Mene à sa cour et qui sous la feuillée,
 Par leur exemple et leurs sons eclatans
 Font que Venus est en nous reveillée и пр.

Вашему воображенію представляющіяся первыя минушы весны: вы видите молодыя деревья, подъ которыми поютъ птицы, и со всемъ тѣмъ, ваше вниманіе не отвлечено очъ главнаго предмета, ибо эта прелестная картина естественнo блваетися

съ описаніемъ главнымъ. Далѣе, говоря о голубяхъ, Лафоншенью одною чертою изображаетъ и ихъ наружность и ихъ характеръ :

. . . . . Nation

Au col changeant, au coer tendre et fidele!

Въ первомъ полустипшии карпина, въ послѣднемъ прогашельное нѣжное чувство: стихотворецъ, изображая предметы, сообщаетъ вамъ и то прѣянное расположеніе души, съ какимъ онъ самъ на нихъ смотритъ. Таково неподражаемое искусство Лафоншеня!

Изъ всего, что сказано выше, легко можно вывести общія правила для баснописца. Ославляя эпичесъ прудъ нашимъ читателямъ, мы обратимъ глаза на *Басни Господина Крылова*, которыя подали намъ поводъ къ симъ разсужденіямъ. Чтобы опредѣлить характеръ Авшора, какъ стихотворца, надлежитъ разсматривать Басни его не съ той точки зрѣнія, съ какой обыкновенно смотримъ на Басни Лафоншеня. Лафоншень, который не выдумалъ ни одной собственной басни, почищается, не взирая на то; Поэтомъ оригинальнымъ. Причина ясная: Лафоншень, заимствуя у другихъ вымыслы, ни у кого не заимствовалъ ни той прелести слога, ни тѣхъ чувствъ, ни тѣхъ мыслей, ни тѣхъ истинно стихотворныхъ картинъ,

ни того характера *прослоты*, которыми украсилъ, и такъ сказавъ обратился въ свою собственность заимствованное. *Разсказъ* принадлежитъ Лафонтеню, а въ стихотворной Баснѣ разсказъ есть главное. Господинъ Крыловъ, напротивъ, занялъ у Лафонтена (въ большей части Басенъ своихъ) и вымыселъ и разсказъ, следовательно можешь имѣть право на имя Автора оригинальнаго по одному только искусству присваивать себѣ чужія мысли, чужія чувства и чужой гений. Не опасаясь никакого возраженія, мы позволяемъ себѣ утверждать рѣшительно, что подражатель-стихотворецъ можешь бытъ Авторомъ *оригинальнымъ*, хотя бы онъ не написалъ и ничего собственного. Переводчикъ въ прозѣ есть рабъ, переводчикъ въ стихахъ — соперникъ. Вы видите двухъ аншеровъ, которые занимающъ искусство декламации у трешьяго — одинъ подражаетъ съ рабскою точностию и взорамъ и голосу и плодвиженіямъ образца своего, другой, напротивъ, стараясь сравниться съ нимъ въ превосходствѣ представленія одинакой роли, употребляетъ *собственные*, ему одному свойственные способы. Поэтъ оригинальный воспламеняется идеаломъ, который находишь у себя въ воображеніи; Поэтъ — подражатель въ такой же степени воспламеняется образцемъ сво-

имъ, который заступаетъ для него тогда мѣсто идеала собственнаго — слѣдственно подражатель, уступающій образцу своему палму изобретательности, долженъ необходимо имѣть почти одинакое съ нимъ воображеніе, одинакое искусство слога, одинакую силу въ умѣ и чувствахъ. Скажу болѣе: подражатель, не будучи изобретателемъ въ *цѣломъ*, долженъ имъ быть непременно *по частямъ*, прекрасное рѣдко переходить изъ одного языка въ другой, не утративъ нѣсколько своего совершенства: чѣмъ же обязанъ дѣлаться переводчикъ? Находишь у себя въ воображеніи такія красоты, которые могли бы служить *замѣною*, слѣдовательно производить *собственное*, равно превосходное — не значилъ ли это быть творцемъ? И не потребно ли для того имѣть дарованіе писателя оригинальнаго? Замѣтимъ, что для переводчика Басня, такого рода оригинальность гораздо нужнѣе, нежели для переводчика оды, эпическаго и другихъ *возвышенныхъ* стихотвореній! Всѣ языки имѣютъ между собою нѣкоторое сродство въ высокомъ, и совершенно отличны одинъ отъ другаго въ простомъ, или лучше сказать въ простонародномъ. Оды и прочія возвышенныя стихотворенія могутъ быть переведены довольно близко, не потерявъ своего совершенства; напрошивъ Басня (въ кото-

рую, надобно замѣшишь, входящѣ и красосы, принадлежащія всѣмъ прочимъ родамъ стихотворства) будещь совершенно испорчена переводомъ близкимъ. Чшожь долженъ дѣлать баснописецъ-подражатель? Творишь въ подражаніи своемъ красосы, ошвѣчающія шѣмъ, копорымъ онъ удивляешся въ подлинникѣ. А естли онъ не имѣетъ ни чувсва, ни воображенія, ни даже изобрѣтательности шого стихотворца, копорому подражаешъ: что будещь его переводъ? Смѣшная карриатура прекраснаго идеала.

Мы позволяемъ себѣ утверждать, что Господинъ Крыловъ можешъ быти причисленъ къ переводчикамъ искуснымъ, и пошому шочно заслуживаешъ имя стихотворца оригинальнаго. Слогъ Басенъ его вообще легкій, чиспый и всегда пріятный. Онъ рассказываетъ свободно и не рѣдко съ шѣмъ милымъ простодушіемъ, копорое такъ плѣнительно въ Лафонтенѣ. Онъ имѣетъ гибкій слогъ, копорый всегда примѣняешъ къ своему предмету — шо возвышаешся въ описаніи величественномъ, шо шрогаешъ васъ проснымъ изображеніемъ нѣжнаго чувсва, шо забавляешъ смѣшнымъ выраженіемъ или оборотомъ. Онъ искусенъ въ живописи — имѣя даръ воображать весьма живо предметы свои, онъ умѣетъ и переселять ихъ въ воображеніе читателя;

каждое дѣйствующее въ Баснѣ его лице имѣетъ характеръ и образъ, ему одному приличные; чисташель точно присутствующъ мысленно при томъ дѣйствіи, которое описываетъ стихопворецъ.

Лучшими Баснями изъ XXIII, имѣющихъ каждая свое достоинство, почитаемъ: *Двухъ Голубей, Невѣсту, Стрелку и Муравья, Пустынника и Медвѣдя, Лягушекъ, бросающихъ царя.*

Два Голубя, Басня, перелетенная изъ Лафоншена, кажется намъ почти столько же совершенною, какъ и Басня Господина Дмишрѣева, того же имени — въ обѣихъ разсказъ равно пріятный, въ послѣдней болѣе поэзіи, красности и силы въ слогѣ; за то въ первой, если не ошибаемся, чувствуется выражены съ большимъ простодушіемъ.

Два голубя, какъ два родные брашажили;
 Другъ безъ друга они не ѣли и не пили;
 Гдѣ видишь одного, другой ужъ вѣрно тамъ;
 И радость и печаль все было пополамъ!
 Не видѣли они, какъ время пролетало:
 Бывало грустно имъ, а скучно не бывало!

Въ этихъ шести стихахъ, которые всѣ принадлежатъ подражателью, разпространенъ одинъ прекрасный стихъ Лафоншена:

Deux pigeons s'aimaient d'amour tendre.

Но они вѣрно никому не покажутся излишними. Можно ли пріятнѣе представить счастливое согласіе двухъ друзей? Вотъ

то, что называется замѣнять красныя подлинника собственными. Вы конечно замѣнили послѣдній, простой и нѣжный стихъ:

Бывало грустно имъ, а скучно не бывало.

Ну кажешься кудабъ хошѣшь

Или ошѣ милой, иль ошѣ друга —

Нѣшѣ! вздумалъ спранспровашъ одинъ
изъ нихъ лепшѣ!

И эшихъ стиховъ нѣшѣ въ подлинникѣ — но они милы шѣмъ просподушѣемъ, съ какимъ выражаешься въ нихъ нѣжное чувство!

Хошите ли картинъ? Вотъ изображеніе бури въ одномъ живописномъ стихѣ:

Вдругъ встрѣчу дождь и громъ!

Подъ нимъ какъ океанъ синѣетъ степь
кругомъ!

Вотъ изображеніе опасности голубка - путешественника, котораго преслѣдуешь лспребъ:

Ужь когти хищные надъ нимъ распуцены!

Ужь холодомъ въ него съ щирокхъ крыльевъ пашетъ!

Въ Лафоншенѣ эшихъ стиховъ нѣшѣ, но подражатель, кажешься, хошѣлъ замѣнить ими другіе два, нѣсколько ослабленные имъ въ переводѣ;

. . . . . Quand des nues
Fond à son tour un aigle aux ailes étendues,

Сожалѣемъ также, что онъ выпустилъ прекрасный стихъ, который переведенъ такъ удачно у Господина Дмишрѣева:

Le pig-on profita du conflit des voleurs —
И такъ, благодаря спеченію воровъ. Дм.

Стихъ, шѣмъ болѣе важный, что въ немъ стихотворецъ мимоходомъ одною чершою, напоминаетъ намъ о томъ, что дѣлается въ свѣтѣ, гдѣ иногда раздоръ злодѣевъ бываетъ спасеніемъ невинности. Это искусство *намѣкать* принадлежитъ въ особенности Лафоншеню. Заключение Басни прекрасно въ обоихъ переводахъ, съ тою только разницею, что Господинъ Крыловъ замѣнилъ стихи подлинника собственными, а Господинъ Дмишрѣевъ перевелъ очень близко Лафоншеня, и съ нимъ сравнился. Выпишемъ и шѣ и другіе:

Кляня охоту видѣть свѣтъ,
Кое-какъ попался домой безъ новыхъ бѣдъ. . . .
Щасливѣ еще: его тамъ дружба ожидаетъ!
Къ оправдѣ онъ своей,
Услугу, лѣкаря и помощь видитъ въ ней;
Съ ней скоро и бѣды и горе забываетъ.
О вы, которые обѣхатъ свѣтъъ вокругъ
Желаніемъ горите,
Вы эшу басенку прочтите,
И въ дальный путь такой пускайте не вдругъ:
Чтобъ ни сулило вамъ воображенье ваше,

Не вбрыте! той земли не сыщете вы краше,
Гдѣ ваша милая и гдѣ живешъ вашъ другъ!

Крыловъ.

О вы, которыхъ богъ любви соединилъ!
Хопишель спрансповашъ? Забудыте гордый
Нилъ

И далѣ ближняго ручья не разлучайтесь!
Чѣмъ любовашься вамъ? Другъ другомъ восхи-
щайтесь!

Пускай одинъ въ другомъ находишъ каждый
часъ

Бре-расный, нозый мѣръ, всегда разнообразный!
Бываешъ ли въ любви хоть мигъ для сердца
праздный?

Любовь, повбрыте мнѣ, все замѣнитъ для васъ.
Я самъ любилъ — тогда, за лугъ уединенный,
Присутствіемъ моей любезной озаренный,
Я не хотѣлъ бы взятьъ ни мраморныхъ палатъ,
Ни царства въ небесахъ! . . . Придешель вы
назадъ,

Минушы радостей, минушы восхищеній?
Иль буду я однимъ воспоминаемъ жить?
Ужель прошла пора столь милыхъ обольщеній,
И полно мнѣ любить?

Дмитріевъ.

Послѣдніе стихи, безъ всякаго сравненія,
лучше первыхъ — но должно ли ихъ и
сравнивать? Господинъ Крыловъ — не жела-
я переводить снова, а можешъ бышь и не на-
дѣясь перевести лучше то, что переведе-
но какъ *не лзя лучше* — замѣнилъ
красошу подлинника собщивенною! Заклю-
ченіе Басни его (ещьли не сравнивать
его ни съ Лафоншеневымъ, ни съ перево-
домъ Господина Дмитріева) прекрасно са-

мо по себѣ. Напримѣръ, послѣ подробнаго описанія несчастій голубка-путешественника, не пронесѣ ли васѣ этотѣ одинѣ, прекрасный и нѣжный стихѣ :

Щастливѣ еще: его тамѣ дружба ожи-
даетѣ !

Авторѣ пославилѣ одно имя дружбы въ прошивуположность живой картинѣ спрда-
данія — и вы спокойны на щетѣ печаль-
наго странника! Поэтѣ далѣ полную волю
вашему воображенію предсавивѣ вамѣ всѣ
штѣ опрады, копорыя найдешѣ голубокѣ его,
возвращившись къ своему другу! Здѣсь вся-
кая подробность была бы излишнею, и поль-
ко ослабила бы главное дѣйствіе. Посред-
ственнѣй писатель, въроятно, воспользо-
вался бы эпитѣ случаемѣ, чшобы на-
скучишѣ читателю обыкновенными выра-
женіями чувства — но истинное дарованіе
воздержнѣ! Оно равно обнаруживается и въ
томѣ, что Поэтѣ описываетѣ, и въ томѣ,
о чемѣ онѣ умалчиваетѣ, полагаясь на чув-
ство читателя. Послѣдніе три стиха
прелестны своею простотою и нѣжностію.

Выпишемѣ еще нѣсколько примѣровѣ.
Вотѣ прекрасное изображеніе моровой язвы:
Лютѣйшій бичѣ Небесѣ, Природы ужасѣ —
морѣ
Свирѣпствуетѣ въ лѣсахѣ — унылы забри!
Вѣ адѣ распахнулись настѣшѣ двери;
Смерть рыщетѣ по полямѣ, по рвамѣ, по
высамѣ горѣ;

Вездѣ размешаны ея свирѣпства жертвы;
На часъ по тысячѣ валился ихъ;
А шѣ, которые въ живыхъ,
Такой же часши ждя, чужь бродяшѣ полу-
мертвы.

Тѣжъ звѣри, да не шѣ, въ бѣдѣ великой той;
Не давшѣ волкѣ овецъ, и смиренѣ, какѣ
свяшой;

Давѣ курамѣ роздыхъ и покой,
Лиса пошится въ подземельѣ;
И пища имѣ на умѣ нейдетъ!
Съ голубкой голубъ врозь живетъ;
Любви въ поминѣ больше нѣтъ;
А безъ любви какое ужъ веселье!

Господинъ Крыловъ занялъ у Лафоншени искусство смѣшивать съ простымъ и легкимъ рассказомъ картины, истинно стихотворныя :

Смерть рыщещѣ по полямъ, по рвамъ, по
высямъ горъ;

Вездѣ размешаны ея свирѣпства жертвы;
Два стиха, которые не испортили бы ника-
какого описанія моровой язвы въ эпиче-
ской Поэмѣ.

Не давшѣ волкѣ овецъ, и смиренѣ, какѣ
свяшой;

Давѣ курамѣ роздыхъ и покой,
Лиса пошится въ подземельѣ;

Здѣсь рассказъ стихотворный забавенъ и
легокъ, но онъ не составляетъ непри-
ятной противоположности съ пѣщиче-
скою картиною язвы. А въ слѣдующихъ

трехъ стихахъ съ простымъ описаніемъ сливающа нѣжное чувство:

Съ голубкой голубъ врозь живетъ;
Любви въ поминѣ больше нѣтъ;
А безъ любви какое ужъ веселье!

Это переводъ, и самый лучший, прекрасныхъ Лафоншенивыхъ стиховъ:

Les tourterelles se fuyaient!
Plus d'amour, partant plus de joie!

Какая разница съ переводомъ Рняжниина, который однако не дуренъ:

И горлицы другъ друга убѣгаютъ:
Нѣтъ болѣе любви въ лѣсахъ, и нѣтъ
утѣхъ!

Княжн.

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ — мы осматриваемъ замѣшишь въ нихъ красоты самимъ чинашелямъ.

Примѣръ разговора. Стрекоза пришла съ просьбою къ Муравью:

Не оставь меня, кумъ милой!

Дай ты мнѣ собратъ съ силой

И до вѣснихъ только дней

Прокорми и обогрей! —

„Кумушка, мнѣ спранно это!

„Да работала ты въ лѣно?“

— Говоришь ей Муравей. —

До шоволь, голубчикъ, было!

Въ мягкихъ муравахъ у насъ,

Пѣсни, рѣзвость всякой часъ —

Такъ что голову вскружило! ипр. —

Лягушки просили у Юпишера царя, и
Юпишеръ

Далъ имъ царя — лешитъ къ нимъ съ
шумомъ царь съ небесъ,

И плотно такъ онъ преснулся на царство,
Что ходенемъ пошло прясинногосударство.

Со всѣхъ лягушки негъ

Въ испугъ помешались,

Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ,

И шопотомъ царю по кельямъ дивовались.

И подлинно, что царь на диво былъ имъ данъ:

Не суетливъ, не вертолпрашенъ,

Степененъ, молчаливъ и важенъ!

Дородствомъ, ростомъ великанъ!

Ну, посмотришь, такъ это чудо!

Одно въ царѣ лишь было худо . . .

Царь эшотъ былъ осиноуи чурбанъ!

Сначала, чтя его особу превысоку,

Не смѣшъ подступить изъ подданныхъ
никто;

Чуть смѣютъ на него глядѣшь онъ — и та
Украдкой, издали, скѣзь аиръ и осоку.

Но такъ какъ въ свѣтѣ чуда нѣтъ,

Къ которому не приглядѣлся бѣ свѣтъ,

То и онъ — сперва отъ страха отдохнули,

Потомъ къ царю подползъ съ предан-
ностью дерзнули;

Сперва передъ царемъ ничкомъ;

А тамъ, кто посмѣлѣи, дай сѣспъ къ
нему бочкомъ,

Дай попытаться сѣспъ съ нимъ рядомъ;

А тамъ, которые еще поудалѣи,

Къ царю садяпся ужъ и задомъ.

Царь терпитъ все по милости своей.

Немного погоды, посмотришь, кто захе-
чисъ,

Тотъ на него и вскочитъ!

Можно забыть, что читаешь стихи, так в эпосе рассказ легок, прост и свободен. Между тем какая поэзия — я разумю здесь под словом: поэзия, искусство представлять предметы так живо, что они кажутся присущими:

Что ходенемъ пошло трясино гонудар-
ство.

Живопись в самых звуках! Два длинных слова: *ходенемъ* и *трясино* прекрасно изображают попрысенье болота.

Со всѣхъ лягушки ногъ
Въ испугъ пометались,
Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ!

В последнем стихе, напроив, красота состоит в искусном соединении односложных слов, которые своею гармониею представляют скачки и прыганье. Вся эта пирада есть образец легкого, приятного и живописного рассказа. С тем же даже утверждаешь, что здесь подражанье превосходит подлинник — а это весьма много, ибо Лафоншенева Басня прекрасна; в стихах последнего, кажется, меньше живописи, и самый рассказ его не столь забавен. Еще один или два примера, и кончим.

Жилъ нѣкто, человекъ безродной, *одн-*
накой,
Въ дали отъ города, в глуши.

Про жизнь пустынную какъ складно напиши,
А въ одиночествѣ способенъ житьъ не всякой;
Ушѣшно намъ и грустьъ и радостьъ раздѣлишь.
Мнѣ скажутъ: а лужокъ? а шемная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова? —
Прекрасны, что и говоришь!
А все прискучишься, какъ не съ кѣмъ
молвишь слова!

Вошъ истинное просподушїе Лафоншена, кошорый вѣрно не могъ бы выразишься лучше, когда бы родился Рускимъ! Замѣшимъ однако здѣсь ошибку: Господинъ Крыловъ употребилъ слово *одинакой* (съ кѣмъ или съ чѣмъ-нибудь совершенно сходный) вмѣсто слова: *одинокой* [неимѣющій ни родства, ни знакомства, ни связей]. — Далѣе. Авторъ описываетъ пустытника и друга его медвѣдя. Первый уснулъ опъ прогулки; послѣдній предлагаетъ ему заснуть:

Пустытникъ былъ стоворчивъ, легъ,
зѣвнулъ,

Да пошчасъ и заснулъ.

А Миша на часахъ! да онъ и не безъ дѣла!

У друга на носъ муха сѣла —

Онъ друга обмахнулъ —

Взглянулъ —

А муха на щевъ — согналъ — а муха
снова

У друга на носу!

Здѣсь подражаніе несравненно лучше по-
длиника! Лафоншенъ сказалъ просто:

Sur le bout de son nez une (муха) allant
se placer,

Mit l'ours au desespoir — il eu beau la chasser!

Какая разница! — въ переводѣ каршина, и
каршина совершенная. Спихи лешають
вмѣстѣ съ мухою. Непосредственно за ни-
ми слѣдуютъ другіе, изображающіе про-
тивное, медлительность медвѣдя — здѣсь
всѣ слова длинныя, спихи пинутся:

Вошѣ Мишинька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгрѣбъ,
Присѣлъ на корпочки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: молчижь! ужь я себя во-
струху!

И у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть — хватъ друга камнемъ
въ лобъ!

Всѣ эти слова: *Мишинька, увѣсистый, булыжникъ, корпочки, переводитъ, думаетъ, и у друга, подкарауля* — пре-
красно выражаютъ медлительность и
оспорожность; за пятью длинными, тя-
желыми спихами слѣдуетъ быстрое полу-
спихіе:

— хватъ друга камнемъ въ лобъ!

Эшо молнія! эшо ударъ! Вошѣ истинная
живопись, и какая противуположность по-
слѣдней каршины съ первою!

Но довольно! чипашели могутъ сами развернуть *Васни Господина Крылова* и замѣнить въ нихъ шѣ красочы, о копорыхъ мы не сказали ни слова, за недоспашкомъ времени и мѣспа. Оспаешся пеперь замѣнить ошибки — ихъ очень не много. Слогъ Господина Крылова нажепся намъ, въ иныхъ мѣспахъ, разпянушымъ и слабымъ (за то мы нигдѣ не замѣнили ни малѣйшей принужденности въ разказѣ). Найдутся три или чешыре погрѣшности противъ языка; нѣсколькы выражений, противныхъ вкусу, грубыхъ, и шѣмъ болѣе замѣнныхъ, что слогъ вообще вездѣ и прѣяшевъ и легокъ. На примѣрѣ:

Вѣщуньяна съ похвалъ вскружилась голова;
Отъ радости въ зобу духъ сперло!

I. *Басня.*

Едва ли это непрѣяшное выраженіе: *въ зобу духъ сперло*, понравится людямъ, привыкнущимъ къ языку хорошаго общества. Дубъ говоритъ простинкъ:

Вѣдъ тебѣ овсянки чужъ тяжка!

II. *Басня.*

Не приличнѣ ли тяжестъ овсянки выразишь легкимъ, а не *тяжелымъ* стихомъ? Такая подражательная гармонія не *слишкомъ* ли подражательна?

Чѣмъ *любоваться* шумъ? — Твой хоръ Горланшъ вздоръ! III. *Басня.*

Нельзя, ешлы не ошибаюсь, говоря о музыкѣ, упошребить слово: *любовать*.

ся — Любуешься только шѣмъ, что видишь.

*А ты — такъ ты еще не уклонялъ лица,
Какъ сдерживалъ порывы ихъ ужасны!*
II. Басня.

И какъ открыть его, ни какъ не догадался. VI. Басня.

А все, за все спасибо мнѣ. XVI. Басня.

Сразмѣрилась съ крѣпостью твоей такая гордость? XVII. Б.

Лакби, гуторя, плещутся въ слѣдъ шажкомъ,
Учитель съ барыней болтаютъ вздоръ пишкомъ. XXI. Б.

Для швари, глупой, подлой толь. VII Б.

Вбродно, что, при второмъ изданіи, Господинъ Крыловъ не оставилъ этихъ стиховъ безъ поправки.

Орелъ подъ небесью леталъ. XX. Басня.
Надобно, еслили не ошибаюсь, сказать: *ло поднебесью*; въ Рускомъ языкѣ едва ли есть слово: *небесье*.

Въ лѣсу кого набрести,
Кромѣ волковъ или медвѣдей?
И это кажешься намъ ошибкою прошивъ
языка. Говоришься: *на кого набрести, а не
кого набрести*.

И рада, рада ужь была,
Что вышла за калыку.

Авторъ, для риѣмы, поставилъ: *каляка*, вмѣсто: *кальна*. Эта ошибка шѣмъ болѣе чувствительна, что она единственная въ такой Баснѣ, которая опъ первого стиха до послѣдняго (если выключить еще одно неправильное выраженіе: *одинаку*) прекрасна. Это IX ая, изъ которой мы не взяли ни одного примѣра единственно для того, чтобы оставить чинапелямъ нашимъ удовольствіе новости. Замѣшимъ еще одно: въ знакахъ препинанія такое множество ошибокъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ весьма трудно добраться до смысла: конечно авторъ не самъ просматривалъ корректуру! Ж.

VIII.

С м ѣ с ь.

Въ изданной г-жею Спаль новой книгѣ *Письма и мысли Принца де Линя* (Ligne) сочинители Парижскихъ листковъ находятъ много доспойнаго любопытства. Сей Принцъ объѣздилъ почти всю Европу, былъ въ Россійской службѣ, пользовался благоволеніемъ многихъ Особъ вѣнчанныхъ, любилъ словесность и науки, и слылъ челоѣкомъ остроумнымъ. Говорятъ, что каждое письмо его опличается или удачными выраженіями, или необычайными оборотами.

словахъ , или прекрасными анекдотами. По слѣдующему описанію о Князѣ Пошемкинѣ судить можемъ, что Принцъ де Линь съ лишкомъ уже гонялся за оспроуміемъ , которое по его мнѣнію состояло въ прошивности лѣниваго , а въ самомъ дѣлѣ беспрепятственно шрудящагося . . . Онъ всегда лежишь ; однакожъ неспитъ ни днемъ ни ночью , стараясь угождать обожаемой Государынѣ , и превозвася мыслію , не ошнѣло ли жизни пушечное ядро у кого-либо изъ подчиненныхъ ему воиновъ. Боязливъ , когда дѣло идетъ о другихъ ; самъ за себя неуспрашивъ . Безпокоишься прежде опасностей , веселишься при опасностяхъ , бываешь смущенъ среди веселостей . . . . Любишь Бога , боишься сапаны . . . . Одною рукою даешь знакъ любимымъ женщинамъ , другою крестишься . . . Получаешь деревни отъ Императрицы , и плашишь за Нее долги безъ Ея вѣдома . . . Съ Генералами бесѣдуешь о богословіи , а съ Архіепископами о военномъ дѣлѣ . . . Какъ младенецъ , всего желаетъ , и какъ великой человекъ , безъ всего обойтись можешь .“ Нѣсколько спраннымъ покажешься , что Принцъ де Линь увѣряетъ , будто слово *небойся* у Турковъ значить *n' auez ' ras peur* , или шже что и по Русски , и будто Турки произ-

носятъ сѣе слово, когда опсѣкаютъ кому-либо голову. Полно правда ли?

*

Выписываемъ изъ Парижскаго моднаго Журнала довольно забавной анекдотъ объ одномъ Французскомъ Проспаковѣ. „Поансенетъ младшій такъ слѣпо во всемъ полагался на Палиссопа, что сему не одинъ разъ случалось увѣрять его въ самыхъ несбыточныхъ нелѣпостяхъ, и тѣмъ забавлять своихъ пріятелей. Палиссопъ показываетъ ему подложное письмо, будто бы полученное отъ одного Нѣмецкаго владѣтельнаго Князя, коимъ даетъ препорученіе вызвать изъ Франціи молодого человека, искуснаго въ словесности, для воспитанія наследнаго Принца. Поансенетъ убѣдительно проситъ своего друга употребить его для столь выгодной должности. Палиссопъ общается писать къ владѣтельному Князю, и черезъ нѣсколько времени говоритъ просподушному своему пріятелю: шеперь отъ тебя, любезной другъ, зависишь получить желаемое мѣсто; хотя есть небольшое препятство. . . . — Препятство? скажише, какое? — Принцъ Люшеранинъ; надобно чшобъ насшавникъ былъ одного съ нимъ закона. — Чшо нужды! я гошовъ сдѣлаться шуркомъ, жидомъ, браминомъ. — Назначаютъ день, и Поансенетъ при сви-

дѣшеляхъ подписываетъ отреченіе свое
ошъ католическаго исповѣданія. Забавни-
камъ вздумалось продолжитъ шушку. Го-
воряшъ Поансенешу, что онъ поступилъ
неоспорочно, и что ошъ правительствѣ
дано повелѣніе взять его подъ караулъ,
какъ ошшупника ошъ вѣры. Поансенешъ,
слѣдуя совѣту добрыхъ пріятелей своихъ,
переодѣвается въ женское платье, и пря-
чется въ погребъ. Его увѣряютъ, что
онъ все еще находишься въ опасности, и
что съ помощію одного велемудраго каба-
лища можешь сдѣлаться невидимкою.
Благодѣшельный мудрецъ вымазываетъ
Поансенешу лицо желтымъ маслянымъ со-
сисавомъ, и для опыта на первый случай ве-
дешъ его въ гостиницу, въ которой забав-
ники ужинали. Невидимка нашъ идетъ
прямо въ столовую; собесѣдники незамѣ-
чаютъ его; открыто говорятъ объ умѣ
его и о нравахъ, какъ будто бы шущъ
его не было. Разумѣешь, что Поансенешо-
во самолюбіе жестоко срадало; но шущъ
еще не все: одинъ льетъ на лице ему ви-
но изъ спакана, другой бросаетъ ша-
релку на ноги. Между шѣмъ Поансенешъ
внушренно веселился, и говоритъ самъ
себѣ: глупые! о еслибъ знали они, что я
здѣсь!

*

Въ Китаѣ богашыя люди, ученые и мандарины опрашиваютъ ноги на лѣвой рукѣ, а особливо на мизинцѣ, на копоромъ ногошъ обыкновенно имѣетъ длины нѣсколько дюймовъ. Такое опличіе принадлежитъ не всѣмъ соспаніямъ; ремесленникъ упражняясь въ своей работѣ, не можетъ пользоваться симъ роскошнымъ преимуществомъ. Г. Гинье (Guignes), издавшій шеперь описаніе своего путешествія въ Пекинъ, повѣствуетъ, что посѣщаль его одинъ Китайскій врачъ, у котораго самой длинной ногошъ былъ двенадцати дюймовъ съ половиною, а прочіе по девяти и по десяти дюймовъ. Ногошъ мизинца однакошъ не равнялся другимъ въ достоинствѣ; Китаецъ съ горестію объявилъ, что сей драгоценный ногошъ изломался. Споты великихъ трудовъ доведши ноги свои до такого совершенства; за шо уже какимъ уваженіемъ пользуется шотъ, кшо преодолѣлъ всѣ препятства! Въ случаѣ шяжбы, напримѣръ, мандаринъ всегда оправдываетъ просишеля или опвѣщачика, у котораго длиннѣе ноги. Китайской судья умствуетъ такимъ образомъ: кшо сполько перпблывъ и сполько самъ о себѣ печется, что успѣлъ опросишъ длинные ноги; шотъ конечно не станеть заводишъ пустыхъ шяжебъ и неспособенъ ни къ какимъ дурнымъ по-

ступнямъ. Смѣшна логика Кишайслихъ мандариновъ! но Европейскіе наши мандарины лучше ли разсуждаютъ? Невидимъ ли, что и у насъ часто заключаютъ объ ученѣ или о медикѣ по каретѣ его, по наряду, по ухваткамъ? — Тотъ же Гинье пишетъ слѣдующее о Кишайскихъ операхъ: „Мандарины велѣли предсавити для насъ *Башню Си-Гу*. — шакъ называется драма ошъ имени одной башни, находящейся на берегу озера близъ города Гангъ-Тіеу - Фу. Съ начала явились духи, кошорые верхомъ на змѣяхъ прогуливались на берегу озера. Пономъ нѣкошорой бонзъ влюбился въ одну богиню, и спалъ искашь ея благосклонности; богиня, вопреки совѣтамъ сеспры своей, вняла прозьбамъ молодаго бонза, вышла за него за мужъ, сдѣлалась беременною и родила на театръ младенца, кошорой въ то же время началъ бѣгать. Раздраженные духи погнались за бонзомъ, и бросили молнію въ башню, кошорая ошъ того развалилась. Кто хочетъ составити себѣ нѣкошорое понятіе о совершенствѣ драматическаго искусства въ Киша; шотъ долженъ еще вѣдать, что шамъ два акшера споя вмѣстѣ, невидяшъ одинъ другаго; что входящій въ комнату дѣлаетъ знакъ, будшо опворяетъ дверь и переспукаетъ черезъ порогъ, хошя въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ни двери ни порога;

наконецъ , что когда у актера въ рукѣ хлыстикѣ , то зритель долженъ почищать его сидящимъ на лошади.“

*

На одномъ изъ Парижскихъ театровъ недавно представляли новую комедію : *Боаловы Салиръ*. Сочинитель, захотѣвшій похвастать остроуміемъ , сшилъ свою поему изъ лоскутковъ Салиръ извѣстнаго Боало , занявши у него множество стиховъ и полустихій. Но дѣло не о томъ. Въ разсмотрѣніи сей комедіи мы находимъ весьма хорошія мысли; находимъ такія истины, къ копорымъ наши писатели рано или поздно должны привыкнуть , ежели искренно желаютъ успѣховъ отечественной словесности.

„Поносишь человека и объявляешь мнѣніе свое о стихахъ его и прозѣ — не есть одно и то же. Ни стихи ни проза не представляютъ самаго сочинителя. Можно быть весьма честнымъ гражданиномъ , весьма достойнымъ уваженія человекомъ , и въ то же время писать нескладною прозою или кропать негодные стихи ; равнымъ образомъ хорошая проза и хорошіе стихи непріемлются за вѣрныхъ поручителей въ добротѣ сердца. Напрасно господа писатели берутъ на свой счетъ сказанное кришикомъ объ ихъ сочиненіи ; только одна гордость , и при

шомъ очень спранная, заставляешъ ихъ неполагашъ никакого различїя между собспвенною особою и между книгою собспвеннаго рукодѣля. Согласимся, что книга есть чадо, любезнѣйшее сердцу родишельскому. Но развѣ отецъ, имѣющій дѣтей хромыхъ или горбашыхъ, можешъ претбовашъ, чтобы всѣ называли ихъ спройными? и не ужели онъ долженъ обижашъся, услышавъ отъ кого-либо, что сынъ его ходишъ непрямо, или имѣешъ нескладную фигуру? Вспомнивши о срамныхъ ругашельспвахъ и безчеспныхъ клеветахъ, Вольперомъ и учениками его изрыгнушихъ на крипиковъ, не лзя не придти въ ужасъ отъ сего невѣрояшнаго высокомѣрїя, отъ сей сашанинской гордыни, кошорая вселила сполько бѣшенспва и злобы въ мудрецовъ, въ проповѣдниковъ человѣколюбїя, шерпимости и всѣхъ кропкихъ добродѣтелей. Немногіе сочиинтели шрудящя единспвенно для пользы, хошя всѣ они шоржѣспвенно въ шомъ увѣряюшъ; почти каждой ищешъ или славы или денегъ. Поприще лишшерапуры усѣяно камнями прешкновенїя; всшупая на сїе поприще надлежишъ съ швердостїю взирашъ на опасности, воихъ избѣжашъ не можно. Воинъ идучи на сраженїе знаешъ напередъ, что или погибнешъ, или возвратишя побѣдишелемъ; равнымъ обра-

зомъ стихопворецѣ опдавши на шеатрѣ свою комедію. долженъ заблаговременно вооружиться шерпвнѣемъ, и бышь въ гошповности къ похваламъ и къ порицанію: почіо пакже и всякой сочинитель, опдавши въ лавку шруды свои, долженъ знашь, что о книгѣ его судишь бузущѣ и умные люди и невѣжды. Для чего же досадовашь, шумѣшь и бранишь на шѣхѣ, копорые купивши книгу вашу судяшь о ней, нѣтъ нужды прямо или криво? Для чего почишашь своими непріятелями шѣхѣ людей, копорымъ вы сами дали право говоришь о вашемъ сочиненіи? Кто воленъ хвалишь шруды ваши; шотѣ конечно уже воленъ и неодобряшь ихъ. Званіе писателя сопряжено съ неудобствами; рѣшишесь преодолѣшь ихъ, ежели хощише досстигнушь храма славы. Пушь къ нему шернистѣ и негладокѣ!“ К.

П О Л И Т И К А.

IX.

Извѣстія и замѣчанія.

Война между Австріею и Франціею неизбѣжна. Въ Парижскихъ и Вѣнскихъ лишнахъ наконецъ уже появляются шанія оскорбительныя шашанья, за копорые и безъ другихъ важнѣйшихъ причинъ извинительно былобы шреговашь удовлетворенія или грозишь войною.

Почти въ каждомъ изъ послѣднихъ нумеровъ нынѣ получаемыхъ вѣдомостей попадающся выраженія самыя обидныя, и слова *глулосль*, *сумасшествіе*, *круженіе головы* съ нѣкотораго времени сдѣлались очень употребительными.

Императоръ Наполеонъ почти не выходитъ изъ своего кабинета и никого кромѣ министровъ къ себѣ не допускаетъ. Князь Невшательскій и нѣкоторыя изъ придворныхъ чиновниковъ уже прѣѣхали въ Стразбургъ, гдѣ съ часу на часъ ожидаютъ и самаго Императора, и гдѣ, какъ увѣряютъ, до времени назначено быть главной кварширѣ.

Изъ Вѣны пишутъ, что Императоръ Францъ и Ерцгерцогъ Карлъ отправились въ армію, первой 3 числа, а другой 6 го Апрѣля. Вотъ извлеченіе изъ прокламаціи, изданной въ день отбѣзда Императора: „Народы Австріи! оставляю мою столицу, и отправляюсь ко храбрымъ защитникамъ опечесшва, собраннымъ на границѣ для обороны монархіи. Въ продолженіе трехъ лѣтъ я употреблялъ все стараніе доставить вамъ, любезные подданные, счастье прочнаго мира. Никакою жертвою, въ прочемъ тяжкою, но совмѣстною съ благомъ ва-

шимъ и независимостію; я недорожилъ, лишь бы только спокойствіе ваше и благосостояніе обезпечить добрымъ согласіемъ съ Императоромъ Французовъ. Усильныя мои спаранія были тщешны. . . . Я принялъ всѣ мѣры утвердить независимость монархіи. Вы вняли моему гласу; ваша любовь къ опечесству предупредила мое взываніе. Пріимите мою благодарность, о копорой будущъ говорите мои и ваши внуки. Намъреніе наше было только защищаться, а не насупапешельно дѣйствовать. . . . Наполеонъ объявилъ, что поступитъ непріятельски съ Австрією, ежели она не прекратитъ оборонительныхъ своихъ распоряженій и ежели безоружною неопдасся его произволу. Предложеніе сіе отвергнуто, и нынѣ войска его прошивъ насъ высупаюшъ. Уповаю на Бога, на мужество моихъ ополченій, на геройское предводителство моего брата, и на васъ, любезные народы! Велики усилія для предприемлемой войны; но онѣ должны бытъ шакovy для вѣрнаго достиженія къ важной, необходимой цѣли независимости. Сдѣланное вами до нынѣ служитъ мнѣ порукою въ томъ, что впредь вы сдѣлаете. И шомъ кто неноситъ оружія, и шомъ пріиметъ участіе въ оборонѣ опечесства. Единодушіе, порядокъ, повиновеніе, готовность дѣйствовать, до

вѣрїе — вошѣ испинныя силы народа. Вы обнаружали оныя; вамѣ принадлежишѣ благодарность, что мы теперь начинаемѣ сѣ лучшею надеждою, нежели прежде. Счастливыя произшествїя не сдѣлаютѣ васѣ перадивыми; прошивные случаи, если бы они и наспали, не доведутѣ васѣ до унынїя; посшоянное мужество преодолеваетѣ всѣ опасности, увеличиваетѣ всѣ выгоды, вознаграждаетѣ всякую потерю. Справедливостѣ на нашей сторонѣ; Провидѣнїе неоспавляетѣ шѣхѣ, кои сами о себѣ пекушся. Надѣюсь на любовь вашу, на испытанїю вѣрностѣ вашу къ государю и опечесству. Надѣйтесь и вы на опеческое попеченїе вашего Монарха, кошорой свое счастье полагаютѣ въ вашемѣ. Вѣна. 8 Апрѣля 1809.“

И шакѣ война неизбѣжна. Уже Авспрїйцы опважились явиться въ Баварїи, въ Саксонїи и въ Герцогствѣ Варшавскомѣ! — Досужїе наши полишники долго оспавались въ мучительной неизвѣспности. Нужно ли сказывать, что имѣ давно хотѣлось бы присташѣ къ шой или другой сторонѣ, и усшремишѣ перуны сѣ высокихѣ чердаковѣ своихѣ на пресшупныхѣ министрорвѣ непрїязненной державы? Замѣчая грозныя движенїя, неминуемо предвѣщающїя войну кровопролитнѣйшую, читая въ публичныхѣ листкахѣ укорїзны и прокламаціи, сїи

защипники ушбсняемаго челоѳчеспва дол-
жны были шакѳ долго сидѳть у моря и
ждаль погоды! Наконецѳ дождались!

*

Вѳ Вѳскихѳ придворныхѳ вѳдомо-
спяхѳ помѳщены (едва ли справедливыя)
изѳспїя о соспоянїи арміи Испанскихѳ
мяшежниковѳ по 20 е число Феврала мѳся-
ца. „Генераль Редингѳ имѳешѳ у себя
24.000 рашниковѳ, и главная кваршира
его находись вѳ Таррагонѳ. Многочи-
сленный корпусѳ Кашалонцовѳ стоишѳ
при Каза - Мансанѳ. Войско бывшее подѳ
начальствомѳ Каспанїоса соединилось сѳ
Рединговымѳ; оба вмѳстѳ соспоятѳ изѳ
60,000 челоѳкѳ. На границахѳ между но-
вою Каспилїею и Валенцїею и при Ба-
дайозѳ расположенѳ многолюдный корпусѳ.
Осмнадцати - пысячное войско, по опшшу-
пленїи Англичанѳ приведенное Маркизомѳ
Романомѳ вѳ Естремадуру, соединилось сѳ
находившеюся шамѳ арміею при Мирабешѳ
и Алмашацѳ. Крѳпости Бадайозѳ, Лерида,
Таррагона, Торшоза, Валенцїя, Мурцїя и
Каршагена охраняюшсь сильными гарни-
зонами. По распоряженїю Юншы набираеш-
ся много рекрушѳ для дополненїя арміи. Изѳ
Америки привезено на двухѳ Англїйскихѳ
фрегапахѳ и двухѳ же Испанскихѳ кораб-
ляхѳ 17 милліоновѳ палеровѳ; мяшежни-
ки надѳюшсь черезѳ чешыре мѳсяца по-

лучше еще около 100 миллионв.“ — Въ мѣхѣ же Вѣнскихъ вѣдомостяхъ сказано, что по письмамъ изъ Севиллы видно, будто мятежники вшорглись въ Капалонію даже до Руссильона, будто у нихъ есть на лицо 137,000 пѣхоты и 15,900 конницы, не считая великаго множества крестьянъ вооруженныхъ, и будто имѣющъ они многочисленную и самую исправную артиллерію. *

Англійскій парламентъ занимается теперь разсмотрѣніемъ весьма соблазнительной пѣжбы. Нѣкто Вардель, Полковникъ, сдѣлалъ доносъ на Герцога Йоркскаго въ томъ, что сей военачальникъ опредѣлялъ къ должностямъ и раздавалъ пенсіоны по предвзвѣстству женщины, во зло употребляя власть свою. Особому комиссѣру велѣно изслѣдовать дѣло. Въ Февралѣ мѣсяцѣ слушаны были отъѣзшыя свидѣтелей. Великое множество поспорожнихъ спелалось на столь любопытное позорище. Случай рѣдкой: военное слѣдствіе надъ Королевскимъ сыномъ и Генералиссимомъ Бришпанскихъ ополченій! Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ сей драмѣ была Госпожа Клэркъ, корошная пріятельница Герцога Йоркскаго, 45-лѣтняя Цирцей. Ее почитаютъ главною виновницею злоупотребленій.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

М А Й, 1809.

№ 10.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Авторъ, или творецъ.

Авторъ, или творецъ — имя общее, которое, подобно названію всякаго другаго ремесла, можетъ означать и хорошее и худое, и почтенное и смѣшное, и полезное и вредное, и самое пріятное и самое отвратительное.

Сіе имя такъ свойственно разнымъ вещамъ, что можно правильно говорить: *Творецъ Природы, творецъ народныхъ лѣсенъ, творецъ Парнасской мошки* (журналъ).

Мы думаемъ, что *Автору* хорошаго сочиненія должно беречься шрехъ вещей: *заглавія, приписанія и предисловія*. Прочимъ надобно осперегашься — писать.

№ 10.

Е

Касательно титула: естли Авторъ непремѣнно желаетъ выспавишь свое имя, что весьма часто бываетъ сопряжено съ опасностью: но по крайней мѣрѣ долженъ онъ сохранить при томъ возможную скромность; для всякаго спрранно будетъ видѣшь благочестивую книгу, копорая заключаетъ въ себѣ правила смиренія, сочиненную Гмв. N. N., Членомъ Королевскаго Совѣта, Графомъ и Еписколомъ таково-то города. Чипашель, копорый всегда насмѣшливъ и не рѣдко скучаетъ, находитъ удовольствіе посмѣяшся надъ книгою, обремененною такимъ великолѣпнымъ заглавіемъ; тогда всякому придетъ на память, что шворецъ *Подражанія Иисусу Христу* не посмѣивъ въ заглавіи сей книги своего имени.

Но Апостолы, скажете вы, не скрыли своихъ именъ; напросивъ, они были очень скромны. Апостоль Матвей никогда не называлъ своего сочиненія *Евангеліемъ Святаго Матвея*. Это почтенное названіе дано ему послѣ. Самъ Св. Лука, посвящаящую свою книгу Θεοωιλου, не называетъ ее *Евангеліемъ Луки*.

Но что бы ни дѣлалось въ прошедшіе вѣки, въ нынѣшнее время я почишаю великою опважностію спавишь имя свое

и свой пишуль въ заглавіи сочиненіи. Епископы, вброяшию, не оспавяшъ своего обыкновенія; но мы будемъ говорить здѣсь объ однихъ *авторахъ* свѣпскихъ. Герцога Ларошфуко не назвалъ своихъ *Мыслей* сочиненіемъ *Герцога Ларошфуко, Пера Франціи* и проч.

Конечно, весьма многимъ непоиравився, ешлы собраніе небольшихъ сочиненій, въ кошоромъ попадающся иногда хорошіе опривки, будѣтъ названо изданіемъ *такого-то, преждебывшаго Профессора въ Университетѣ N; Доктора Философіи, Ректора, Учителя дѣлѣй Герцога...* Членъ одной *Академіи*, а иногда и двухъ. Такіе почешные пишулы не дѣлаюшъ книги лучшею. Всякой желалъ бы, чшобы сочиненіе было короче, глубокомысленнѣе и менѣе наполнено старинными сказками; е пишулахъ и пышныхъ названіяхъ никшо не заботишся.

Чашо сочиненіе бывало приписываемо корысполубивою подлосшію малодушно-му шщеславію:

De là vient cet amas d'ouvrages mercenaires,
Stances, Odes, Sonnets, Epitres liminaires,
Où toujours le héros passe pour sans pareil,
Et fut il louche et borgne, est réputé soleil.

Кто повѣришь, чтобы *Рого*, называющій себя *Физикомъ*, въ посвященіи своемъ Герцогу Гизу сказалъ: что предки его кровію своею защищали полилическія истины, законы Государства и права Королевскія? Герцогъ Гизъ (*le balafre*) и Герцогъ Маїень удивились бы, ежелибъ кто -нибудь имъ прочелъ эту Эписполу. Чшожь бы сказалъ Генрихъ IV?

Извѣстно, что большая часть посвященій въ Англіи дѣлаются за деньги, подобно какъ у насъ капуцины подають намъ салатъ съ условіемъ, чшобъ имъ дали на вино.

Нынѣшнимъ Французскимъ писателямъ неизвѣстно такое постыдное униженіе, они сдѣлались благороднѣе въ мысляхъ, выключая нѣкопрыхъ бѣдняковъ, кошорые называютъ себя писателями по такому же праву, по какому спѣнные маляры хвастающся тѣмъ, что они имѣють одно мастерство съ Рафаелемъ, и по какому кучеръ Вершамоновъ называлъ себя спихошворцемъ.

Предисловіе есть другой камень прешыканія. Слово *я* несносно, сказалъ Паскаль. Говори о себѣ сколько можно менѣе; ты долженъ знать, что самолюбіе въ чи-

пашелъ сполько же сильно, какъ и швое; онъ никогда шебъ не проспишъ, ежели ты будешь нахально шребовать ошъ него почпенія. Твоя книга должна сама за себя говорить, ешъли однако ее чишашъ будущъ.

Знаменитыя одобренія, коихъ удостоилась моя пѣса, могли бы отвѣчать вмѣсто меня моимъ недріятелямъ. Руколесканія публики . . . Вычеркни все эшо, повѣрь мнѣ; ты не получилъ знаменитыхъ одобреній; швоя пѣса навсегда забыша.

Нѣкоторые Рецензенты думаютъ, что въ прелъемъ дѣйстви слишкомъ много приключеній, и что Принцесса открываемъ очень поздно въ четвертомъ дѣйстви нѣжныя чувства, которыми сердце ея пылаемъ; я отвѣчаю на это, что . . . Не отвѣчай ничего, другъ мой, ибо никшо не говорилъ и не спашешъ говорить о швоей Принцессѣ; швоя пѣса упала; она скучна и написана глупыми и грубыми стихами; швое предисловіе ешъ панихида за упокой души, но покойный ошъ нее не воскресешъ.

Другіе ссылающся на всю Европу, что не поняли Системы ихъ о различіи между послѣдовашелами Македоніевыми и

Валеншиновыми — я повѣрю, что не поняли, потому что не читали.

Мы задавлены кучею старыхъ глупостей — и новыми романами, списанными съ старинныхъ сказокъ, и новыми системами, основанными на старыхъ бредняхъ.

Ты хочешь быть Авшоромъ, ты желаешь сочинить книгу? Подумай, что содержание ея должно быть ново и полезно, или по крайней мѣрѣ очень пріятно.

Какъ' изъ глуши твоей провинціи ты убьешь меня книгою въ 4 ю долю листа; ты мнѣ скажешь, что Государь долженъ быть правосуденъ, что Траянъ былъ добродѣтельнѣе Калигулы! ты напечатаешь свои проловды, которые усыпили твоей неизвѣстный городокъ! ты ограбишь все наши Испоріи для описанія жизни Принца, о которомъ ничего не скажешь мозаго!

Если ты написалъ Испорію своего времени; но не сомнѣвайся, чтобы какой-нибудь хронологъ или газетчикъ не нашелъ въ ней ошибокъ: во времени, въ названіи, въ эскадронѣ, невыгодно поставленномъ слогомъ въ трехъ словахъ шагахъ отъ мѣста, гдѣ онъ въ самомъ дѣлѣ находился: тогда поправь свои ошибки.

Ежели невѣжа или мѣлкой журналистѣ крикиуютъ тебѣ несправедливо — изблчи ихъ; однако осперегайся говоришь объ нихъ часто, чшобы не замараешь именами ихъ своего сочиненія.

Ежели крикиуютъ швой слогъ, не опвѣчай никогда; швое сочиненіе за тебѣ должно опвѣщивовашь.

Пусть кто-нибудь скажетъ, что ты боленъ; наслаждайся своимъ здоровьемъ, а не доказывай публикѣ, что ты находишься въ добромъ здоровѣ, и помни всегда, что публикѣ ни мало вѣшь нужды заботишься, здоровъ ли ты, или вѣшь.

Сошни авшоровъ грабятъ чужія сочиненія для куска хлѣба, а десяшки журналистовъ дѣлають изъ нихъ извлеченія, пишутъ крикики, апологіи, сапиры на эли жалкія бредни, имѣя шакже въ виду доснашь себѣ пропишаніе, попому что они сидятъ безъ дѣла. Всѣ эли люди ходятъ по пшпицамъ къ Парижскому полицмейстеру просить позволенія продавать микшурь свои: ихъ выслушиваютъ потчасъ послѣ красавиць, шоргующихъ своими прелеснями, кошорья не удосшовають ихъ и взгляда, зная, что шуть не чѣмъ поживишься.

Они возвращаются съ словеснымъ позволеніемъ продавать во всемъ королевствѣ свои исторіи, собранія каламбуровъ, жизнь С. Региса, переводъ Нѣмецкой поэмы, новыя открытія о сельдяхъ, новое собраніе старыхъ стиховъ, систему объясняющую происхожденіе колоколовъ, любовныя приключенія жабъ ипр. Книгопродавецъ покупаетъ произведенія ихъ за 20 копѣекъ. Они даютъ те изъ оныхъ издашеля листковъ съ уговоромъ, чшобъ онъ ихъ похвалилъ. Издашель беретъ деньги, и очень дурно отзываясь о ихъ бездѣлахъ. Обиженные идутъ съ жалобою къ жиду, кошорый *посѣщаетъ* жену издашеля листковъ, дерущая на кулачкахъ у аптекаря *Лелиера*, и наконецъ издашеля листковъ запираютъ въ Форъ-Левель. И эти люди называются *авторами!*

Нещасіе этихъ людей происходитъ отъ того, что отцы не научили ихъ никакому ремеслу. Большая оплощность Полиціи! Человѣкъ изъ низкаго званія, кошорый, будучи въ соспоянїи научить сына своего полезному искусству, того не исполнитъ, заслуживаетъ наказаніе. Сынъ золотыхъ дѣлъ мастера дѣлается езуишомъ въ 17 лѣтъ; его выгоняютъ изъ эшаго общества въ 24 года, потому

что испорченные нравы его слишком сдѣлались извѣсны: онъ, не имѣя пропишанія, дѣлаешь издашелемъ листковъ, обогащаешь своими бреднями низкую лиштерашуру, и возбуждаешь въ себѣ презрѣнiе въ самыхъ презрѣнныхъ людяхъ. И эти люди называютъ себя *авторами*!

Истинные Авторы суть тѣ, которые опличились въ истинномъ родѣ лиштерашуры, н. п. въ Эпопеи, въ Трагедіи, въ Комедіи, въ Исторіи, или наконецъ въ Философіи; которые научали и восхищали людей. Прочіе, о которыхъ сказано выше, между писателями по же, что шмели между пшцами.

Авторы, больше всѣхъ писавшіе во Франціи, были Генеральные - Конпролеры финансовъ. Можно сосчитать десять полныхъ томовъ изъ ихъ объявленій, начиная только съ царствованія Людовика XIV. Парламенты писали иногда кришики на сѣи сочиненія, находили въ нихъ ошибочныя предложенія, прошивурбчія; но гдѣ хорошіе *Авторы*, которые не были кришикованы?

Мы окончимъ сѣю спашью опривкомъ изъ Лабрюйера. Писатели и всѣ презирающіе пруды ихъ никогда не должны перашь его изъ виду:

„Если бы мысли, книги и авшоры за-
„висѣли отъ богачей и отъ любимцевъ
„форшуны — какой верьхъ взяли бы по-
„слѣднїе надъ учеными! съ какою надмѣн-
„носпїю они обходились бы еъ сими бѣд-
„ными людьми, копорыхъ достоинства не
„обогащали и не возвышлч, и копорые
„полюкч что хорошо пишушъ и мысляшъ! —
„Должно признашъся, настоящее для бо-
„гачыхъ, а будущее для добродѣтельныхъ
„и для умныхъ. Гомеръ и шеперь суще-
„ствуетъ, и вѣчно будешъ существовать;
„а сборщики подашей, важные чиновники,
„уже забышы. Были ли они? Извѣстно ли
„опечетство ихъ и имя? Были ли въ Греціи
„опкупщики? Гдѣ важныя особы, копо-
„рыя презирали Гомера, копорыя убѣгали
„его, копорыя ему не кланялись, не хо-
„шѣли его допускать къ своему сполу,
„копорыя наконецъ смотрѣли на него
„какъ на бѣдьяна и сочишшели? Куда
„дѣнушся Фоконешы (*)? Достигнушъ ли
„они до попомства, подобно Декарту, ро-
„дившемуся во Франціи и умершему
„въ Швеціи?“

Вольтеръ. Перев. Д... С... нъ.

(*) Такъ назывались, во время Лабрюйера, нѣкошорые богашые опкупщики.

II.

*Амуръ въ первыя минуты разлуки
своей съ Душенькою.*

(Лирическая поэма (*)).

Когда, гонимая Венерой оскорбленной,
Нещасна Душенька считалась по вселенной,
И въ службахъ и трудахъ степенала сирота,
Отверженна людьми и небомъ красота;
Въ то время другъ ея, въ безвѣстности, съ
поскою,

Обуреваемый спрасшей своихъ борьбою,

Безплодно слезы проливалъ

На пепелъ милаго черного,

Которой все его сокровище вмѣщалъ.

Въ Амурѣ не было уже царя и бога;

Не могъ ни мыслишь онъ, ни видѣшь, ни
желашъ;

Не могъ услышать онъ, гдѣ бѣдная страдаетъ,

Любимъ ли, любимъ ли, вѣрна, иль измѣняетъ;

Жива ли, живъ ли самъ, не могъ себѣ сказать.

О вы, которые дары его вкушали,

О вѣжныя сердца!

Отвергнитесь шенерь владыку и отца

Въ знакомой вамъ печали?

(*). Сей отрывокъ основанъ на извѣстной, прекрасной Поэмѣ Гна. Богдановича, подъ названіемъ: *Душенька*. Онъ, можетъ быть, для нѣкоторыхъ покажется слишкомъ длиненъ, но по содержанію своему онъ не могъ быть раздѣленъ на два номера. — Ж.

Вы братья! вы друзья! ... Отъ къ вамъ на
грудь лепитъ ;
Онъ съ вами плакашь радъ, онъ съ вами го-
воритъ !
У ногъ его лежатъ опущенъ лукъ и стрѣлы;
Покрыты небеса угрюмой темной ;
Безмолвно сбшуютъ окрестныя предѣлы ;
Природа кажешся пустыней гробовой.

*

„Вотъ даръ моихъ щедротъ (нещастный воз-
глашаетъ) !
Вотъ даръ сей славимой любви ,
Кошорую мое тиранство восплаеиъ
Въ кипящей смертнаго крови !
Своимъ орудиемъ теперь себя терзаю!
Самъ люшости свои собою измѣряю !
И я , безумный богъ ... и я , позоръ боговъ,
Какъ благо, разсѣвалъ стель шижкiя мученья,
И требовалъ себѣ и храмовъ и даровъ !
Я слылъ отцемъ сердецъ! О жалкiя творенья!
Вы, ослабленные! ушѣштесь! тронъ мой палъ,
Свѣщильникъ погашенъ! безсмертный пе-
редъ вами
Не хвалишся теперь, чѣмъ прежде устрашалъ,
Ни лукомъ , ни стрѣлами ;
Теперь предшану къ вамъ съ однѣми лишь
слезами !
Тирану вашихъ дней такой же путь сужденъ,
Такое жь сердце въ немъ пылаетъ ,
Онъ также рабъ красотъ , и пакъ какъ вы
страдаешъ ,

Однѣ оковы . . . Ахъ! онѣ смерти отчужденъ!

Отъ края мирныхъ могилы

Вашъ взоръ въ послѣдній разъ со вздохомъ

воспаритъ

Къ жестокой и — драгой, и сладостно-

унылый

Померкнешъ и проспишъ.

Ахъ, ишъ! — и смерть сама, какъ Геній

примиренья,

Придеши ибкогда, и къ радостному дню

Съ васъ сниметъ мѣдную неравенства броню,

Преломитъ цѣпь сущъ, сожжетъ предраз-

сужденья, —

И раздѣленные на западъ и востокъ,

Два сердца вновь слились таинственной спезёю,

Какъ въ махерней землѣ дѣлимые горою,

Родные два ручья, въ одинъ безсмертный токъ.

Что дѣлалъ гордый мѣръ, по смерти сое-

диняетъ;

Его плѣшворный духъ за гробъ не проникаетъ.

Вы въ жизни мучитесь! Но что сей крашкой

пушь,

Но что есть ваша жизнь предъ вѣчностью

ужасной?

Ахъ! это вѣкъ росы — и вѣтеръ можетъ

сдушь

Ее съ листковъ фіалки страстной;

И царь свѣшилъ, возшедъ на пламенной своей

пронь,

Родивъ блестящую прелестныхъ устъ ды-

ханьемъ,

Мертвншѣ ея своимъ отеческимъ лобзаньемъ...
О вѣчностъ! О богамъ ужаснѣйшій законъ!

*

Но всѣль любовію страдаютьъ безоправданной?
Но всѣхъ ли пламень мой къ могилабъ гонитъ
хладной?

Се нѣжная чета въ соборѣ дѣвъ свѣщитъ,
Сплетясь рука съ рукой; въ ланипахъ
страсть горитъ,

Веселіе въ очахъ . . . колѣна преклоняетъ
Предъ образомъ моимъ; безмолвствуетъ, взды-
хаецъ,

Трепещетъ, слезы льетъ отъ радости одной,
И жертвы сладкой паръ вѣетъя предо мной!

*

Постойте! богъ речетъ . . . вашъ богъ ре-
чещъ . . . внимайте,

И радостью своею его не оскорбляйте . . .
Кто ты, слѣпой супругъ? Какъ смѣ-
ешь ты мечтатьъ

Быть щасливъ, если богъ, швой долженъ
богъ страданъ?

Сорви покровъ съ очей! возстанъ, слѣпецъ
нещасной,

Приблизься и прозри! . . . Сей взоръ умиль-
ной, страстной,

Сей предетъ на груди . . . сей робкій скром-
ный видъ,

Стыдливостъ нѣжная албующихъ ланитъ,
Прерывныя слова, разбѣянностъ томленья,
И вздохи сладкіе, и слезы увбренья,

И прелести души, которы обожаль,
Для коихъ весь Олимпъ охотно забываль...
Все, все сіе обманъ, коварство, обольщенье!
Въ сіяніи небесъ Коциша-привидѣнье,
Раздоръ, измена, адъ . . .
Бѣги, несчастливый! какихъ ты ждешь
отрадь?

Свѣпильники гасите,
Замолни сладка пѣснь, цѣвницы не гремите!
Попри, попри ногой всѣ брачныя вѣнцы!
Да рушится мой храмъ, да скроются жрецы,
Да воздухъ не сквернятъъ адъсь кляпвы ли-
демѣры!
Что кляпвы для людей? Богамъ онѣ не вѣр-
ны!...

*

Ахъ! могъ ли я мечтать? дерзалъ ли? О!
тогда
За всяку мрачну мысль, за призракъ подо-
зрѣнья,

Свершителъ грознаго суда,
Обрекъ бы весь мой вѣкъ на люшныя мученья!
Лишилъ бы я себя и слуха и очей,
Когда бы пересталъ любовью слышать, видѣть;
Отрексябъ матери своей,
И Зевса самаго дерзнулъ бы ненавидѣть . . .
Тогда — клянусь пелеръ, — симъ лукомъ,
сей стрѣлой —
Исполнилъ бы Олимпъ я страшною враждой
За тѣнь, за тѣнь одну навѣта! . . .
И что безсмертіе? И что въ душѣ моей,

Когдабъ онѣ могли зависѣшь не отъ ней?
Любовь сама естъ свѣтъ! не ждетъ дру-
гаго свѣта! . . .
Ахъ! вѣчность цѣлюю пожралъ единый
мигъ! . . .

*

Чтожь пользы, слезы лишь? — Невѣрную
забудемъ!

И сами, какъ она, въ обманахъ хитры будемъ!
Амуръ неиспошимъ въ сокровищахъ своихъ!
Не всѣмъ ли міромъ я владѣю?
Не всѣмъ сердца въ рукѣ имѣю?

Орудія побѣдъ — лукъ, стрѣлы предо мной!
Разсѣянiя шумъ — путь горькой, но благой
Спасительной разлуки

Разсѣешь, изстребишь любви несчастной му-
ки . . . .

И власть всемогущая надъ небомъ и землей,
И Боги и Цари въ доспѣхахъ, въ багряницѣ,
Прикованны къ моей
Блестящей колесницѣ,

И храмы пышные, и жертвы, и жрецы,
Носящи лавровы и миртовы вѣнцы, —
Уже ли это все не замѣнитъ утраты,
Уже ли это все не усладитъ скорбей? . . .
Уже ли вѣки всѣ и столько небогаты,
Чтобъ сердцу пищу дать, забытому отъ ней?
Воззрю: передо мной міры свой бѣгъ свершаютъ,
И ихъ гармонiя — хвала моя и даръ;
Свѣшила брашскою любовію сіяющъ;
Ихъ движешъ мной вліянной жаръ . . .

Воззрю : и зыблюся воспоргомъ океаны ,
 Срѣтаещѣ радостнымъ земля меня лицомъ ;
 Меня поюшѣ громовѣ чудесные органы ;
 Мнѣ гордая гора дымится олшаремъ !

И сочешанная любовью благодашней ,
 И осень , и зима , и лѣто , и весна ,
 Какъ Нимфѣ соборѣ пріятной ,
 Ликующѣ вокругъ меня !

Тѣмъ нѣжной страстью шаюшѣ
 Блаженныя сердца ;

И жертвой умоляюшѣ

Всѣхъ радостей отца .

Ручей къ ручью лѣтся ,

Чтобѣ вмѣстѣ протекашѣ ;

И древо къ древу вѣтешся ,

Чтобѣ вмѣстѣ разцвѣташѣ ;

И въ дебряхъ и въ пустыняхъ

Звѣрь звѣрю вѣспѣ даешѣ ;

И рощи на вершинахъ

Любовь меня поешѣ ;

Все вкупѣ , все согласно —

Супругѣ , супруга , сынѣ ! . . .

Семейства рай прекрасной ! . . .

Я щастьемъ ихъ блаженѣ ! — Я дней ихъ вла-
 шелинѣ !

Ихъ радостей творецѣ . . . шакѣ , я одинѣ ! . . .
 одинѣ ? . . .

*

Почпожѣ *одинѣ* ? — ужель мнѣ шѣмѣ не
 наслаждашѣся ,

Что разсыпаю самѣ богатую рукой ?

Мнѣ только показаться ,
Красавицѣ полкѣ передо мной . . .
Какъ пчелки , вьются вокругъ . . . и Ду-
шеньки надмѣнной ,
Признаться . . . не дурнѣй ни чѣмъ !
Елена красотой сходна съ ней совершенно ;
Жаль , часто хвалится и родомъ и ли-
цемъ ;
Агаша — съ Душенькой соперницы
издавна :
Вотъ случай , гордую унижить , нака-
зать ! . . .
Мелина , — пусть скучна , хитра и
своейравна ;
Чтобъ Душеньку забыть , все радъ я обождать !
Арахна , кажется , ее умнѣй стократно ;
Увы . . . горда и холодна !
Аглая такъ жива , любезна , какъ она . . .
Ахъ , нѣтъ еще живѣй , и духъ ея превратной ,
Какъ вихрь кружится навсегда ,
И вѣрить также ей бѣда ! . . .
Аминша , Лидія , Адраспа и Аглая ,
Всѣ любящъ , дышущъ мной , совсѣмъ меня
не зная ;
Когда жъ узнаютъ . . . ахъ ! . . .

*

Почто теряюсь я въ безплодныхъ сихъ меч-
тахъ ? —
Возможноль предъ самимъ собою притворяться !
Жестокая во всемъ , при всѣхъ , для всѣхъ одна !
Одною только ей могу я восхищаться ,

Во всѣхъ красавицахъ мнѣ видишься она ,
Во всѣхъ одну люблю, вездѣ ее сръшаю ,
И въ солнечныхъ лучахъ ,
И въ свѣтлыхъ ручейкахъ ,
И даже , кажется, въ албующихъ цвѣтахъ ,
Ее едину лобызаю ! . . .

И власть моя милбй казалась мнѣ сѣтѣхъ порѣ,
Когда она ко мнѣ склонила страстный взорѣ,
И пышны Пэоса любезмбй стали храмы ,
Когда изъ бога я самѣ сдѣлался жрецомѣ,
И первый воскурилѣ предѣ нею фиміамы ,
И первый ринулся предѣ милымѣ божествомѣ!
Безсмертная любовь! — безсмертная мученья!
Такѣ! вѣчно мнѣ спрадать, не видѣшь утѣ-
шенья!

Все кончилось, прошло, исчезло вмѣстѣ съ мной!
О рай души моей ,
Мечты очарованья !
Тѣнь утренняя сна !
Оставьте для меня
Хоть грусть воспоминанья !

*

О время милое! день горя и отрадѣ ,
Сѣ котораго безсмертной
Я сталѣ считать , какѣ смертной ,
Надеждами восходѣ , утратой дней закашѣ ,
По бурямѣ во груди — стихійны непогоды ; —
Какѣ сердца страстнаго бѣньемѣ измѣрять
Сталѣ вѣчность , чтобы мигѣ мнѣ каждой
умирать ! —

О день безцѣннѣйшій! — о страшный даръ
Природы! . . .

Здѣсь, здѣсь, на семъ лугу, подъ пѣвню сихъ
холмовъ ,

При семъ источникъ, кошорой споль же вѣрно
Питаешь и шеперь семью родныхъ дубовъ ,

На этой муравъ , цвѣтущей неизмѣнно ,

Я въ первый разъ узрѣлъ . . . о прелестей
собръ ! . . .

Тогда швой свѣплый , милый взоръ ,

Въ струяхъ своей красой еще не любовался ,

И ласки не манилъ , и ласки не чуждался ;

Тогда швоя рука

Съ намбреньемъ власовъ еще не разбирала ;

Тогда прелестная сама себя не знала !

Съ весенней ризы бережка

Сбирала ты цвѣшны , игрива , беззаботна ,

Искусства нравишься коварнаго свободна ;

Какъ утренній зефиръ ,

Съ дарами матери лепящій въ юный мѣръ ,

По шолку правъ лешала ,

И за тобой ,

И предъ тобой ,

Какъ пчельной рой ,

То вмѣстѣ , по дѣлясь , по цѣпью , по волной ,

Сшаница красныхъ Нимфъ кружилась и играла ;

Гуль пѣсней , рѣзвыхъ Игръ и Смѣховъ шум-

ный хоръ ,

И Эхо влюбчиво межъ горъ ,

Какъ громъ небесныхъ пшиць , долину потря-

саетъ ;

Но ты речешь, и все съ восторгомъ умолкаетъ.
Казалось: ожили и камни и дрова,
Все двигалось, свои все вторило слова;
Тебѣ дивилось и плескало,
Все было . . . все своимъ зеркаломъ бышь же-
лало . . .

Богиня міра своего

Средь прелестей, одна прелестибе всего!
И небо, кажешься, растаявъ въ умиленьѣ,
Преобразилося для нѣгъ твоихъ, оградъ,
Въ прохладу, въ свѣтъ, въ благоговѣнье,
И въ живошворный ароматъ!
И роца, и гора, и лугъ, и быстры воды,
И небо, и земля, все царствіе Природы, —
Тогда весь міръ былъ огонь, былъ богъ, или
я самъ; —
И Время, изумясь, велѣло спать въкамъ.
О слабость! — вспомнишь ли? — Я помню . . .
не стыжуся!

Желать бышь милымъ не порокъ . . .
Чтобъ ближе бышь къ тебѣ, сокрылся я
въ цвѣтокъ,
Съ невинной скромностью къ тебѣ главою
клонюся,

Ищу твоей руки. . . .

Ты сорвала меня . . . препещуци листки,
Къ устамъ прелестнымъ приближенны,
Твоимъ дыханьемъ упоенны,
Прильнули сладко къ нимъ,
И стали цвѣпомъ вдругъ однимъ;

И томность спрасная въ груди швоей
пылаеть ;

Вдохнула ты — рука цвѣпочикъ опускаеть!
Мракъ мыслей на челѣ . . . и измѣнился видѣ
Плѣнительный, вселенной ;

Но , ахъ ! захочеть ли Амуръ обвороженной
Твоихъ мученіѣ ? — Нѣтъ . . . и се уже лепитѣ
Блестящій мотылькѣ , кружась передѣ тобою ;
То самъ былъ я . . . и ты за мною !

И думая ловить , спѣшила въ плѣнь златой,
И льстясь веселой бытъ — помилася шоской,
И мысливъ обмануть , обманывалась болѣ ,
И мысливъ побѣдить , уже была въ невоѣ .
Я всемъ былъ для тебя , — и солнечнымъ
огнемъ ,

Питателемъ садовѣ , душѣ швоей пріятныхъ ;
И нѣжнымъ вѣтеркомъ ,
Который вѣялъ сонъ въ тѣняхъ тебѣ про-
хладныхъ ;

И добрымъ пастухомъ ,
Который при тебѣ пустился въ бой съ вол-
ками ,
Чтобъ овцу сохранить оставленную псами ,
Одно сокровище несчастныя семьи . . .

Влюбленные добры . . . они друзья мои!
Сказать ли шю , чего доселѣ ты не знала? —
Кто возвратилъ тебѣ любезныхъ голубковѣ ,
Тонимыхъ ястребомъ въ дремучій мракъ ль-
совѣ ? —

Твоей другъ . . . но онъ молчалъ . . . душа
его искала

Твоихъ веселій, — не награждъ . . .
Я слезы зрѣлъ твои, внималъ благословенья,
Я въ сердцахъ раздѣлялъ съ тобою наслажденья,
И вдвое былъ богатъ.

Я даже спалъ вървѣй . . . и крылья вѣлошые
Отрѣзавъ, тайный далъ я Граціямъ наказъ,
Чтобы всѣ перушки собравъ онѣ пошчасъ,
Составили тебѣ, или кругъ, или щитъ, — какіе

Царевны носашъ въ знойный годъ
Для сохраненія красотъ,
Чтобъ скука, подозрѣнья злая
Не смѣли на тебя съ прошивнымъ
вѣтромъ душь,

И чтобъ твою лобзали грудь,
Покой, прохлада, увѣренье,

Благотворящее любви дуновение!

Тогда я стрѣлы всѣ свинцовы изломалъ,
Одѣвъ златыя разсѣвалъ, —

И цѣлый міръ любилъ, какъ я, подобно страстно,
И цѣлый міръ со мной жилъ, чувствовалъ
согласно!

Раздора древняго погибельная рать,
Тицаны, на боговъ престали воевать;
Чего не могъ Зевесъ, съ дробящими громами,
Юнона съ гордостью, богъ брани съ булавой,
Минерва съ мудрыми умами,

То все свершилъ Амуръ, возвышенный побой! —
Посредникъ я одинъ межъ небомъ и землей!
Надъ Честолюбіемъ, Корыщью воспріяла
Любовь свяшую власть, и дерзкимъ показала

Споль много на земли, споль много вѣр-
ныхъ благъ,

Что всѣ они, забывъ о Зевсовыхъ пирахъ,

Разсѣялись толпами

По рощамъ, по лугамъ,

По грошамъ и пѣнямъ,

Моими ранены спрѣлами.

И все покоилось, и миръ вездѣ насталъ.

Предѣлы данные небесный огонь позналъ;

Ушли безъ ропота въ долину океаны;

Въ утесы горъ — бореи рьяны;

Въ подземны пропасти съ дружиною своей

Погрызла брань, — и Богъ надъ ней

Воздвигнулъ, въ страхъ людей,

Везувій, пламенемъ грозящій мавзолей!

Мой огонь упалъ съ небесъ, — и дебри озарились,

И смертны, съ ужасомъ узрѣвъ въ себѣ звѣрей,

Въ слезахъ остановились,

И нѣжно обняли и братій и друзей;

Отъ края небеси до края,

Въ опрадныхъ радужныхъ лучахъ,

Хоругвь любви развѣвая,

Опсвѣтилась вездѣ, на сушѣ и моряхъ; —

И грады градамъ простирали

Отъ сѣвера на югъ объятія свои,

Отъ царства къ царствамъ протекали

Неизсякаемы обилія струи;

Любезны оспрали божественнаго чувства,

Тогда родилися искусства.

Въ дому моемъ, гдѣ ты была одна,

Гдѣ все тобой дышало,

Все окрестѣ прелести твои изображало ,
Сребро , и мраморы , и зеркальна стѣна ,
Гдѣ воздухъ звукомъ словъ нѣжныхъ-
шихъ наполнялся ,

Спохватно гласъ твой повторялся ;
Гдѣ всѣ движенія твои , улыбка , вздохъ ,
Все было торжество , все было ибкій Богъ ; —
Ахъ , дивноль въ сихъ мѣстахъ Поэзіи рѣ-
дисься ,

Органамъ возгремѣшь , холстинѣ оживишься ,
И міру новому , на каждой новой мигъ ,
По маню представляешь для радостей твоихъ !
Кому дана творенья сила ?

Амуръ и пы — любовь и чистая душа ,
Созданіе судебъ предвѣчныхъ доверша ,
Людей въ боговъ преобразила , —
И милымъ волшебствомъ

Фебъ первый сдѣлался пѣвцомъ ,
И славы суешность зашмилась ,
Изъ лавра Дафна возродилась ;
Изъ камней , изъ деревъ , изъ рѣкъ и изъ
цвѣтовъ ,

Гдѣ превращенныя по сурогости отцовъ ,
Коварствомъ иль спыдомъ , красавицы спенали ,
Воззванны мной , опять видѣ собственной
пріяли ,

И милымъ щастіе дая ,
Влажили своего щаспливаго Царя ;
Тогда свои черпоги
Забыли сами Боги ,
На землю нисходя ,

Рѣзвились съ дѣвами земными,
Величью своему ни мало не вредя,
И разницы погда не видѣли межъ ними.
Такъ! такъ! я добрымъ былъ владыкой и
отцомъ,
Иль паче другомъ былъ сердецъ мнѣ покор-
ренныхъ;
Оставилъ роскошь, спесь величествъ напы-
щенныхъ,
Безъ страха мирно спалъ въ лугу иль подъ
кустомъ,
При пѣсняхъ сладостныхъ мнѣ вѣрнаго народа.
Тогда сошли съ небесъ, Миръ, Правда и Свобода,
И Ревность, не Любви, Разврата мрачна дщерь,
Съ Сомнѣнемъ, грудь свою кинжалами разящимъ,
Сокрылась къ Фуріямъ палищимъ,
И Адъ со скрежетомъ желѣзну заперъ дверь...
Тогда сама Юнона
Познавъ сискойснвіе, столь рѣдкое у прона,
Забыва Аргуса мучительный надзоръ,
И не вступая съ Зевсомъ въ споръ,
Венеры поясомъ таинственнымъ гордилась;
Діана хладная любви покорилась;
И самъ Вулканъ уже не споль былъ ску-
ченъ, сирь...
За все, за все тебѣ одной обязанъ мнѣ!
Не я, душа твоя, моею ставъ душою,
Вселенну привела къ блаженству и покою.
Вѣзмѣрно щастливый, — я клядся предъ Судь-
бой,
Что ты не божество во мнѣ, меня любила;

И я не возропталъ, когда она судила
Мнѣ скрывать свой образъ предъ тобой.
О другъ мой! я вѣщаль — о Душенька! что
нужды,
Что въ почестяхъ тебѣ, въ величествѣ, въ
роднѣ,
Въ богатствахъ? — Милая! онѣ
Любви сердечной чужды;
Ты для меня, я для тебя;
На свѣтѣ мы одни... одной любви покорны,
Оплакавъ и забывъ людей дѣянья черны,
Мы власти никакой не знаемъ для себя.
Что намъ болѣе? — Иль буду я милѣе,
Когда узнаешь ты, что значенъ я, богатѣе?
Иль буду я любить нѣжнѣе,
Одѣшый въ золото, Царямъ, Вельможамъ
братѣ?
Мой видъ? — Довольно: онѣ не знаетъ лице-
мѣрить;
Любовь и искренность: вотъ наци красоты!
Кто другъ твой? — Милая! — любить одно,
что вѣрить.
Судьба намъ изрекла изъ тайной высоты,
Чтобъ я тебѣ былъ я, чтобъ ты была мнѣ ты..
Не спрашивай о мнѣ... спроси, умѣюль
спрастно
Прелестную любить,
Умѣюль вѣрнымъ быть, ...
Иль нѣтъ! — не спрашивай — и это мнѣ
ужасно!
Любовь себѣ законъ... сама собой живешь;

Какой - то горній мракъ безвѣстный и свя-
щенный

Весь полнитъ храмъ ея отъ взоровъ удаленный;

Очарованіемъ душа ея цвѣтетъ ,

Очарованіе небесную питаетъ ,

При свѣтѣ разума холоднаго, она

Горитъ, но не пльняетъ.

Такъ милой говорилъ; — и въ часъ безмоль-
ной сна ,

Щасливо невидимой ,

Я велъ прелестную въ далекой мрачной гротъ ,

Невинной скромностью хранимой ;

Довѣренность блюла ея непышной входъ.

Ахъ! эротъ мирной мракъ для сердца былъ
свѣтлѣ

Чертоговъ Зевсовыхъ спокрашъ!

Другъ друга знали мы върнѣ ,

Столь много , чтобъ любить , быть щасли-
вымъ , прощать ,

Другъ другомъ восхищаться ,

Въ глазахъ другъ друга возвышаться ,

Въ другъ другъ новое искать и находить ,

И побѣжденнымъ быть , и вмѣстѣ побѣдить! —

Любовь сама себя питаетъ ;

Короткій путь утѣхъ въ безмѣрность про-
должаетъ ,

Всѣ страсти , слабости творитъ себѣ игрой ,

И щаслива равно и щасьемъ и бѣдой ;

Чтобы утѣшишься , охотно мы лишались ,

Чтобъ больше полюбить , какъ будто раз-
люблялись ,

Не видѣлись, за шѣмъ, чтобы увидѣть вдругъ;
Отказывалъ себѣ я часто, чтобы не даромъ
Свое какъ чуждое заслуживать мнѣ съ жаромъ;
Случайность, прихоти, досугъ и недосугъ,
Нечаянность, и даже огорченье,
Лишенье, полученье,
Все сладко, все добро чувствительныхъ сердецъ! . . .

*

Мечта! мечта! всему конецъ!
Вотъ вѣрныя любви достойно воздаянье!
Безумный! въ пагубномъ твоёмъ очарованьѣ,
Ты видѣлъ, ты любилъ себя въ ней самого,
И пламенемъ своимъ ея ты пламень мѣрилъ;
И вѣря самъ себѣ, ея ты сердцу вѣрилъ;
Иль лучше: ты слѣпецъ! — не видѣлъ ничего! . .
О жалкой рабѣ страстей, слѣпой судьбы забава!
Что былъ я? — что могъ быть? — что
зналъ я? — что могъ знать?
О обольщенія сладчайшая отрава! . . .
Стыдись хотя теперь ты слезы проливать! . . .
Такъ! такъ! она любви сердечной не питала!
Облекшись въ прелести небесныхъ красныхъ
дѣвъ,
Въ ней Фурія, къ бѣдамъ Амура, обитала:
Въ ней — въ ней пылалъ ко мнѣ всего Эреба
гнѣвъ;

Другая льстивая Пандора,
Рожденная Боговъ всемогущихъ для позора,
Неблагодарности ужасный образецъ!

Такъ мало для тебя забыть любовь и вѣрность,
Всѣхъ милостей моихъ безмѣрность,
Притворствоваться, презрѣшь, оставить на-
конецъ? —

Убийствѣ искала ты, искала заговора,
Искала моего позора! —

Ужасна клевета коварною стопой
Вела тебя къ одру безпечнаго супруга,
И, Суевѣрие, и Ночь, его подруга,
Махая крылами, тебѣ спремилъ въ слѣдъ
Честней шумящи привидѣнья,
Корысти оболъченья,

И подозрѣнiе, на все лице ядъ;

Идешь съ свѣщильникомъ отъ Фурiй воспа-
леннымъ,

Съ кинжаломъ, Лестью изощреннымъ . .

Смѣются Небеса и плещетъ злобный Адъ!

Увы! — жестокая! и взоръ мой усыпленный,
И мой небрежной видъ тебя не удержалъ;
Когда я въ сладкомъ снѣ, воспоргомъ упоенный,
Искалъ тебя, нашелъ, казалось, прижималъ
Ко груди спрасшными руками;

Когда въ мечтанiи клялася ты богами

Въ безмѣрной мнѣ любви;

Когда, жаръ чувствул въ крови,

Сочетавались мы сердцами;

Когда, блаженнѣйшiй, превыше, нежели Богъ,
Рѣшился наконецъ открыться предъ тобою;

Вдругъ прерванъ сонъ . . . смошрю . . . пе-
редо мною

Убийца предстоитъ . . . и злой кинжалъ у ногъ!

Что значилъ прѣпетъ сей, безмолвіе, смущенье,
 Распрепанныя власы, въ очахъ померкшей свѣтлѣ?
 Что значилъ, говорю! спрасить любопыт-
 ства? — Нѣтъ!

Твой видъ не то казалъ... твой видъ былъ
 обличенье!

Но пусть такъ! — чтожь, когдабъ во мнѣ
 узрѣла ты

Въ сей мигъ воиспину чудовища и змѣя,
 И безобразіе, и бѣдность сироты,
 Которой ничего на свѣтлѣ не имѣя,
 Те опдалъ, чѣмъ тебя и Царь бы не дарилъ:
 Ужели бы твой мечъ невиннаго сразилъ?

Уже ли бы за то спрадальца наказала,

Что въ нѣжности его давно

Блаженство обрѣтала,

Для Бога и раба пріятное равно? —

Свершилось! торжествуй! Оракулы, вы правы!

Безумная! во мнѣ искала божества,

Коль смертнымъ бытъ для ней чпилъ бле-
 скомъ торжества,

Я чпилъ блаженство славы!

Такъ! — суешность и спесь была ея любовь.

Явись еще змѣя! — плѣняй Амура вновь!

Раскинъ коварства сѣтъ.... Что рекъ я въ
 ослѣпленѣ?

И зло тебѣ шворить, для гордой униженье!

Когда помишься здѣсь, оставленный судьбой;

Когда во праведномъ своемъ негодованѣ,

Остатокъ радостей — ты слезы льешь рѣкой,

И разрываешься въ рыданѣ;

Когда за призракъ правды, шѣнь
Признашь невинною гошовый, —
Охотно къ ней лепишь, хопя на бѣдства новы:
Она забыла все. — Для ней сіяетъ день
Восторговъ, упоеній,
Въ порокахъ закосаѣвъ, съ возвышеннымъ че-
ломъ,

Въ ничпо вмѣняя неба громъ,
Среди роскошныхъ наслажденій,
Она смѣется надъ тобой....

И, можешь бышь, когда щаспливѣйшій другой,
Склонясь на спраспну грудь — мой жребій
испышетъ :

О слабостяхъ моихъ съ улыбкой повѣстуетъ,
О слѣпотѣ моей . . . Не торжествуй, постой,
Постой! еще Амуръ не всей лишился власти ;

Спращися оскорбленной страсти !

Грудь нѣжная преобратись въ булашь !

Изчезни спраспный пламень !

Будь сердце — камень !

Упейся яростью шократъ ! —

Гдѣ ты, свирѣпая ? гдѣ ты, о чадо злобы ?
Вездѣ, вездѣ найду — раскрою мрачны гробы,
Изторгну изъ огня, изъ безднѣ, изъ чрева львовъ,
Не оградишь тебя все сонмище боговъ !

Какъ ! мнѣ со срамомъ оставаться ?

Предъ слабой смерпной пресмыкаешься ? —

Рѣшимся ! все пройдемъ, все грустью отправимъ,
Разспроимъ вѣчную гармонию вселенной !

Воскресни хаосъ усыпленной !

Воскресни ненависть и всѣхъ злодѣйствъ со-
боръ!
Нѣтъ болѣе любви! воспламенись раздоръ,
Оптимснимъ! оптимснимъ! . . . Кому?

*

Кому оптимснись, несчастной?
Вѣщай, который изъ боговъ
Невинной пушью любви — любви злыхъ вѣковъ —
Преобразилъ въ ужасной?
Кто свелъ съ небесъ
Непобѣдимые, обманчивые взоры,
Всеобщающаи глазами разговоры,
Улыбки хитрыя, коварство страстныхъ слезъ,
И льстивые слѣпцамъ обвороженнымъ смѣхи,
То уходящія, но близкіе успѣхи?
Непостижимостью притворство оградилъ?
Любовниковъ сердца лукавствомъ напоилъ?
Кто назвалъ вѣтренность лѣтъ юныхъ кра-
сотою?
Кто дерзость знаменемъ разсудка чшить
велѣлъ?
Кто чувство замѣнилъ холодностью одною?
Кто цѣпь любви соплелъ
Изъ вѣчныхъ горестей и радостей мгновенныхъ,
Изъ легковѣрности, сомнѣній переменныхъ,
Изъ смѣха, вздоховъ — изъ всего,
Что въ сердцѣ лишь живетъ . . . не лзя
назвать чего . . .
Я — чадо вѣчности, Хаоса примиритель,
И смертныхъ и Боговъ
Побѣдоносный Царь и другъ-благотворитель —

Я спалъ послѣднимъ изъ рабовъ
Мной побѣжденнаго развратнѣйшаго свѣта ;
Служитель новаго предмета ,
Служитель прихошей, скрываяся въ пыли,
Величью, суешамъ покорный ,
И честолюбія ласкашель я позорный ,
И праха низкій рабъ , которой изъ земли
Исторгнулъ гнѣвъ боговъ злодѣю въ нака-
занье ! . . .
О жалкой, бѣдной мѣрѣ ! — Амура обладанье !
Пусть я казнюсь одинъ ! почто тебѣ спрадать ?
Нещастные ! на мнѣ, на мнѣ одномъ опирайтесь !
И ты, о ревностью терзаемый несыпой !
И ты мевѣрною забытой !
И вы жестокими помимые друзья !
И ты, игра предразсуждений ,
Обычаевъ, суещъ, кичливости и мнѣннй !
Придите — врагъ вашъ здѣсь ! смотрите —
богъ вашъ, я
Предъ вами скипетръ повергаю ,
Гашу свѣтильники и стрѣлы сокрушаю !
Свободенъ буди всякъ, и впредь меня не знай.
Природа ! твой законъ разрушенъ и поверженъ !
Твой сынъ въ злодѣйствѣхъ надмѣненъ, не-
воздерженъ ,
Наказанъ самъ собой ! — О матери ! знакъ подай,
Вселенна измѣнится ,
Астрея возвратится ,
И снова потекутъ золотыя времена ,
И будетъ цѣлой мѣрой Аркадія одна ! — — —

Дивитесь счастью любви —

Отсель холмомъ надеждъ разрушенныхъ
слыши!

Да память о тебѣ межъ смертными хранишь,
И да никто изъ нихъ прямымъ добромъ не
льститъся . . .

А ты, о скромный гробъ! . . . Войдемъ въ
последній разъ,

При входѣ здѣсь она по цѣлымъ днямъ сидѣла,
И съ моря не спуская глазъ,

При свѣтѣ солнечномъ укрѣтъ меня хотѣла.
Вотъ здѣсь ея цвѣтникъ!

А здѣсь, близъ храмины и вѣги и покоя,
Журчитъ, тѣсняя сквозь простникъ,
Сверкающій потокъ; а тамъ, во время зноя,
На скали изъ цвѣтовъ,
Прелестная, въ ручѣ омывшись, оп-
дыкала

И отъ усердныхъ ей духовъ

Сладчайши яствы принимала;

Я здѣсь невидимый въ тѣни деревъ леталъ,
И прелести ея очами пожиралъ.

Вотъ проиѣ мой . . . проиѣ любви . . . еще
благоухаютъ

Цвѣты, посянны невѣрною рукой;
На смятой вокругъ травѣ сѣды не осыпаютъ,
Какъ бѣгала она съ воздушною толпой;

И на корѣ березѣ сребристой,

Блеститъ еще: люблю, начерпавше вчера;

И липа, тѣню волнистой

Склонясь на брачный одръ во образѣ шапра,

Какъ прежде, какъ при ней, въ часы утѣхъ
безцѣнны,

Лелѣя и теперь покровы испещренны,

И дружныхъ трепетомъ листовъ,

И благовоиѣмъ раскрывшихся цвѣтовъ,

Зовемъ къ нему еще мечтаній рой и сновъ,

И наслажденія . . . О щастіе мгновенио!

Уже онъ охладѣлъ, покинутый, забвенной! . .

*

Но что я зрю еще? Возможноль? Спраш-
ный видъ!

Всемощный Юпитеръ — мнѣ, мнѣ въ по-
зоръ и стыдъ,

Забыты . . . о слѣпецъ! . . . оставлены на-
рочно

Лампада и кинжалъ . . . оставлены —
такъ почно!

Смотрише! Торжештво! — — Здѣсь щастья
моего

Надъ прагомъ вознесенъ знакъ гибели по-
зорный; і

Чтобъ небо и земля и шаршаръ видѣлъ чорный
Безсилье, слѣпоту владыки своего!

Чтобъ каждый Феба лучъ, освѣпясь отъ
кинжала,

Манила бы всѣхъ познать мою погибшу спесь,

Чтобъ каждой въщерокъ, касаяся металла,

Звенѣла бы роци въ слухъ: *Амуръ униженъ*
здѣсь! . . .

Чтобъ въшѣви, зыбляся, о томъ же говорили,

Чтобъ всѣ , меня презрѣвъ , покинули , за-
были . . .

О злоба адская! . . . Скорбѣй , скорбѣй во прахъ ,
Постыдный мнѣ профей! . . . Тыбѣ лучше
сохранила ,

О вѣроломная! когда бы , слабымъ въ спрахъ ,
Вездѣ съ собой его носила . . .

Разрушимъ! . . . Но еще не все успѣлъ узнать;
Я вижу надписанье !

Конечно , слабостей Амуровыхъ сказанье !

Прочтемъ , не всея равно ? Чего мнѣ болѣ
ждать ?

О вы , которыя въ слѣдъ прихотямъ
стремитесь ,

Позволивъ суеть , страстямъ себя весели ,
Моей погибелью любилъ вы научилесь!

Я Душенька . . . Амуръ . . . несчастную
простил !

Нѣтъ! это выше силъ . . . судьба моя ужа-
сна! . . .

Жестокая! Ещель? . . . Слѣдой , чего ищу? . . .

Я вѣрить не могу , не вѣрить не хочу . . .

Но слезы , но тоска , но сердце къ ней . . .
несчастлива !

Почтожь шайтсья предо мной? . . .

Почтожь не показать моихъ враговъ мнѣ пре-
жде ?

Почтожь не потерпѣть , въ надеждѣ ,

Что я откроюсь самъ собой ?

Быть можеть , боги всѣизлили гнѣвъ надъ нею ,

И небо борется съ любовію моею .

Бышь можешъ . . . мать моя ! . . . какой
враждебный свѣтъ
Предъ испуленными сіяешъ очесами ! . . .
Явленіе сестеръ , неправедной навѣтъ ,
Венеры прелести , презрѣнныя сердцами ,
Забышой Пафосъ , пронъ . . .
Я пробуждаюся . . . продлись ужасный сонъ
Бышь можешъ , ты совѣмъ невинна предо
мною ;
Бышь можешъ , въ спраси я безмѣренъ , из-
ступленъ ,
Враждебною судьбой къ сомнѣнью увлеченъ ,
Самъ ужасы шворю ; какъ горы предъ собою ,
Препоны ставлю самъ себѣ ;
Блаженства своего ни мало недостойный ,
И зритель слезъ ея спокойный ,
Самъ предаю ее злокозненной судьбѣ !
Бышь можешъ , жертвой ты моихъ тирановъ
спраждешь ;
Раба , изгнанница , врагъ бога и людей ,
Напрасно взора ты , напрасно слова жаждешъ
Благоутѣщаго для горести швоей !
Никто не подойдетъ , никто тебя не спроситъ ,
Къ отверженной никто слезъ сладкихъ не
приноситъ .
Нѣтъ друга , сердца нѣтъ , гдѣбѣ сердце пре-
клонить ;
Нѣтъ родственной руки , глаза швои закрышь ;
Всѣ , всѣ тебя бѣгутъ , какъ язвы вредоносной ,
И вокругъ тебя облекъ шемницы мракъ по-
носной .

Соперницѣ наглой видѣ, враговѣ коварной смѣхѣ,
Вопросы хитрые и злое сожалѣнье,
Работы низкія, всеобщее презрѣнье . . .

Я знаю мщеніе женѣ! . . . „Гдѣ дни твоихъ
утѣхъ,
Гдѣ славна красота? (сѣ улыбкой ядовитой
Речешъ тебѣ соборѣ мучителей несышой)
Гдѣ гордыя мечты? Гдѣ другѣ любезный
швой?

Кому ты вѣрила?“ — Несчастливая, слезой
Единой отвѣчаешь,

И къ умноженію мученія своего,
И даже проклиная кого,
Не знаешь! . . .

*

О шемныя Судьбы! раскройте свой чертогѣ!
Предѣ вами молится любви несчастный богѣ,
Предѣ вами слезы льетѣ служитель вашѣ не-
лестной,

Да озаритѣ его лучь истины безвѣстной! . . .

Кого я оскорбилѣ? Кто слабому мнѣ мститѣ?

Не тыль, Отецѣ громовѣ, или сама Юнона?

Иль ты, носящая Горгоны грозный щитѣ,

Иль сердце страшно Аполлона,

Иль матери моей униженная властѣ? . . .

Да увѣнчаешься блаженствомѣ ваша страстѣ,

Да смертныхъ и боговѣ исполняшся желанья,

И радостѣ вѣрная да свѣпитѣ всюду вамѣ,

Мои окончите спрданья!

Покой безвѣстности приличенѣ лишь гробамѣ!

Вы знаете любовь . . . любилѣ не пощадите?

Гдѣ, гдѣ она? скажите!

Вѣщай земля, моря! вѣщайше небеса!

Онѣвѣнствуйше поля, долины и лѣса!

И ты всезрящій день, прелестный отрокѣ

Феба,

И ты спокойна ночь, дочь грознаго Эреба;

И молній ярыхъ блѣдный свѣтъ . . .

Но всюду тишина! — И мнѣ отвѣта нѣтъ! . . .

И вѣтры не ревутѣ, и небо не пылаешѣ,

И море не кипитѣ, и твердь не погибаетѣ,

А я шерплю и живѣ . . . Ахѣ! ради скорб-

ныхъ слезѣ,

О Юпитерѣ! о рокѣ! о сонмѣ боговѣ ужасной!

Возмите отѣ меня вы промыслѣ свой на-

прасной,

Мнѣ пляжки милостя небесѣ!

Или супругу возвращите,

Или Амура погубите! . . .“

*

Такѣ сѣповалѣ Амурѣ, но сѣповалѣ не вѣчно!

Онѣ слышалѣ вновь *люблю*, онѣ зрѣлѣ конецѣ

бѣдамѣ,

И вѣ щасѣ сталѣ опять жестокимѣ бо-

гомѣ къ намѣ.

Ушѣнѣшесѣ! зло не безконечно! . . .

Мрзлкѣ.

III.

О зимней рыболовствѣ Уральцевъ.

Рыбная ловля Уральцевъ, производимая зимою, есть промышленность, сопряженная съ великою опасностію для самихъ рыболовцевъ. Не постыжусь за нужное описывать ихъ разпоряженій, которыя дѣлаются по сему случаю начальствомъ, касательно назначенія командира, времени и мѣста, гдѣ (еще предъ закрытіемъ рѣки Урала льдомъ) Уральскіе козакъ замѣчаютъ остановившуюся въ глубокихъ мѣстахъ рыбу; скажу только о той минутѣ, въ которую козакъ Уральскіе, отправляясь по собственному желанію на рыболовство, съ опчаяннымъ, но бодрственнымъ духомъ подвергають жизнь свою великой опасности.

Въ Январѣ мѣсяцѣ каждаго, года въ назначенный день собирается на льду рѣки Урала въ одно мѣсто около четырехъ тысячъ человекъ; каждый сидитъ въ легкихъ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь; они помѣщаются одинъ подле друга весьма тѣсно, ожидая знака, и вдругъ — подобно вихрю — летятъ до самаго того мѣста, гдѣ рыба была ими прежде замѣчена. Величайшее неудобство сей скачки есть то, что къ другъ каждой

лошади привязываются шесты длиною отъ 4 до 12 сажень, съ большими крючьями, служащими для ловли рыбы. Шесты сіи называются здѣсь баграми.

Поданъ знакъ, и толпа рыбаковъ мчися во весь лошадиный опоръ. Картина поразительная! попопъ лошадей, шорохъ санокъ, крикъ людей, ломаніе багровъ, брызгъ еяга, производящаго гуспой шуманъ, и эхо, безпрестанно эшотъ шумъ въ лѣсу повторяющее — все эшо вмѣстѣ должно привести въ большее удивленіе того человекъ, которъй на эшу сцену въ первой разъ смотришь.

Естьли, паце чайнїя, которъй-нибудь изъ рыбаковъ вывалился изъ саней, шо прочіе не оспанавливаются, свачупъ чрезъ него, и естьли онъ будетъ задавленъ до смерти, шо виновниковъ не ошискиваютъ. Но къ проворству Уральцовъ должно причислить и шо, что почти никогда не бываетъ шаковыхъ несчастныхъ приключенїй, или по самой крайней мѣрѣ весьма, весьма рѣдко они случаются.

Доскакавши до мѣсна, всѣ выходятъ изъ саней — и въ минушу вы видите каждаго пробивающаго желѣзною пещнею

прорубь, и рѣна мало помалу — покрывается осешрами, бѣлугами и проч. и проч. Всю сѣю наловленную рыбу продающъ на мѣстѣ иногородцамъ, нарочно для покупки ея къ сему времени въ Уральскѣ прѣвзажающимъ.

Такимъ почти образомъ продолжается сѣе рыболовство 12 или 13 дней, начиная отъ Уральска, внизъ по Уралу на 200 верствъ.

Не столь шумны бывали древнїя Вакховы оргїи — какъ пиршества Уральцовъ, возвращающихся съ рыболовства съ полными карманами. —

Уральскѣ. Апрель 9 го.

В. Книшечцовъ.

IV.

Примѣры безкорыстія.

1.

Лѣтъ около 20 тому назадъ (во время славной Сибирской ярмарки въ Ирбишѣ), случился великой пожаръ въ городѣ; загорѣлось множество домовъ и между прочими господиной дворъ. Обыватели спарались шупшишь дома свои; купцы выбирались изъ

лавокъ; многочисленныя шолпы народа волновались и шумѣли по улицамъ. Пожаръ усилился; увидѣли, что трудно спасти господинной дворъ; купцы бѣгали въ опшчаянїи по лавкамъ, и выбрасывали изъ нихъ свои шовары; всякой хотѣлъ сохранить по крайней мѣрѣ хоть лучшее. Всѣ пришли въ смяшенїе. Въ это крипическое время одинъ пожилой иногородной купецъ, вбѣжавъ въ свою лавку, всю пламень окруженную, беретъ шкапулку съ деньгами, векселями, купеческими разчепами и другими важными докуменшами, и въ шоропливоспи опдаетъ ее для спасенїя первому, кто попался ему въ дыму пожара на глаза, а самъ еще старается спасти кое-что нужнѣйшее; наконецъ пожаръ ушшили. Купецъ вспомнилъ, что опдалъ свою шкапулку, но кому? — Богъ знаетъ! — Заблшился, спрашиваетъ, суешится, ищетъ, но шщешно. Наконецъ наступившая ночь принудила опчаяннаго возвратиться на кварштуру. Друзья собрались ушбшшать его — словами. Вдругъ около полуночи услышали шшукъ подъ окномъ; на вопросъ купца: *кто тамъ?* спросили: *здѣсь ли живетъ такой-то?* Купецъ, услышавъ свое имя, проситъ незнакомаго войти въ горницу; и что же? — Входитъ бѣдный креспьянинъ, дрожащїй опъ ночнаго мороза; упрекашельнымъ и вмѣстѣ просишельнымъ голосомъ

пробуешъ онъ, чшобы купецъ взялъ у него свою швашулку, кошорую, Богъ знаешъ, гдѣ онъ по городу не вывозилъ, искавши хозяйина и замучивъ свою клячонку. Предшавъше радость купца! Одинъ изъ его прїяшелей (конечно имѣлъ онъ не доброе сердце) съ насмѣшкою спросилъ крестьянина: зналъ ли онъ, какое богатство хранилось въ швашулкѣ? — „Какъ баринъ, не вѣдашь, ошвѣчалъ съ безпечнымъ про- „сподушїемъ крестьянинъ: вѣдъ онъ мнѣ „самъ сказалъ, что всѣ его деньги и почпи „все его богатство въ ней. Для того-то „я и не посмѣлъ бѣхашъ ночевашъ къ себѣ „на кварширу, опасаясь, чшобы меня не „обокрали.“

Купецъ хотѣлъ присшойно наградишь безкорыснаго; но онъ ничего не взялъ. „Богъ меня не помилуетъ, ежели что „возьму съ пожараща“ сказалъ онъ, поклонился, и побжалъ — спать въ свою бѣдную хижину.

2.

Въ 1797 или 8 году, одинъ горной унтеръ-офицеръ провожалъ приняшую имъ изъ Шадринскаго уѣзнаго назначейства денежную казну, мѣдною монешою до 75000 руб. въ Пешербургъ. Надлежало пробхашъ около 200 верствъ, и почпи все степью.

Извѣстно, какъ жестоки Сибирскіе морозы и вѣтры; а на степяхъ они и совершенно для пробѣгающихъ опасны. Надобно ему было переѣхать 18 верстѣ ночью, въ жестокой морозѣ и мяпель, спешью, съ обозомъ, состоящимъ изъ 150 подводъ. Караванъ сей, въ такую жестокую погоду, разбился на многія опадѣнія, которыхъ уже въ разное время пришли на спанцію; провожатый началъ ихъ осматривать, и не досчитался одного воза съ деньгами и человекомъ. Положили навѣрное, что человекъ замерзъ, а лошадь сбилась съ дороги. Послали искать ихъ. Человекъ нашли скоро, а воза и лошади нѣтъ; извожикъ и самъ не зналъ куда они дѣвались, ибо онъ шелъ за другими своими возами, утомился и наконецъ опочалъ отъ усталости и спужи. Гдѣжь искать ихъ? На дорогѣ не нашли, а въ сторону и слѣду нѣтъ: ибо степной вѣтеръ не только малые слѣды занесъ сѣгомъ, но совершенно заровнялъ и почтовую дорогу. Приближаешься полдень, а вѣсти нѣтъ никакой. Бѣдной унтер-офицеръ въ отчаяніи — но вотъ радость! Вдругъ на широкѣ лошадей мчатъ его возъ.

Когда мяпель утихла и довольно уже разсвѣло, то одинъ кресьянинъ, изъ споронней деревни, побѣжалъ въ степь за сѣномъ. Подвѣзжалъ къ своему загороду

(NB. находившемуся далеко въ споронѣ отъ почтовой дороги,) и къ удивленію своему видящъ крестьянскую лошадь съ возомъ денегъ. Что дѣлать? вмѣсто усталой лошади запрягаешь свою, и привозишь деньги въ волосинное правленіе. Староста, слышавъ, что провозили *казну*, нарядилъ подъ эпомъ возъ шройку, дабы примчать его поскорѣе на шанцію, и *тѣмъ избавилъ провожатыхъ отъ лишняго горя*, какъ онъ самъ объяснилъ.

Крестьянинъ, нашедшій возъ денегъ, старался извиниться, какъ умѣлъ, что не скоро дошащилъ его до деревни, ибо и его лошаденка не лучше была извощиковой, копорая вся испомилась подъ возомъ. О любезной, испинно добродушной проспанк!

Первой анекдотъ очень многимъ извѣстенъ; а послѣдній я слышалъ отъ самаго того уншерб-офицера, копорой провозалъ денежной транспортъ.

Н. Мамышевъ.

V.

Бракъ по разсчету.

(Гогартова каррикатура.)

Старый Графъ Шнуандерфильдъ переселился уже къ именишному предку своему, Вильгельму завоевателю: и сыну его и невѣстѣ, по видимому, не очень жаль, что смерть наконецъ выиграла пошъ случайный процессъ, копорый вела она съ эшимъ подагрикомъ въ продолженіи 80 лѣтъ. Они и сами теперь, кажешся, заводяшъ тяжбу — но шолько не съ смертію, а съ брапомъ ея, сномъ. Милади, вѣроятно, останешся побѣждемною; а Милордъ, благодаря пому безпокойству, копорое написано на лицѣ его чешкиими липерами, останешся побѣдишелемъ.

Въ домѣ едва шолько начинаешся утро (что бы впрочемъ ни показывали стѣнные часы); вы видите: еще зѣваюшъ, попягиваюшся, завпракаюшъ. Милордъ теперь шолько вышелъ изъ кареты, и мы догадываемся, что онъ, спараясь дошшишся до своего кресла, нашинулся на спулъ, уронилъ его вмѣстѣ съ скрипкою, и самъ упалъ, переломивъ конецъ своей шпаги. Лицо его превосходно — это разительный образъ совершеннаго изшощенія

тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, упомившихся отъ спрашнаго разврата послѣдней ночи. Онъ не сидѣлъ — онъ брошенъ на спулъ разслабленіемъ. Шляпа его и волосы опивчающъ своимъ безпорядкомъ чулкамъ и камзолу; нѣтъ кошелька на плечахъ, нѣтъ кошелька въ карманъ; и шамъ, гдѣ прежде присуществовали деньги, теперь присуществуютъ однѣ опустѣвшія руки. На что, спросите вы, усмремляющаго его взоры? Право не знаю! — *Изъ* остановились они, вѣроятно безъ всякаго вниманія, на повалившемся спулъ; а *внутренно*, можетъ быть, встрѣтились съ упрекающими взорами совѣсти — шого моральнаго ястреба, о кошоромъ говорили мы прежде. Ужасная головная боль не мѣшающъ бытъ ощушительною боли сердечной. Милордъ разщипывается съ самимъ собою, или лучше сказать, сильно чувствущъ, какъ тяжело бы ему было, когда бы онъ вздумалъ съ собою разщипаться. Онъ побѣжденъ, эшо правда, но возвратился съ поля сраженія не безъ добычи: изъ лѣваго кармана его выглядываетъ непріятельское знамя — дамская косынка; ешлы вы знаете, что такія вещи никогда не попадающа въ карманъ мужчины безъ залога, шо вамъ и не шрудно будетъ догадаться, что сдѣлалось съ кошелькомъ и часами. Теперь вы имѣете понятіе о ноч-

ныхъ подвигахъ Милорда — обратимся къ любезной его половинѣ. Милади провела всю ночь въ избранномъ обществѣ молодыхъ прїяшелей: играли въ наршны, пили чай, шанцовали, слушали музыку. Все эшо продолжалось очень долго: въ подсвѣчникахъ оспались одни огарки. Двѣ шолько заповѣдныя свѣчки, передъ часами, уцѣлѣли; но ихъ позабыли, а можешъ бышь и не захопѣли зажечь, для шого чшобы не видашь бѣгущаго времени. Милади усшала — эшо очень ешественно. Глаза ея почти сомкнулись. Думашъ надобно, чшо она почивала на спулѣ, была пробуждена возвращенїемъ Милорда, и скоро опяшь заснешъ, ештли разговоръ ихъ все будешъ шакъ же прїяшенѣ и забавенѣ.

Милади собираешся завшпранашъ — а Милордъ уже доночилъ евой завшпранѣ; и конечно онѣ былъ самый невкусный: до него не дошпрогивались; спарому кофиштенку, или лучше сказашъ, спарому управителю приказано его вынести, и онѣ выношишь его съ самою печальною миною. Эшопѣ завшпранѣ составленѣ былъ избъ кипы щешовѣ, копорые надлежало ныишнимѣ ушромѣ, просмошрѣшь и повѣришь; но избъ нихъ повѣрили шолько одинѣ, и шопѣ 4го Юня (какъ можеше видѣшь избъ надписи), слѣдовашельно прошедшимѣ еще лѣ-

помѣ — а теперь зима, или по крайней мѣрѣ глубокая осень, чему свидѣтель каминъ, въ которомъ пылаютъ дубъ или береза. Повременный щепъ, вздѣтый на проволоку, скучаетъ въ печальномъ одиночествѣ, ожидая другихъ, которыхъ конечно не скоро дождесться. Подъ мышкою управителя видите вы огромный фоліантъ — это расходная книга, въ которую Милордъ не успѣлъ еще заглянуть ни одного разу со времени переселенія высокаго родителя его въ обитель Вильгельма завоевателя. Всмотритесь въ лице управителя — нужно ли вамъ извѣстять, отъ чего оно сморщилось, отъ чего губы и носъ эшаго добраго челоуѣка искосились, а глаза вмѣстѣ съ правою рукою поднялись къ небу?

Вдали, въ опустѣвшемъ храмѣ веселія, видите вы на столѣ свѣчу, которая, опслуживъ свою службу, отказывается свѣтить сама, и уступая должность свою одному изъ спульевъ, которой зажигаетъ. Но освѣщеніе можете обратиться въ пожаръ. По щастію, другой спуль, замѣтивъ опасность собрата своего, вздумалъ наклониться подъ всадникомъ и хочетъ разбудить его шумнымъ своимъ паденіемъ. Стѣны храма украшены богатыми обоями, чешырьмя карпинами, представляющими

Святыхъ, и еще пяною, копорая задернула замавскойю — вы видите одну только ногу — что далѣе, не извѣстно! можете угадывать сами — а мы замѣтимъ, что эша противуположность въ карпинахъ весьма хорошо означаетъ несообразность поступковъ нѣжной чепы съ правилами обыкновенной человѣческой морали. Прочія украшенія дадутъ вамъ понятіе о числѣ и правильности ея вкуса: на каминѣ видите нучу Кишайскихъ уродовъ, нѣсколько уродливыхъ вазъ и древній бюстъ, съ новою головою и еще новѣйшимъ носомъ — все это разспавлено по правиламъ спрожайшей симметріи: каждому фарфоровому уроду отвѣчалъ такой же точно другой фарфоровый уродъ, и каждая скляночка имѣетъ своего близнеца — можно съ довольною вѣроятностію заключить, что это единственный уголокъ во всемъ домѣ, въ которомъ замѣтимъ нѣкошорый порядокъ. Взгляните на свѣтлые часы, и вы подивитесь изобрѣшательному генію художника: онъ убралъ ихъ дубовыми вѣшьями, въ которыхъ поселилъ двухъ карасей и одну кошку.

Лихтенбергъ.

ПОЛИТИКА.

VI.

О соединеніи государствъ и смѣшеніи народовъ.

(Окончаніе.)

V. Однообразіемъ во внѣшнихъ отношеніяхъ называемъ постоянное, по предположеннымъ правиламъ, стремленіе народа или правительсва къ достиженію своей цѣли опосредственно къ другимъ государствамъ. Такое стремленіе можешь принадлежать цѣлому народу, или только правителю. Въ Исторіи государствъ и народовъ находимъ многіе примѣры того и другаго. У Римлянъ стремленіе народное направлено было къ точкѣ овладѣнія всѣмъ извѣстнымъ тогда свѣтомъ. Римская Имперія и бытіемъ своимъ и возрасшавшимъ величіемъ обязана была принятой системою завоеваній. Каждой разѣ при покореніи новой области народъ пользовался новыми выгодами. Наконецъ уже огромный колоссъ обрушился отъ собственннй своей тяжести. — У кочевыхъ народовъ, разорившихъ западную Римскую Имперію, народнымъ стремленіемъ была

охопа бродить съ мѣста на мѣсто. Аравіянне и Турки по стремленію своему сходны съ Римлянами. — Карлъ Великій велъ безпреспанную войну не по жадности къ завоеваніямъ, но потому что столицу свою хошѣлъ оградить безопасностію. Было бы несправедливо обвинять его въ намѣреніи учредить всемірную Имперію. Просвѣщеніе другихъ государствъ было цѣлю, къ которой онъ стремился.

Римско-Католическая Іерархія имѣла въ виду всемірное господство; а какъ и всѣ члены оной пламенѣли одинакимъ желаніемъ, то и стремленіе сіе надлежитъ называть народнымъ, а не личнымъ. — Славный союзъ Ганзейскихъ городовъ равнымъ образомъ имѣлъ народное стремленіе къ разширенію торговли и къ просвѣщенію міра. — Изувѣрство произвело въ Испанцахъ народное стремленіе къ изгнанію Мавровъ; говорю народное стремленіе, потому что оно распространилось на сословія и на лица. При Карлѣ пятомъ Испанцы стремились ко всемірной монархіи; однакожь стремленіе сіе было не народное, но только личное. Испанской народъ необѣщаль себѣ никакихъ выгодъ отъ того, что Карлъ воевалъ въ Италіи и въ Нидерландахъ, и непринималъ участія въ желаніи его сдѣлаться обладателемъ Германіи. — Народъ Голландской стремился

къ завоеваніямъ внѣ Европы, и въ то же время къ распросраненію обширной своей торговли: на семъ основаніи унтверженъ былъ цѣлой сославъ погдашней новой Голландской республики. — Усилія Императора Фердинанда II клонились къ возстановленію старинныхъ преимуществъ Императорскаго дошпоисшва въ Германіи и къ угнешенію Прощеспаншскаго исповѣданія; но ни по ни другое не имѣло связи со благомъ собственныхъ его владѣній. — Равнымъ образомъ Лудовикъ XIV всемѣрно спарался дашь перевѣсъ Франціи преимущественно прошиву всѣхъ державъ швердой земли въ Европѣ. Пруссія со времени великаго своего Курфирша ошличалась народнымъ спремленіемъ возвыситься на шепень государствъ первоклассныхъ. Бышіе и благо ея шого необходимо шребовали. По сей - то причинѣ семилѣшняя война была для Пруссіи войною народною. — Петръ Великій предположилъ въ своемъ планѣ разширишь предѣлы Имперіи до Балтійскаго моря. Хотя планъ сей начертанъ собшвенною его мудросшю и духомъ завоеванія; однакожь онъ сошвѣшшвовалъ и народному спремленію. — Излишне было бы доказывать, что Англія спремилась къ распросраненію владѣній своихъ въ другихъ частяхъ свѣша, и что ея спремленіе есть народное.

Задесять лѣтъ передъ симъ одинъ недавно умершій славный писатель сдѣлалъ замѣчаніе, что Франція спремишя расширишь свои предѣлы съ воспочной спороны государства. Правда, что Франція весьма съ давнихъ лѣтъ приобрѣшаетъ новыя владѣнія на воспокъ; однакожь забывашь не должно, что большая часть завоеванныхъ земель нѣкогда Франціи принадлежала, а пошомъ была опшоржена ошъ нее разными случаями; не должно забывашь, что языкъ, обычаи, внушреннія распоряженія были почно шѣ же, что и во Франціи. Могло спашься, что народъ Французской имѣлъ, пакъ сказашь, еспешвенное спремленіе приобрѣспь оныя земли. Чшожь касаешя до другихъ важныхъ приобрѣшеній, шо онѣ уже были удачнымъ слѣдствіемъ полишической системы обладашеля. Между шѣмъ невозможно, а особливо въ государствѣ воинспвенномъ, что правило государемъ приняное со временемъ дѣлаешя правиломъ всего народа! Личное желаніе Наполеоново, бышь повелишелемъ державъ на пвердой землѣ, можетъ распроспранишья на весь народъ Французской. Сіе двойное спремленіе хошашь шеперь присвоишь и подчиненнымъ обласшямъ. Какъ проспранство Французской Имперіи увеличиваешя новыми завоеваніями; шакъ шочно и

подвластныхъ государства, на примѣръ Саксонія, Баварія, Голландія и другія, получающъ приращеніе. Богатства войною приобретаемыя разливаются на всѣ части Имперіи; на примѣръ, добыча отъ Австріи полученная досталась Баваріи. Такимъ образомъ жили союзныхъ государствъ, а особливо государи ихъ, мало по малу привыкающъ свои собственныя выгоды соединяшъ съ выгодами Франціи и почишашъ ихъ нераздѣльными.

VI. Нынѣ военное сословіе почишаешъ, можешъ бышъ не безъ причины, первымъ въ обществѣ гражданскомъ и важнѣйшимъ предметомъ государственнаго управленія. Правда, что деспотизмъ иногда утверждаешъ на немъ свое владычество; однакожъ и существенная отъ него польза очевидна. Люди военнаго званія господствуютъ надъ цѣлымъ народомъ; расположеніе мыслей ихъ имѣешъ великую силу надъ людьми всѣхъ другихъ сословій. Дѣйствовашъ на умы посредствомъ войска — вошъ главное правило, которое Наполеонъ имѣешъ въ виду, располагая войсками государствъ союзныхъ. Португальцовъ посылаетъ онъ въ Испанію, Испанцовъ и Голландцовъ черезъ Нѣмецкую землю и Данію прошивъ Шведовъ. Саксонцы должны охраняшъ новыхъ Поляковъ;

Поляки, Нѣмцы, Испаліянцы и Голландцы сражающся въ Испаніи съ шамошними мишежниками, между шѣмь какъ Французскія войска оберегають Ганзейскіе города отъ неприяшельскаго нашествія, защищаютъ важнѣйшую пограничную крѣпость великой Имперіи, пригошьяющся въ Неаполѣ къ нападенію на Сицилію, а въ Далмаціи содержатъ въ страхѣ Турковъ и Черногорцовъ. Такимъ образомъ разноплеменные солдаты привыкають ко взаимному знакомству между собою; такимъ образомъ приучающся они уважать одно благо общее, драгоценное для сердца великаго ихъ повелителя. Каждой изъ нихъ почищаетъ себя не защитникомъ частнаго своего опечесства, но войномъ Наполеоновои Имперіи. Возвращаясь на родину, они сообщаютъ сіи понятія землякамъ своимъ, которые и безъ того уже берутъ участіе въ судьбѣ опдаленныхъ друзей своихъ и братьевъ, а слѣдственно и въ общемъ благѣ, за которое они сражаются.

VII. Наполеонъ даетъ преимуществва Французамъ передъ всѣми другими народами, подѣ власнїю его соспоющимися. Не должно приписывать сего одному шолько чувству признапельности къ собственному народу; иѣтъ, здѣсь опкры-

ваеися еще весьма благоразумное и сильное средство къ достиженію великой цѣли. Всѣ подвластные племена привыкаютъ чрезъ то почиашь Французской народъ господствующимъ, брашь его за образецъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и соспавляшъ вмѣстѣ съ нимъ единое нераздѣльное шѣло. Испаліянцы и Нѣмцы мало по малу опвыкнушъ опъ желанія бышь шѣмъ, чѣмъ они были, и захопяшъ называшься Французами. Римляне слѣдовали шакому же правилу. Было въ обыкновеніи всѣ должности въ покоренныхъ спранахъ повѣряшъ однимъ только природнымъ Римлянамъ, которые во всякомъ случаѣ пользовались преимуществами передъ жителями до шѣхъ поръ, пока сѣи не превратились въ Римлянъ. То же видимъ и шеперь во многихъ союзныхъ государствахъ: министерство соспавлено частію изъ Французовъ; языкъ введенъ въ употребленіе Французскій; первыя должности военныя поручены Французамъ; приказы въ спроу даюшся на Французскомъ языкѣ; лучшія волости пожалованы Французскимъ полководцамъ за оказанныя ими услуги.

Такими, споль хорошо обдуманнми, способами Императоръ Наполеонъ безъ сомнѣія достигнетъ великой своей цѣли. Правда, что еще много дѣла впереди ос-

таешся, еще многія препяпшсва находящяся; однако жь ему преодолбшь ихъ не шрудно. Одно изъ сихъ препяпшсвбъ, ежели не ошибаюсь, соспоишъ въ несходствбъ языковъ. Но не въ его ли власти сдблать, чшобы всб языки осшавались шолько прощонароднымъ нарбчьемъ? Велика ли ббда, ежели Виландъ, Геше, Рихшеръ славныя произведенія ума своего сообщать будущбъ не чрезъ посредство языка Нбмецкаго? велика ли ббда, ежели не услышимъ изъ устъ Нбмецкаго папрїоша, каковъ на примбръ Архенгольцъ и другїе, жалобныхъ споновъ объ упадкб Германїи! Языки древнихъ Грековъ и Римлянъ въ наше время почти ищезли. Ищорїя богата примбрами, и ничушь недолжно удивляшьсѧ, ежели будущїя поколбнїя забудушь, чшо нбкогда сущесшвовали Нбмцы и Германїя! Гдб шеперь языки всбхъ народовъ, поббжденныхъ и порабощенныхъ Римлянами? Правда, чшо ихъ не должно сравнивать съ обрабошанинымъ, съ прекраснымъ языкомъ Нбмецкимъ; но шбмъ болбе удовольсшвїя для завоевашелей свбпа, кошорые и въ семъ опношенїи превзошли Римлянъ, своихъ образцовыхъ героевъ!

Другое препяпшсво къ совершенному смбшенїю народовъ, скипешру Французскому подвластныхъ, должно полагать, какъ жамъ кажешся, въ шомъ, чшо осша-

лись еще владѣтели въ Германіи. Но развѣ Наполеонъ докончилъ великій свой подвигъ? Кто подумаетъ, чтобы онъ остановился среди своего печенія? Не уже ли закрыто отъ дальновиднаго взора его, что разныя правительствва въ государствахъ, Рейнскій союзъ сославляющихъ, не устроили народнаго блага, которое Наполеонъ предположилъ цѣлюю всѣхъ безконечныхъ своихъ подвиговъ? Можно ли сомнѣваться, что онъ, при столь чудесной разсудительности, всѣхъ нынѣшнихъ бессильныхъ Королей и Гросс-Герцоговъ для общаго блага не превратилъ въ Князей Французской Имперіи, что не удѣлилъ имъ на содержаніе пристойныхъ участковъ, и что владѣній ихъ не присоединилъ ко Французской Имперіи? И что лучше бытъ можеть для сихъ государей, какъ наслаждаться жизнію спокойно и беззаботно, не чувствовашъ бремени правленія и передать оное тому, кого Провидѣніе предназначило для обновленія міра и для успроенія блага роду человѣческому? Не уже ли Князья Нассаускій, Гогенцоллернскій, Ангальтскій, Лейпцигскій и Король Виртембергскій имѣютъ на владѣнія свои большее право, нежели Курфирштъ Гессенскій, Князья Брауншвейгскій, Оранскій, Гогенлоге, Фиршенбергъ, Наслѣдныи Принцъ Ембурійскій и другіе? Никакому сомнѣнію не подверже-

не, что жилили малыхъ государствъ много выиграли, бывъ присоединены ко Франціи; примѣромъ тому служилъ Гроссѣ-Герцогство Бергское, въ которомъ шаможни переведены съ береговъ Рейнскихъ на противоположную границу; слѣдственно открыто свободнѣйшее сообщеніе между Франціею и симъ Гроссѣ-Герцогствомъ, съ тѣмъ поръ какъ оно присоединено къ собственнымъ владѣніямъ Наполеона, отъ него самаго непосредственно управляемымъ. Вообще, народы прежней Германіи имѣютъ основательныя причины неперѣливождать помянутой, когда въ опечесивъ ихъ уменьшено будетъ число шаможней.

Различіе исповѣданій во Французской Имперіи есть шанже препятствіе къ смѣшенію обитающихъ въ ней народовъ. Правда, что трудно согласить разныя мнѣія до вѣры относящіяся; однакожь для великаго ума нѣтъ ничего невозможнаго. Надобно всѣмъ исповѣданіямъ предославить одинакія права гражданскія, обряды причислить къ гражданскимъ установленіямъ, а для всѣхъ католиковъ и протестантовъ издать одно церковное право.

Въ нынѣшнихъ протестантскихъ земляхъ можно объявить всеобщую и неограниченную терпимость. Народное просвѣ-

щеніе должно бытъ на опчетѣ правитель-
ства; Нѣмецкія школы учредишь по Фран-
цузскимъ законамъ; въ нихъ будетъ
преподаваемо прочно то, на что дасть
особое дозволеніе. Послѣ сихъ пригото-
вленій останешься только объявишь себя гла-
вою всѣхъ исповѣданій, предпишешь для
всѣхъ общую вѣру, и взяшь со всѣхъ жи-
телей присягу въ безпрекословномъ пови-
новеніи. О какъ благодарить спашешь бу-
дущія поколѣнія великаго преобразителя
за сей актъ мира и соединенія вѣры!

Были нѣкогда времена переходенія
народовъ; нынѣ настало время преобразо-
ванія государствъ. Франція подала при-
мѣръ; многія, прежде независимыя, пра-
вительства одно послѣ другаго начали
слѣдовать ей — каждое смотря по сво-
имъ нуждамъ и отношеніямъ.

(Съ Нѣмецкаго. Изъ Нѣмецкаго журнала,
печатаемаго въ Гамбургѣ подъ Французскою
цензурою. Окончанія не помѣщаемъ; оно несо-
отвѣтствуетъ началу, и само по себѣ неваж-
но. Сего довольно, чтобы имѣть понятіе о
томъ, какъ нѣкоторые люди сообщаютъ дру-
гимъ свои мысли.)

К.

VII.

Проклацаціи.

1. Ошъ Ерцгерцога Карла при вступленіи Австрійскихъ войскъ въ Баварскія и Саксонскія владѣнія.

Къ Нѣмецкому народу!

Е. В. Императоръ Австрійскій принужденъ поднять оружіе: ибо Французскій Императоръ не желаетъ, чтобы существовало какое-либо государство, не признающее верховной власти его надъ собою, и несодѣйствующее завоевательнымъ его намѣреніямъ; онъ хочетъ, чтобы Австрія отпрелась отъ своей независимости, чтобы обезоружила свои ополченія и чтобы отдала себя на произволъ завоевателя; войска Французскаго Императора и подчиненныхъ ему союзниковъ выступаютъ противу Австріи.

Австрійскіе полки двинулись для защиты себя по мановенію Монарха. Я веду ихъ противъ непріятеля, чтобы предваришь неминуемое и близкое нападеніе. Мы выступаемъ за предѣлы Австріи не въ качествѣ завоевателей, не въ качествѣ враговъ Германіи, не для того чтобы уничтоживъ Нѣмецкіе законы, права, нравы и обычай, на мѣсто ихъ ввести чужо-

земные; идемъ не для того чтобы низвергать престолы и попомъ распоряжашь по своей волѣ, не для того чтобы присвоивашь себѣ Нѣмецкое имущество и чтобы Нѣмцовъ посылать въ отдаленныя земли для покоренія народовъ; и въшъ, мы идемъ сражашься за независимость Австрійской Моноархіи, за свободу и за честь Германіи.

Тѣми же приязнаніями, отъ которыхъ Германія уже спонешъ, и намъ шь въ угрожающъ. Спрошивленіе наше есть послѣдній способъ къ избавленію. Наше дѣло есть дѣло всей Германіи.

Съ Австрією Германія была независима и счастлива; при помощи Австріи она опять можетъ сдѣлаться шь, чь была прежде. Нѣмцы! подумайте о вашемъ положеніи, примите предлагаемую вамъ помощь, и споспѣшествуйте избавленію васъ отъ чуждаго ига.

Мы желаемъ только усилій, пребываемыхъ войною, подвемлемою для общей пользы. Ваше имущество, семейственное ваше спокойствіе будущъ обезпечены спротимъ военнымъ порядкомъ. Австрійское войско не желаетъ ни ушънять васъ, ни грабить; оно почиаетъ васъ братьями своими, и зовешъ къ оружію для общей пользы. Будьте достойны нашего ува-

женія. Нѣмецъ, самъ себя непомнящій, есть нашъ непріятель.

Надѣйтесь на мое слово, которое я многократно выполнялъ для вашего избавленія! надѣйтесь на слово моего Императора и Брата, которой никогда не нарушалъ онаго.

Карль, Генералиссимъ.

*

а. Ошъ Маршала Герцога Ауершпедскаго (Даву) къ солдатамъ Французской Рейнской арміи.

Гемманъ, при Регенсбургѣ, 17 Апрѣля.

Солдаты! Е. В. Императоръ Австрійскій 8 числа сего мѣсяца повелѣлъ начать непріятельскія дѣйствія, и Генералы его на другой же день о томъ объявили. Вы принялись за оружіе. Дневные приказы Австрійскаго войска наполнены ругательствами. Войны Императора Наполеона такимъ образомъ никогда не нападающъ. Намъ грозятъ стыдомъ, которой будуще бы постигнешъ насъ на поляхъ Маренгскихъ и подъ Ульмомъ. Вы докажете на опытъ, сколь основательны такія угрозы. Солдаты! нашъ обожаемый Императоръ, будучи еще первымъ Консуломъ, подаль руку въ знакъ мира; Императоръ Австрійскій не принялъ предложенія, не

бйшва при Маренго заставила его согласишься. Англичане нарушили договоръ Амьенскій; Монархъ нашъ подвинулъ войска свои къ берегамъ Франціи. Австрійскій Императоръ воспользовался симъ временемъ; не объявляя войны, напалъ на земли нашихъ союзниковъ и угрожалъ нашеслвѣемъ на наши собственныя. Ульмъ принудилъ непріятеля къ заключенію мира. Нынѣ Е. В. Императоръ Австрійскій угрожаетъ нашимъ союзникамъ, хотя невидно было ниже слѣда несогласія между обѣими Имперіями, и почиаетъ себя въ состояніи начать военныя дѣйствія. Правители кабинета его надѣются великихъ успѣховъ отъ мѣлкихъ своихъ сочиненій. Горе жѣмъ, кои распускаютъ оныя въ народъ и возбуждаютъ безпокойство! Скоро дадутъ они отвѣтъ передъ законами и правами военными.

Солдашы! Невзирая на клеветы сочинителей ругательныхъ писемъ, Германія опдастъ справедливостъ наблюдаемому вами строгому порядку. Вы идеше не прошивъ жгителей, не прошивъ несчастныхъ жертвъ приспрастія Австрійскаго дома, кошорой чесплюбіемъ своимъ много уже листковъ ознаменовалъ кровію въ бышописаніяхъ, и кошорой непомѣрною гордынею возбуждалъ прошиву себя многіе на-

роды. Наполеоновъ воинъ долженъ бытъ чуждъ страха и поношенія. Если бы въ нашихъ рядахъ нашлись такіе люди, которые забыли военные законы и обезславили себя разбоемъ; то ихъ скоро постигло бы неминуемое наказаніе.

Слѣдствіе войны сей неподвержено сомнѣнію. Намъ поможетъ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ, который въ войнѣ и въ мирѣ свято хранилъ данное слово; помогутъ ЕГО воины, которыхъ вы почитаете; помогутъ союзные государи, которые взываютъ къ намъ объ опмщеніи, и которыхъ мы навсегда охранимъ отъ опаснаго честолюбія вѣчныхъ враговъ нашихъ; наконецъ намъ поможетъ правое наше дѣло.

Ваше мужество, умъ нашего Монарха, которой явился среди насъ въ надлежащее время, суть вѣрнѣйшіе поручители въ помъ, что мы одолѣемъ.

Маршалъ, Герцогъ Ауерштедскій.

3. Отъ Ерцгерцога Карла къ Австрійскому войску.

Вѣна, 6 Апрѣля 1809.

Защита опечесства зоветъ насъ къ новымъ подвигамъ. Доколѣ возможно было хранишь миръ чрезъ пожертвованія; и доколѣ пожертвованія сіи были совмѣстны

съ чesтїю престола, съ безопасностїю государства и съ благососпоянїемъ народовъ; дополь болѣзненное чувсво шайлось въ сердць добраго нашего Монарха. Но когда всѣ спаранїя охранить счастливую нашу свободу оспались щещными; когда народы окрешвъ насъ падають и законные правители ошторгають ошъ своихъ подданныхъ; когда наконецъ даже благословеннымъ спранамъ Авспрїи угрожаетъ опасность: тогда ошечесво шребуешь ошъ насъ избавленїя, и мы защищашъ его готовы. На васъ, любезные шоварищи, обращены взоры цѣлаго мїра — — — ошъ васъ ошждаетъ ошъ лучшаго жребїя. Вы идеше сражашъ за справедливое дѣло; иначе, и не принялъ бы начальсва надъ вами. На поляхъ Ульмскихъ и Маренгскихъ, коими сполько шщеславилъ нашъ непрїяшель, мы воскресимъ знаменишыя дѣянїя, бывшія при Вирцбургѣ, Леплингенѣ, Цирихѣ, Веронѣ, Требѣ и Нуби. Войною приобрѣшемъ ошечеству миръ прочный; но иначе цѣли сей доспигнуть не можемъ, какъ чрезъ великїя доблести. Безошвѣтное повиновенїе, строгой порядокъ, неслабая бодрость, непоколебимая въ опасности швердость сопущсвующь испиной храбрости. Только единодушїе и согласное дѣйсшвїе ведутъ къ побѣдѣ. Его Величество мой Государь и Братъ предъ-

оставилъ мнѣ полную мочь награждатьъ и наказывать. Вездѣ я среди васъ находишься буду, и первую благодарностьъ опечесства должны вы получитьъ отъ военачальника своего на полѣ бившы. Папрїошизмъ многихъ великодушныхъ Австрїйцовъ предупредилъ ваши нужды; онѣ ручается вамъ въ общей признашельности. Но и наказаніе постигнешъ пресупныхъ безъ всякаго лицепрїяшїя. Заслугѣ награда, пресупленїю казнь, неразбирая ни лица ни чина; спыдѣ ж опшверженїе постигнутъ виновнаго, которому жизнь дороже своей и нашей чести. Но кто досшойно послужилъ опечесству; тошъ, украшенный всеобщимъ почтениемъ, предшавленъ будетъ мною Государю нашему и всему свѣшу, и имя его на вѣки останешся въ моемъ сердцѣ.

Напомяну вамъ еще объ одномъ дѣлѣ. Истинный воинъ страшенъ только вооруженному непрїяшелю, но и гражданскїя добродѣтели ему нечужды. Онѣ крошокъ, человеклюбивъ и сострадателенъ къ безоружному гражданину и земледѣльцу. Всякое своевольство будетъ отъ меня строго наказано; ибо нашъ Монархъ желаетъ не пришѣсшить сосѣдшвенные народы, но освободить ихъ, и чрезъ посредство войны заключить съ Государями ихъ шѣсной союзъ для прочнаго спокойшїя и

для общаго благосостоянїя. — — — Не самохвальство, но истинные подвиги приличны воину. Смыслостію передъ непріятелемъ вы доказаны должны, что вы лучшіе солдаты. По одержаніи славнаго мира, я поведу васъ обратно въ отечество; уваженіе оубо непріятелей и чувство признательности оубо чуждыхъ народовъ будутъ вамъ сопутствовать. Тогда благоволеніе оубо нашего Монарха, одобреніе оубо всего свѣща, награда за подвиги храбрости, благословеніе оубо согражданъ и соблагодѣтельная увѣренность въ заслуженной славы будущъ вашимъ удѣломъ.

Карль, Генералиссимъ.

4. Въ Диллингенѣ оубо Е. В. Короля Баварскаго обнародовано слѣдующее :

Безъ объявленія войны, безъ предварительныхъ сношеній, на обласци наши сдѣлано непріятельское нападеніе. Мы нашли принужденными выѣхать изъ сполчнаго нашего города, и Австрійскія войска вступили въ оной. Таковое нарушеніе права народнаго конечно неизбѣжнѣ достойнаго возмездія. Государи союза Рейнскаго, охраняемые высокимъ своимъ Протекторомъ, вступая за свою свободу; подвигами и побѣдами спанувъ они оубооществуютъ на соблазнительныя прокламаціи непріятеля, копорой возсраешъ

противу правъ государей и желаетъ распространить духъ прельщенія, пагубный для обществѣннаго порядка. Граждане и воины Баваріи! вамъ извѣстна любовь наша къ подданнымъ; вамъ извѣстно, что мы всегда заботились о вашемъ счастіи; вамъ извѣстно, что съ того самаго времени какъ политическое бытіе наше утверждено Пресбургскимъ договоромъ, вы всегда имѣли причины радоваться, видя новыя благопріятныя связи наши съ державами Европы. Граждане и воины Баваріи! Австрія, показывая будто намърена освободить васъ, желаетъ уничтожить независимость вашего отечества, разрушитъ силы его, умалитъ его пространство. Она желаетъ возстановить прежнюю, опасную власть свою, и оживитъ ту мочь дѣйствующую по произволѣю, которую Австрійскій Императоръ издавна присвоилъ себѣ какъ принадлежность Главы Нѣмецкой Имперіи. Нашему престолу угрожаютъ низверженіемъ; имя Баваріи хотятъ вычеркнуть въ спискѣ Моноархій. Подъ личиною равноснанаго пощеченія о вашемъ благѣ, хотятъ содѣлать васъ участниками въ винѣ несправеднаго нападенія. Непрїятель не скрываетъ своихъ намъреній. Баварію предполагаетъ онъ раздѣлить на части, и изъ развалинъ ея соорудитъ баронства, подвластныя Вѣнскому кабинету.

Споль дерзновенныя и противныя справедливости намбренія должны быше уничтожены; въ помб ручаюся намб вбрнестъ Баварцовъ, мужеспво нашихъ воиновъ и могущеспво високаго нашего союзника. Въ сей великой борбѣ правда одолбестъ неправду, быше Баварїи ушвердишя незыблемо, и чесплюбивый сосѣдъ никогда уже напасъ на нее неопважишя. Напрягши всѣ силы свои вы поспараетесь содѣйспвовашъ успѣхамъ нашего оружія и великаго нашего союзника. Скоро возвратимся мы въ нашу сполицу. Непрїятели обращающя въ бѣгспво передъ защитникомъ нашего опечеспва. Военныя бѣдеспїя, копорыхъ желали они, перенесущя на ихъ собспвенную землю, какъ за чешыре передъ симъ года, и кончашя шѣмъ, что они не будучъ уже въ соспоянїи нарушашъ спокойспвіе государспвѣ Европейскихъ и сосѣдовъ своихъ дѣлашъ жертвами своего кабинета. Диллингенъ, 17 го Апрѣля 1809.

Максимиліанъ Госифъ.

VIII.

И з в ѣ с т і я.

Отъ Австрїи обнародованъ манифеспѣвъ, на 13 ши спраницахъ въ 4 ю долю листа,

о причинахъ, побудившихъ ее начать войну противу Франціи. Здѣсь помѣщаются главнѣйшія: 1 я. Ни одно изъ условій Пресбургскаго договора не исполнено Франціею, какъ надлежало бы во всемъ ихъ пространствѣ. Ни Ерцгерцогъ, тогдашній Курфирствъ Сальцбургскій, ни Гроссмейстеръ Нѣмецкаго ордена не получили всѣхъ обѣщанныхъ имъ владѣній и доходовъ. 2 я. Франція претовала, чтобы для сообщенія между Венеціею и провинціями на другомъ берегу Адриатическаго моря войскамъ ея открытъ былъ свободной пушью не только на одинъ случай, но и навсегда. 3 я. Наполеонъ, безъ предварительнаго извѣщенія, разрушилъ Нѣмецкую Имперію и объявилъ себя главою Рейнскаго союза, подъ именемъ Протектора. 4 я. Хотя крѣпость Браунау отдана Австріи спустя почти три года послѣ заключенія мира; однакожь Франція удержала за собою владѣнія на правомъ берегу Изонцо. 5 я. Усиленіе земскаго ополченія и образованіе войска въ Австріи признано за непріятельскія намѣренія отъ Франціи, копорая въ ночь своей отъ 30 Іюля 1808 года объявила, что разрывъ мира неминуемо послѣдуетъ, ежели Австрія неоспоровитъ военныхъ своихъ распоряженій. 6 я. Французскій Императоръ желалъ, чтобы брашно его Іосифъ безусловно признанъ былъ Ко-

ролемъ Испанскимъ; Императоръ Австрійскій несоглашался, и проч.

*

Жребій брошенъ. Начиная отъ Богеміи вдоль по границѣ до Италіи, съ Австрійской стороны въ 9 день Апрѣля объявлено Французскимъ и Рейнскаго союза войскамъ обвѣщующихъ начаться непріятельскихъ дѣйствійхъ. Въ то же время Австрійцы двинулись за границу. Первой корпусъ ихъ, подъ начальствомъ Генерала Беллегарда, пошянулся черезъ Гюфъ, Амбергъ и Бамбергъ; второй взялъ направленіе черезъ Пассау, третій черезъ Браунау. Ерцгерцогъ Іоаннъ съ тремя корпусами, въ каждомъ по 30,000 человекъ, вступилъ въ Италію и въ Тироль. Число войска, назначеннаго дѣйствовать въ Германіи подъ главнымъ предводительствомъ Ерцгерцога Карла, простирается до 300,000. Ерцгерцогъ Фердинандъ съ сорока-тысячнымъ корпусомъ явился въ Варшавскомъ Герцогствѣ.

Баварское войско опсщупило въ наилучшемъ порядкѣ. Герцогъ Ауершпедскій (Даву) перенесъ квартіру свою изъ Бамберга сперва въ Нирнбергъ, потомъ въ Регенсбургъ. Лѣвое крыло войска его, состоящаго изъ 70,000 и въ томъ числѣ изъ 20,000 конницы, примыкало къ югозападной границѣ Богеміи, находясь на лѣвомъ берегу

Дуная между Регенсбургомъ и Донаувершомъ. Армія Массены, къ которой принадлежалъ Виршембергцы, Баденцы и Дармшадцы, собиралась на берегу Лека. Принцъ Понше Корво (Бернадошъ), предводительствующій Саксонскимъ войскомъ, находился въ Дрезденѣ, отсюда долженъ былъ идти, по однимъ извѣстіямъ въ Герцогство Варшавское, а по другимъ къ спонорнѣ Франконіи. Во Французско-Испаліянской арміи считается около 100,000 человекъ. Главной начальникъ оной есть Принцъ Евгеній; подъ нимъ Генералъ Макдональдъ; Генералы Бараге д'Илье, Бруссеръ и Вьаль имѣютъ свои отдѣленія въ семь войскъ.

Императоръ Наполеонъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, находился уже въ Донаувершѣ. Баварскій Король отправился въ Диллингенъ; а Саксонскій, которой также выѣхалъ изъ своей столицы, живеть въ Лейпцигѣ.

*

Австрійскій посолъ въ Берлинѣ получилъ извѣстіе 25 го Апрѣля, что Австрійцы вступили въ Тироль, и что жители сей страны восстали противу Баварцовъ. Сіе извѣстіе подтверждено и другими письмами; чтожь касается до слѣдующихъ, по оныхъ ничего вѣрнаго сказать еще невозможно по причинѣ несходства оныхъ между собою.

Рига, 24 Апрѣля. Зѣбсь носящся слухи о разбиѣи Французскаго корпуса при Амбергѣ. Въ новѣйшихъ письмахъ упоминается о сраженіи между Авспрѣйцами и Французами 20 го Апрѣля (нов. ст.) близъ Рора, Пфаффенгаузена и Нейбурга; потеря первыхъ простирается до 10,000 человекъ. Еще въ новѣйшихъ письмахъ помѣщены извѣстїя, по которымъ заключать можно, что оба первыя или несправедливы, или по крайней мѣрѣ увеличены.

Вена, 22 Апрѣля. Прискакавшіе сюда гонцы изъ Италїи привезли извѣстїе о бывшемъ немаловажномъ сраженіи 15 го Апрѣля при Фоншанафредда между арміями Ерцгерцога Іоанна и Принца Евгенїя, и о томъ, что оно кончилось не въ пользу Французовъ, которые принуждены были отступить за Пїаву.

Лейпцигъ, 26 го Апрѣля. Сюда прискакалъ изъ Французской главной квартиры полковникъ Монпескїу съ извѣстїемъ о бывшемъ 20 числа Апрѣля сраженіи при Рорѣ близъ Регенсбурга, между Нейшпадомъ и Абенсбергомъ. Оно окончилось въ пользу Французовъ; Авспрѣйцы отступили. Первыми предводительствовалъ Императоръ Наполеонъ съ Маршалами Лефевромъ и Ланомъ. Въ минушю отбѣзда полковника ожидали другаго рѣшительнаго сраженїя.

Кенигсбергъ, 1 го Мая. Здѣсь получено извѣстїе о другомъ немаловажномъ сраженїи 22 Апрѣля между Герцогомъ Ауершпедскимъ и Генераломъ Беллегардомъ въ верхнемъ Пфальцѣ. Пошера съ обѣихъ сторонъ значительна. Французы опспунили.

Ганноверъ, 25 Апрѣля. Здѣсь обнаружено извѣстїе изъ Ингольшпаша отъ 19 Апрѣля, что Герцогъ Ауершпедскїй дрался съ Авспрїйцами цѣлые два дни, что по прибытїи Императора Наполеона поражаемый непрїятель обратился въ бѣгство, и что въ Ингольшпашѣ приведено уже было 3000 плѣнныхъ Авспрїйцовъ.

Гамбургъ, 28 Апрѣля. Генералъ-Адьютантъ Принца Невшащельскаго 21 Апрѣля привезъ въ Диллингенъ извѣстїе объ одержанной Баварскими войсками большой побѣдѣ подъ предводительствомъ самаго Императора Наполеона. Авспрїйцы потеряли 10 или 12,000 плѣнными, и въ разныхъ мѣстахъ опрокинуты. Ожидаютъ рѣшительнаго сраженїя.

*

Французы оставили Байрейшскую область. Войско ихъ собралось на берегу Дуная, гдѣ со дня на день ожидаютъ главнаго сраженїя. Авспрїйская передовая сража находится въ разстоянїи шести часовъ отъ Аусбурга. Апрѣля 17го главная квартира была въ Ландсгущѣ.

*

Въ Англїи, приготоваляющія двѣ морскія экспедиціи. Генералъ Веллеслей отпра-вился въ Лиссабонъ, и будетъ начальство-вать надъ находящимися шамъ войсками. — Въ Испанїи оянь были сраженїя между Французами и мятежниками.

12 Мая, 1809.

К.

IX.

У в ъ д о м л е н і е.

Издашель имѣлъ удовольствїе полу-чить отъ неизвѣстныхъ для доставленїя М. . . В. . . Б. . . ой въ Почепъ 60 рублей, и въ деревню *Большую Кандалу*, старо-стѣ Аншону 65 рублей. Первые посланы прямо въ Почепъ на имя М. . . В. . . Б. . . . ой, а послѣднїя адресованы въ Симбирскъ на имя Петра Петровича Тур-генева, который, по знакомству своему съ Издашелемъ, сверхъ того будучи всегда го-товъ самъ помогать шѣмъ, которые имѣ-ють нужду въ помощи, охотно возьмешя опыскашъ деревню *Большую Кандалу* и старо-стѣ Аншона, которому и доставишъ принадлежащїя ему деньги. Изда-шель почиашъ обязанноспїю благодарить неизвѣстныхъ Благошворителей. Ж.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

І Ю Н Ъ , 1809.

№ 11.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А и С М Ъ С Ъ .

І.

Щ а с т л и в а я л о ж ь .

Какой прекрасный замокъ , какое мѣсто , какой огромный садъ ! — сказалъ Мелькуръ своему другу Вернелю , который сидѣлъ съ нимъ въ почтовой коляскѣ ; они оба возвращались изъ Испаліи и ѣхали черезъ Бурбонне въ Парижъ . Я очень желалъ бы — прибавилъ Мелькуръ — провести въ этомъ замкѣ нѣсколько времени , на примѣръ , нынче въ немъ опужинать , а завтра , осмошрѣвши его живописныя окрестности и напившись кофе съ хозяиномъ , опять отправиться въ дорогу ! —

„Въ самомъ дѣлѣ тебѣ этого хочется ? “ спросилъ Вернель . —

„Въ самомъ дѣлѣ ! “ —

„Очень не прудно исполнишь швое желаніе. Мы нынче ужинаемъ и ночуемъ въ эшомъ замкѣ.“ —

„Развѣ ты знакомъ съ помѣщикомъ?“

„Нѣтъ, и имени его не знаю; но что нужды!“

„Какимъ же образомъ? . . . .“

„Ужинашь и ночевашь въ его замкѣ? увидишь!“

„Поспильонъ! повороти въ перспективу и спупай прямо въ эшомъ замкѣ, къ господину . . . . господину. . .“

„Бермону?“ спросилъ поспильонъ. —

„Такъ точно, къ Бермону. — Начало щасливое! Мы знаемъ шеперь, что нашъ хозяинъ называется Бермонѣмъ“ — шепчуль Вернель на ухо Мелькуру.

„Давно ли вы знакомы съ господинѣмъ Бермонѣмъ? — спросилъ поспильонъ; удавалось ли вамъ видашь его дочерей? Вотъ красавицы! спаршей не болѣе шесшнадцаши лѣтъ. Онѣ еще никогда не выбзжали изъ деревни, и не знающъ, что такое Парижъ.“ —

„Радуйся, Мелькуръ! мы проведемъ нынѣшній вечеръ въ пріятномъ обществѣ. Смощри же, будь остороженъ! швое дѣло молчашь и непрошиворбчишь; мнѣ ни въ

одномъ словѣ: ты увидишь, какъ щасливо кончишься наше приключеніе.“

Коляска вѣхала на дворъ; остановилась у крыльца; старикъ очень благородной наружности встрѣтилъ путешественниковъ съ ласковымъ взглядомъ, съ привѣпливою улыбкою.

„Позвольте спросить: вы ли господинъ Бермонъ?“

„Я, милоспивый государь; прошу васъ покорно войти въ горницу! шамъ мы будемъ вамъ очень ради.“

„Пріемъ изрядный!“ — шепнулъ Вернель на ухо Мелькуру.

„Эпо мои дочери“ сказалъ Бермонъ, указывая путешественникамъ на трехъ прелестныхъ дѣвицъ, которыя встали и поклонились при входѣ ихъ въ горницу.

„Часъ отъ часу лучше!“ — сказалъ Вернель Мелькуру.

Сбли. Вернель началъ говорить: „Позвольте мнѣ, господинъ Бермонъ, сказать вамъ шеперь о причинѣ моего посѣщенія. Путешествуя по Италіи, познакомился я въ Миланѣ съ однимъ изъ моихъ земляковъ, который, дней за пять до прибытія моего въ этотъ городъ, возвратился изъ

Америки, гдѣ нажилъ миллионы. Онъ остано-
новился въ Миланѣ у одного стариннаго
знакомца Банкира Дельмаса: эта фамилія
должна быть вамъ извѣстна. . . .“

„Знаю!“ отвѣчалъ Бермонъ.

„Американецъ нашъ, такъ же какъ и
вы, называется Бермонъ. Это одинъ изъ
самыхъ добродушныхъ и любезныхъ людей
на свѣтѣ; жаль только одного: онъ очень
слабъ здоровьемъ. Познакомившись съ нимъ,
не лзя полюбить его отъ всего сердца . . . Мы
прожили съ нимъ въ Миланѣ
двѣ или три недѣли, какъ старые друзья,
какъ братья: но вы конечно сами его знаете,
господинъ Бермонъ?“

„Признаюсь, милосивый государь,
совсѣмъ не знаю! немогу даже и вспо-
мнить, чшобы я имѣлъ родственника
въ Америкѣ. Но самъ ли онъ вамъ ска-
залъ, что имѣетъ родныхъ во Фран-
ціи?“ —

„Самъ, господинъ Бермонъ! и чаще
всего вспоминалъ онъ обо одномъ внука-
номъ братѣ, котораго желалъ бы очень
узнать, и о которомъ не имѣлъ однако ни-
какого извѣстія. Прощаясь съ нимъ, я
сказалъ, что поѣду черезъ провинцію
Бурбонне. Онъ вспомнилъ, что его род-

ешвенники когда - то живали въ окрестностях Невера или Моншаржиса, и просилъ меня узнать, не оспалось ли кого нибудь изъ нихъ въ эшомъ мѣстѣ; особенножь поручилъ онъ мнѣ навѣдаться о шомъ внучашномъ братѣ, о кошоромъ онъ слышалъ споль много добраго, кошорый имѣеишь прехъ дочерей, живешъ безвѣстно въ своей деревнѣ, посвятивъ себя совершенно сельской и семейственнѣй жизни. Я далъ ему слово исполнить его желаніе; спрашивалъ въ здѣшней провинціи о Бермонахъ: мнѣ сказали, милоспивый государь, что здѣсь никого нѣтъ вашей фамиліи, кромѣ однихъ васъ. По всѣмъ обстоятельствамъ заключилъ я, что вы шомъ внучашный братъ моего Миланскаго знакомца, кошорый сполько времени желалъ получить извѣстіе, и я поспѣшилъ съ вами увидѣться, чтобы сообщить вамъ предложеніе вашего почтеннаго родственника.“

Въ эшу минушу доложили, что споль накрытъ и кушанье пославлено. Бермонъ просилъ пушешешвенниковъ у него опужинашь — разумѣеишь, что они приняли эшо приглашеніе съ удовольствіемъ. Бернель шепнулъ Мелькуру: „видишь ли теперь, что я сдержалъ свое слово? мы здѣсь ужинаемъ.“

За споломъ разговаривали о Мексиканцѣ. Вернель описывалъ его характеръ, рассказывалъ забавные объ немъ анекдоты, „Онъ очень скучаетъ одинокою жизнію — продолжалъ Вернель — и милліоны ему не помогаютъ; доброму сердцу его необходимы связи родства и пѣсной дружбы. Онъ ничего сполько не желаетъ, какъ возвратишься въ Францію и кончишь оспальные дни свои въ кругу родныхъ, въ любезной общинѣ (надобно вамъ знать, что онъ родился въ провинціи Бурбонне). Прощаясь со мною, просилъ онъ меня посѣлншь вашъ замокъ; и — еслнли мнѣ покажется, что въ вашемъ семействѣ можетъ онъ найтн что, чего такъ долго ищеть, то есть, спокойствіе, добрыхъ людей и дружбу, еслнли увижу, что ваше жилище прилично ему, что окрестности вашего замка пріятны, а воздухъ здѣшней провинціи для него можетъ бытъ здоровъ — спроситъ у васъ оцъ его имени, согласитесь ли дать ему мѣсто въ вашемъ домѣ, признать его своимъ родственникомъ, и позволншь ему вмѣстѣ съ вами, свободно, уединенно и щасливо провести оспальные годы своей жизни. Признаюсь: увидя васъ посреди вашего семейства, я позавидовалъ моему Американскому другу, которому фортуна (и сказаетъ правду, его рѣдкій характеръ) даетъ нѣкоторымъ образомъ право

требовать, чтобы вы приняли его в ваше
милое общество. Мне хочется желать,
чтобы вы позволили мне взглянуть на
окрестности вашего дома: тогда буду в
состоянии дать обо всемъ вѣрный отчетъ
моему другу.“ —

„Все то, что вы мне рассказываете, чрез-
вычайно меня радуетъ — опивчалъ Бер-
монъ — уверьте нашего родственника,
что я и дочери мои готовы принять его
съ опверзшими объятіями. Но вамъ бы
необходимо надобно у меня ночевать, что-
бы увидѣть окрестности моего замка. Те-
перь и поздно и темно.“ —

„Слышишь ли?“ — шепнулъ Вернель
Мелькуру.

На другой день поупру напившись ко-
фе, пошли гулять. Бермонъ водилъ путеше-
ственниковъ по саду и показывалъ имъ
окрестности своего замка: — „Съ этой
горы прекрасный видъ на большую доро-
гу“ — „въ этой рощѣ, копорую обшекаетъ
рѣка, всегда, и въ самые знойные дни,
очень прохладно“ — „шумъ этого водопа-
да очень пріятенъ ночью, когда сидишь
на террасѣ, а въ окрестности все покой-
но“ — „это домикъ, на косогорѣ, оп-
крытый съ югу, а съ сѣвера защищаемый
липОВОЮ рощею, съ особеннымъ дворомъ,
со всѣми нужными принадлежностями, и

находящійся въ пятидесяти шагахъ отъ
 главнаго корпуса, какъ нарочно построены
 для вашего родшвенника; изъ оконъ видъ
 прекрасный, рѣка, живописная даль —
 словомъ сказать, мѣсто волшебное!“ —
 Вернель былъ внѣ себя отъ восхищенія.
 Шарый Бермонъ пожималъ его руку. Они
 возвратились въ домъ; Вернель пребуешь
 бумаги, чернилицу и перо; садится и пи-
 шеть въ Милаиѣ къ господину Бермону,
 кошорому объявляетъ, что родшвенникъ
 его, живущій въ окрестности Моншаржиса,
 желаетъ искренно его узнать, и предла-
 гаетъ ему свой домъ, въ кошоромъ най-
 дешъ онъ щастіе, спокойствіе и добрыхъ
 людей, кошорыхъ бытъ ему друзьями. Пись-
 мо запечатано, адресовано на имя Бан-
 кира Дельмаса, кошораго просили опдать
 его въ собшвенныя руки господина Бер-
 мона, послано на почту — путешешвен-
 ники прощающся, садящся въ коляску,
 ѣдутъ — можетъ вообразишь, сколько они
 смѣялись дорогою на счетъ добродушнаго
 и гостепрїимнаго Бермона.

Прошло полшора года — важныя торго-
 выя дѣла принудили Вернеля опправиль-
 ся изъ Парижа въ Лїонъ. Была глубокая
 осень и дорога ужасная. Вернель прину-
 жденъ былъ ѣхать днемъ и ночью — въ
 одну самую темную, дождливую ночь изъ

домилось у коляски его колесо — въ споровѣ сверкали огни — Вернель послалъ просить помощи — къ нему выслали человека съ прозьбою, чшобы онъ вошелъ въ домъ и переждалъ, пока починяшъ его коляску — Вернель обрадовался приглашенію (дождикъ лилъ ливмя), нахлучивъ на глаза шляпу и увернувшись плащемъ, побѣжалъ въ домъ; всходяшъ на крыльцо; ему говоряшъ: *добро пожаловать!* голосъ знакомый: онъ подымаетъ глаза — кого же видишъ? Бермона!

„Ахъ! это вы, любезный Вернель! Какой случай, какое щасіе! войдите, войдите! вы вѣрно будете любопытны узнать, что сдѣлалось съ нами послѣ вашего послѣдняго посѣщенія.“

Вернель былъ въ спрашномъ замѣшательствѣ чшо дѣлать, чшо говорить? „Получили ль вы ошвѣшъ?“ спросилъ онъ съ прищворнымъ спокойствіемъ.

„Войдите, сами узнаете!“

Вернель входилъ въ гостинную; видишъ трехъ дочерей Бермоновыхъ, сидящихъ у камина; за спулумъ у старшей стоялъ молодой человекъ, прекрасной лицемъ. Ахъ, это вы, господинъ Вернель! воскликнула младшая дочь Бермона. Молодой человекъ подыалъ глаза и поклонился

Вернелю съ учтивоспїю. „Что это Гу-
ставъ! спросилъ Бермонъ, развѣ ты не
узнаешь Миланскаго друга своего?“

„Я не имѣю чесши знашь господина
Вернеля!“

„Какъ! развѣ не онъ жилъ съ тобою
въ Милаѣ душа въ душу цѣлыя при-
недѣли?“

„Признаюсь, я въ первый еще разъ
имѣю удовольствїе видѣшь господина Вер-
неля! Но загадка для меня объясняется:
скажише мнѣ, милоспизый государь, не
вы ли писали то письмо, кошорое полу-
чилъ я отъ Банкира Дельмаса, и въ кошо-
ромъ неизвѣстный мнѣ человекъ увѣдом-
лялъ меня, что я имѣю въ окрестностяхъ
Монсаржиса родныхъ, кошорые гошovy
приняшь меня въ свое семейство?“ . . .

Всѣ оборотили глаза на Вернеля; онъ
успѣлъ уже оправившись отъ замѣшатель-
ства и оцѣвчалъ:

„Скажише мнѣ: довольны ли вы сво-
имъ пребыванїемъ въ замкѣ господина Бер-
мона?“

„Прекрасный вопросъ! я здѣсь нашелъ
свое щастїе! кошъ моя жена!“ — сказалъ
онъ, поцѣловавъ старшую дочь господина
Бермона.

„А я нашелъ въ немъ милаго, добраго, рѣднаго сына!“ —

„Обоймишь меня оба, и есшьли можешь, сердитешь на мой обманъ. Все то, что я вамъ разсказывалъ, любезный господинъ Бермонъ, была одна выдумка: мнѣ хошлось выигратъ закладъ у друга моего Мельюра, копорый никакъ было не вѣрилъ, чтобы можно было намъ ужинашь, ночевашь и на другой деь завпракашь въ вашемъ замкѣ!“ — „Щасщливая ложь! воскликнулъ Бермонъ. Ваше письмо было, любезный Вернелъ, доставлено по адресу; Банкиру Дельмасу въ самомъ дѣлѣ знакомъ былъ икъшо Бермонъ, нашъ родственникъ, человекъ одинокій, недавно лишившійся ошца, копорый сдѣлалъ его наследникомъ милліоновъ. Онъ былъ обрадованъ нашимъ приглашеніемъ, и пошчасъ прѣехалъ къ намъ въ замокъ — мы ожидали увидѣшь спарика; но, къ удивленію своему, увидѣли прѣяшнаго, молодаго человека, копорый особенно понравился спаршей моей дочери, Софїи. Доказательствомъ эщому служилъ то, что она теперь за нимъ замужемъ?“

„Рекомендуйшь меня господину Бермону. Ему не шрудно повѣришь, что я не имѣлъ и въ мысляхъ сдѣлать ему зла, выдумавши на него шакую ищорію. Ка-

жешся и не сдѣлалъ.“ — Молодой Бермонъ обнялъ Вернея ; а старикъ , любуясь на нихъ , говорилъ : иногда и ложь бываетъ не хуже правды !

(Съ Французскаго .)

II.

И с л а н к и .

Физиогномія Испанки есть вѣрный оппечашокъ ея характера. Стройный спанъ , величественная поступь , звучный и пріятный голосъ , черные , блестящіе глаза , выразительныя движенія , живость лица — все обнаруживаетъ въ ней спрасптъ къ удовольствіямъ и необыкновенную силу духа .

Прелести ея слишкомъ рано раскрывающся и весьма скоро увядающъ : климатъ , пища , воображеніе и удовольствія много тому сподобствующъ . Испанка въ до лѣтъ носитъ на себѣ всѣ признаки дряхлости ; наружность ея показываетъ совершенное изнеможеніе и преждевременную старость .

Испанка смиренно и твердо привязана къ шой религіи , въ кошорой она

воспитана съ самаго младенческаго; сердце ея наполнено спрасшнымъ благоговѣнїемъ къ *Мадонѣ* и къ избранному ею небесному патрону, а чувства обворожены пышностью церковныхъ обрядовъ: но сїи сладкія очарованїя, сей шаинственный энтузіазмъ, сїе благочестивое умиленїе ни мало не прошиваясь впечатлѣнїямъ любви, для которой сердце ея раскрываеясь весьма рано.

Въ 13 лѣтъ религія и удовольствїя составляютъ главнѣйшіе предметы Испанки, и съ сихъ-то двухъ почевъ надлежитъ ее разсмащривать, чшобы изяснить безпрестанныя прошивурбчїя по ея поступкамъ и быспїрые переходы отъ набожности къ безпорядку, отъ сильнаго раскаянїя къ совершенному забвенїю должности.

Испанка, съ одинакою силою увлекаемая обязанностями религіи и прелестью чувственныхъ удовольствїй, находится въ безпрестанной борбѣ между совѣстїю и спрасшїю, и природа весьма часто беретъ верхъ надъ спрогими правилами. Испанка, успокоивъ себя Хрисшіанскою надеждою, чшо ежедневная молища и постъ возвращающъ ей благо пошеринное, безопасно предаеясь наслажденїямъ чув-

свѣннымъ. И такъ не удивительно, что она, вырвавшись изъ объятій любовника, спремилась оплакивать грѣхи свои при подножїи алтара, и примирившись такимъ образомъ сама съ собою, возвращается опять въ объятія сладострастія.

Испанки, будучи управляемы необузданнымъ воображеніемъ, и давъ совершенную свободу пылкимъ желаніямъ, не знаютъ той нѣжной разборчивости въ обхожденїи, которая такъ прилична ихъ полу; некрасивя слушающъ онѣ самые свободные разговоры, и то, что оскорбило бы невинную скромность Француженки или Нѣмки, кажется весьма вѣжливымъ и благоприспособнымъ для Испанки; она свободно говоритъ о такихъ предметахъ, которыми другія стыдятся бы заняться и въ тайнѣ своихъ мыслей.

Не смотря на то, она оскорбляется малѣйшимъ покушеніемъ мужчины, ибо хочетъ выбирать сама, а не быть выбираемою; нападать, а не защищаться; господствовать, а не повиноваться. Она принимаетъ на себя наружной видъ и власть мужчины; любовникъ, ежели хочетъ понравиться ей, долженъ совершенно предаться ей вслѣдъ.

Вотъ почему иногда робкой и холодной человѣкъ бываетъ щасливѣе самаго срасшнаго и предпріимчиваго любовника. Ея деспотизмъ пребудеть, чѣмъ онъ обожалъ ея прелести; гордость ея хочеть видѣшь въ немъ раба. Чѣмъ онъ равнодушнѣе, тѣмъ она пылче; чѣмъ болѣе онъ нее убѣгаетъ, тѣмъ болѣе она въ немъ ищетъ. Она хочеть бытъ любима, чегобъ то ни стоило; но при всемъ томъ срасняется не столько отдашь ему себя, сколько покорить его собственнѣйшей власни.

Впрочемъ, Испанка въ связяхъ любви вѣрна и постоянна. Сила ея характера предохраняетъ ее отъ вѣтренности, а гордость отъ низости.

Она способна къ самымъ возвышеннымъ чувствамъ, къ самымъ благороднымъ пожертвованіямъ, къ поступкамъ самымъ великодушнымъ; но источникъ сихъ добродѣтелей заключаеися не столько въ привязанности ея къ любимому предмету, сколько въ высокомъ мнѣніи о самой себѣ. Она почитаетъ любовника своего собственностію; снисходительна и услужлива къ нему такъ же, какъ и къ самой себѣ; но за то пребудеть отъ него преданности совершенной.

Нѣтъ ничего тяжелѣе заботъ, соединенныхъ со званіемъ любовника Испанки:

это непрерывная цепь услуг самых внимательных и попечений самых близких. Прикованный к своей повелительнице, он следует за нею, как пень. В *Прадо*, в церкви у духовника, в шеапръ, — вездъ онъ долженъ быть вмѣстѣ съ нею, всякой день обязанъ приносить ей новый подарокъ: безъ того не смѣетъ и показаться. Желаніе едва обнаруженное, приходитъ самая странная — все для него священный законъ; уважая, или правильнѣе, исполняя съ благоговѣніемъ всѣ ея требованія, показывая постоянную и раболѣпную готовность удовлетворять ея желаніямъ, даже самымъ безразсуднымъ — вошъ его должность. Слово: онъ рабъ своей красавицы, которая, не рѣдко, съ надменнымъ деспотизмомъ повелѣваетъ ему самое невозможное.

Таковы Испанки вообще; рассмотримъ ихъ теперь въ отношеніи къ супружеству.

Въ Испаніи, какъ и вездѣ, неразрывныя узы брака составляютъ иногда по одиѣмъ только общошельствамъ и поспороннымъ видамъ. Супругъ, который наканунѣ брака былъ рабомъ своей невѣсты, на другой день становится ея широмъ. Но чѣмъ болѣе спарается онъ возвращить померянныя свои права, тѣмъ

упорнѣ защищаетъ супруга его собственныя ; и въ то самое время когда онъ надеялся лишиться ея власти, она еще болѣе увеличиваетъ свои требованія. И такъ супружество въ Испаніи должно быть источникомъ беспрепятныхъ несогласій, которые производятъ наконецъ явные раздоры: вотъ почему такъ долго сохраняется здѣсь обыновеніе имѣть *кортежовъ*!

Кортежо вообще означаетъ любовника ; и особенно любовница замужней женщины. Часто онъ носитъ только одно имя *кортежа*, и могъ бы приличнѣе названъ быть *другомъ дома*. Иногда *кортежо* служитъ только для эпикешу ; но чаще они пользуются всеми правами супруговъ.

Сія странная связь, утвержденная древними обычаями, имѣетъ собственные, весьма строгіе законы. *Кортежо* и дама его нажупся совсѣмъ опредѣленными отъ свѣта : каждая женщина, побуждаемая ревностію, очень прилѣжно наблюдаетъ за своимъ *кортежо*; за то уважаетъ его, обходится съ нимъ съ величайшею нѣжностію, и сохраняетъ къ нему непоколебимую вѣрность. Такія женщины отвѣчаютъ на искательство нескромныхъ иностранцевъ, незнающихъ Испанскихъ обычаевъ, од-

нимъ гордымъ молчаніемъ или презрѣніемъ. Во всѣхъ собраніяхъ обыкновенно *кортежо* садится подлѣ своей дамы, и спростае исполненіе сего закона даетъ обществу видъ холодной, скучной и однообразной.

Женщины дають вечеринки и праздники, когда имъ угодно; ѣздятъ въ публичныя собранія; не спрашиваясь у мужей своихъ, по собственному произволу издерживаютъ доходы съ своего приданого. Вообще между ими царствуетъ какой-то духъ единства, съ которымъ онѣ упорно отражаютъ всякое покушеніе на обычай, сколько для нихъ благопріятныя, и за обиду, сдѣланную одной, мстятъ всѣ другія, какъ за уголовное преступленіе и за безчестіе, нанесенное цѣлому корпусу.

Супружества въ Испаніи, почти всегда несчастныя, представляють не рѣдко сцены самыя возмущительныя: найдется множество примѣровъ ужаснаго мщенія. Недавно одна молодая и прекрасная женщина принудила любовника заколотъ своего мужа, и вмѣстѣ съ преступникомъ жончила жизнь на эшафотѣ. —

* * * *etc.*

III.

Гордость и добродушіе.

(Изъ Публициста.)

Заблужденія чувствительности никогда не сравняются въ силѣ съ заблужденіями гордости. Самый спраслный любовникъ неукрашаетъ предмета любви своей тайными совершенствами, какія находитъ въ самомъ себѣ глупецъ, влюбленный единственно въ собственныя свои достоинства. Самолюбіе всегда одно, всегда въ обманѣ, и нѣтъ человѣка, который бы могъ доставить его на путь истинный: Оно несмѣетъ другому въришь своихъ мечтаній; оно втайнѣ обличаетъ себя въ безпрестанныхъ противурѣчіяхъ; всѣмъ раздражается, но никогда не можетъ быть исправлено. Напрощивъ того въспростяхъ благородныхъ первая наша потребность — раздѣлять съ другими всѣ свои мысли и чувства; довѣренность обнаруживаетъ ихъ и дѣлаетъ вдвое милѣе. Душа въ щастливомъ своемъ расположеніи способна ко всему любезному, а нѣжное чувство охраняетъ насъ и тогда, когда опитъ разумъ. Гордость знаетъ, что она неможетъ вравиться и прищворствуетъ; добродушіе увѣрено въ тѣхъ удовольствіяхъ, которыхъ оно вокругъ себя разлиываетъ

и обнаруживается свободно и просто. По-
вѣрьте мнѣ, что свобода и опировенность
суть вѣрные признаки души любезной и
доброй.

Гордость въ человѣкѣ умномъ и об-
разованномъ можеть иногда имѣть на-
слажденія, свойственныя одной добродѣте-
ли; но она никогда не разливаеть ихъ во-
кругъ себя, никогда не можеть намъ до-
спавить удовольствій чистыхъ. Всегда
замѣненъ какой-то недоспашокъ въ ихъ
наслажденіяхъ, который отъ нее полу-
чаютъ. Щастливецъ, повривительствуе-
мый въ обществѣ, бываеть часто ея
жершвою въ своемъ кабинетѣ; она поль-
зуется правами завоеванія надъ шѣми,
которые привязаны къ ней любовью. Она
смотримъ на признапельность кліентовъ
своихъ съ шѣми же взыскапельнымъ ра-
внодушіемъ, съ какимъ государь смотритъ
на подашь, приносимую его подданными.
Въ глазахъ ея все виновно, все низко; на-
конецъ, упомившись чувствомъ ненависти,
она находить, шакъ сказашь, опдыхъ въ
чувствѣ презрѣнія; сообразно своимъ пра-
виламъ, она заключаеть всѣхъ людей въ
одинъ шѣсный кругъ, всѣхъ презираеть
и даже самое себя, если самолюбіе непѣ-
спѣвши къ ней на помощь. Добродѣтель-
ный и чувствительный человѣкъ, описан-

ный Мольеромъ подъ именемъ Мизантропа, негодуешь на людей; но онъ не пишешь въ душѣ своей истинной неависпши. Тимонъ Аѳинянинъ, совершенной мизантропъ, признавался, что онъ презиралъ и проклиналъ самого себя. Исторія представляешь намъ Силлу, какъ величайшаго презришеля всѣхъ людей вообще. Чтобы понять чувствованія самыя ужасныя, какія только могутъ входить въ сердце человѣческое, надлежитъ представить Силлу въ уединеніи, гонимаго спенаніемъ и воплями несчастныхъ его жершвъ, надъ которыми онъ непрестаетъ еще ругаться, — представить, какъ онъ со всею щизашельностію разбираешь злодѣянія, прежде его совершившіяся, и наконецъ съ жалостію и негодованіемъ узнаешь, что онъ такой же злодѣй, какъ и шѣ, которыми онъ особенно гнушался.

Природа хотѣла, кажешся, и въ самыхъ чертахъ лица означить различіе между гордостію и снлизхожденіемъ, для того чтобы мы чуждались одной и любили другую. Гордость, самая благородная и справедливая, придаетъ лицу одно холодное величіе, которое непроизводитъ въ сердцахъ никакого пріятнаго впечатлѣнія. Напротивъ того все мило, все прелестно въ фізіономіи, изображающей до-

броню и чувствительность. По крайней мере важная наружность тогда только нам нравится, когда украшает ее тихая скромность и добродушие. Если бы Фидий не изобразил на челе Юпитера сей опшеческой крошости, которая как будто желает опклонить грома его опшобиталища преступниковъ въ пустыню необитаемую; тогдабъ никто не узналъ въ немъ отца боговъ и челоуковъ; тогдабъ мы почли его за мрачное божество ада. Люди удивляются истинно только тому, что они любятъ. Скромность, величайшая и вмѣстѣ любезнѣйшая изъ добродѣтелей, примиряетъ насъ съ побѣдителями, потому что мы опкрываемъ всѣ прелести добродушія шамъ, гдѣ опасались одной угнетающей гордости. Неприщворная скромность можетъ быть только въ душѣ истинно доброй; она всегда означаетъ забвеніе своихъ достоинствъ, и не рѣдко происходитъ опъ необходимости промѣнять иногда холодной блескъ славы на чистыя удовольствія сердечной привязанности. Эпаминондъ побѣдитель ничемъ сполько не наслаждался, какъ радостію своей машери.

Нѣжность гораздо умѣреннѣе въ своихъ желаніяхъ, нежели гордость; она пребываетъ опъ насъ только того, что даетъ

вамъ сама, но пребуешь менѣе: намъ сладко удержатъ за собою и въношорое превосходство въ сердечной привязанности и преимуществу въ способахъ доказашъ оную. Но почемужь почишатъ единственныя, безцѣнныя надежды свои мечтою? Почему другой неможешь ощущашъ того, что чувствуемъ съ такимъ удовольствіемъ, съ такимъ услажденіемъ? Голосъ природы повшоряешь безпрестанно сердцу любящему, что есть другое ему подобное — при первой встрѣчѣ оно узнаешь существо, давно уже ему знакомое. Тогда оно предается ему совершенно, примѣчаетъ все, что можешь бытъ ему пріятно, удаляетъ отъ него все скучное и вредное, и изливаетъ на него всѣ благодѣяніи, ставъ какъ бы исполняя простую должность. Наконецъ ибжными попеченіями и добродушіемъ заставляешь оно предметъ любви своей избрать одно изъ двухъ — или сладостное чувство взаимности и неизмѣнное щастіе, или всѣ мученія низкой неблагодарности. —

Съ Франц. Ф. Вильв.

IV.

Сен - Денисъ.

(Изъ соч. Шатобриана.)

Нѣкогда окрестности Парижа славились великолѣпнѣйшими изъ всѣхъ гробницъ человѣческихъ. Иноплеменники полнами посѣщали чудеса Сен-Дениса. Тамъ сердца ихъ наполнялись глубокимъ благоговѣнiемъ; ошполѣ возвращаясь, они говорили сами себѣ, подобно Св. Григорію: „Эпошѣ народъ дѣйствительно великій въ „сонмѣ народовъ.“ Но возшумѣла буря гибва надъ обителью смерти; толпы пирановъ, подобно развѣреннѣмъ воинамъ, ударили въ его забрала — и удивленные спранники вопрошающѣ еще: „какъ могъ храмъ Ам-„моновъ исчезнуть подѣ песнами Ливій-„скими?“

Сіе гошическое Аббашство, въ кошорое спекались великіе данники смерти, нечуждо было и суешной славы сего мiра. Сокровища Франціи лежали у врашъ его; Сена ограждала долину, посреди кошорой оно возвышалось: всѣ предѣлы его гремашѣ славными именами; окрестныя поля знаменишы въ лѣшописяхъ дѣянiй человѣческихъ; столица Генриха IV и Людовика Великаго была сосѣдственнѣмъ ему городомъ — и царшвенная пещера *Сень-Дениса*, въ средошочii нашего могуще-

ства, нашей славы, была огромнымъ храмищемъ, въ которое низвергались жершвы разрушительнаго времени — брѣнные оспашки величїя Французскаго.

Она - то поглощала Королей Франціи. Одинъ изъ нихъ всегда оспавался на ступеняхъ подземелья, какъ бы для того чтобы приглашать суда свое попомство. Но Людовикъ XIV напрасно ожидалъ сыновъ своихъ: — одинъ низринулся во глубину смертнаго свода, оспавая предна у прага; другой, подобно Эдипу, исчезъ среди грозной бури. Событіе, достойное вѣчныхъ размышленій! Первый Монархъ, вспрѣпившій посланниковъ небеснаго правосудїя, былъ сей Людовикъ, споль знаменищій покорностию народовъ! . . . онъ лежалъ еще неповрежденъ во гробѣ. Напрасно, для защищенїя своего прѣспола, кажешся, вспавалъ онъ изъ гроба со всѣмъ величїемъ шестаго - надѣсять вѣка, сопровождаемый рядомъ Королей осьми сполѣшій; напрасно угрожающій видъ его спрашилъ неистовство, вооруженное на умершихъ! — Будучи поверженъ въ общую могилу, онъ палъ на грудь Марїи Медицисъ; — все было разрушено! Богъ, въ яросши гнѣва Своего, поклялся поспрясти Францію: не будемъ искашь на землѣ вины споль дивныхъ произшесшвїй; — она гораздо выше.

Во время Боссюета, въ подземельяхъ уничтоженныхъ Царей едва можно было помѣстить Генриетту: столько тѣсны были ряды усолшихъ! восклицашъ краснорѣчивѣйшій изъ Ораторовъ, столько быстро наполняла смерть мѣста незанятыхъ! Предъ рядами вѣковъ, коихъ прошенція волны еще оплываются во глубинахъ царственной пещеры, разумъ изнемогаетъ подъ тяжестью мыслей, его угнетающихъ. Душа содрогаешся, взирая на сѣе уничтоженіе, соединенное съ такимъ величіемъ. Въ то самое время, когда мы ищемъ выраженій высокыхъ для описанія стороны предмета самой блистательной — въ то время другая сторона его требуетъ слова самаго низкаго, для изображенія презрѣннѣйшаго ничтожества.

Все возвѣщаетъ, что мы сошли въ царство разрушенія; самый запахъ разлитый въ пещерѣ, кажется, увѣряетъ, что мы дышемъ временами пропекшими. Сумракъ древнихъ сводовъ сливаешся съ тѣнями древнихъ гробницъ; желѣзная забрала щещино ограждающъ вѣхіе гробы — онѣ не въ соспоянтіи защищать мертвыхъ отъ злобы живыхъ. Внемлите глухому шороху могильнаго червя — въ нѣдрахъ гробовъ онѣ солепаешъ; кажется, нераспоргаемая сѣщи смерти.

Чи пашели - Христїане ! представимъ ,
што сїи Монархи, свергнувъ сѣ себя у бру-
сы похоронныя ; подвигнулись внезапно въ
своихъ шѣсныхъ жилищахъ и успремили
на насъ блестящїе взоры при блѣдномъ
свѣшѣ лампы. Такъ ; — мы видимъ ихъ —
шѣни Царей медленно поднимающся ; мы
различаемъ ихъ поколѣнїя — мы узна-
емъ ихъ — мы осмѣливаемся говорить сѣ
сими угасшими величествами. И шакъ ,
сонмы царшвенныхъ призрановъ , въ-
щайше намъ , желаше ли шеперь ожипъ
для короны ? ишущаше ли васъ еще бли-
шанїе шрона ? — Но ошѣ чего эта глу-
бокая шшшина ? ошѣ чего вы всѣ безмол-
вны подѣ сими сводами ? Вы пошрясаше
вашими вѣчанными главами , сѣ коихъ
падаешѣ облако праха ; очи ваши ошяшѣ
смыкающся — и вы шшхо опускаешѣ
въ свои гробы.

Ахъ ! если бы мы воззвали къ шѣмъ обы-
кновеннымъ покойникамъ , коихъ ошшш-
ки почивающъ въ окрешности сельской
церкви ; они услышали бы нашѣ голосѣ ,
они проникли бы сквозь свѣжїй дерѣв сво-
ихъ могилъ въ образѣ легкихъ паровъ луче-
зарнаго ушра ; они ошѣвчали бы намъ :
„Если Богу шакъ угодно , для чего не же-
лашѣ снова жизни ? для чего не провешш
еще нѣсколькихъ шщасшливыхъ дней

„въ своей жизни? Наша работа не такъ
„трудна, какъ вы думаете; и самой пощѣ
„былъ намъ сладокъ, когда его опирала
„нѣжная супруга — когда подкрѣпляла
„насъ утѣшительная рука Религіи!“

Но куда увлекли насъ суешныя опи-
санія сихъ гробницъ, изглаженныхъ на зем-
ной поверхности! Ихъ нѣтъ уже — нѣтъ
сихъ славныхъ памятниковъ. Малыя дѣ-
ти играющъ оспашками великихъ Монар-
ховъ; Аббатство Сен-Дениса опустощено.
Вмѣсто вѣчнаго погребальнаго пѣнія, ко-
торое раздавалось нѣкогда въ сихъ моги-
лахъ, слышенъ теперь стукъ дождевыхъ
капель, падающихъ съ поврежденной кровли,
или раздающъ унылый бой часовъ, по-
вноряемый эхомъ распавшихся гробницъ и
опустошенныхъ сводовъ.

Ө. Бннсъ.

V.

Отрывокъ письма изъ Ирландіи.

(Изъ соч. Госложи Еджевортъ.)

Наконецъ я въ царствѣ Фей, копо-
рое однако неимѣетъ ничего очарователь-
наго. Нигдѣ неспрѣшите вы сколько
Фей, сколько въ Ирландіи; онѣ населя-

юшѣ каждой пригорюѣ, лѣшаюшѣ въ каждомъ вихрѣ, и суевѣрные жишѣли ксташи и не ксташи кричатѣ имѣ въ слѣдѣ: *Богѣ съ вами!* Принадлежатѣ ли сѣи богини къ древней Мифологѣи, или къ новымъ заблужденѣямъ; къ правовѣрнымъ или явчникамъ; къ Ангеламъ или дьяволамъ — я незнаю, и думаю, что просподушныя Ирландцы еще менѣе меня знаюшѣ. Между шѣмъ наблюдается всевозможное благоговѣнѣе къ симъ чудеснымъ существамъ, и холмы, на копорыхъ онѣ основали свое жилище, всегда окружены жерпвами. Правда, Ирландцы прежде находили важнѣйшѣя выгоды жишѣ въ согласѣи съ Феями, копорыя пеклись о нихъ во время пушечесствѣя, переносили ихъ во снѣ въ подземныя черпоги и доставляли имъ всѣ возможныя удовольствѣя. Это время прошло, — теперь уже онѣ не сполько нужны людямъ, и непользуются уже шѣмъ почтенѣемъ, копорое къ нимъ имѣли прежде.

Между прочими достоипсствами Феи имѣли одно важное, печальное: онѣ предсказывали смершь; имѣ поклонялись также въ сѣверной Шотландѣи, какъ и въ Ирландѣи, подъ именемъ *Банегей*. Какъ скоро должна умереть какая-нибудь знашная особа, *Банеге* являлась въ окрешностяхъ

деревни или города въ образѣ старой женщины, и издавала спрашной вой: Народы, менѣе образованные, намешся, болѣе чувствуютъ величественную важность смерти; они смотрятъ на нее, какъ на чрезвычайное происшествіе, и непочитаютъ ее несчастіемъ: она поражаетъ ихъ ужасомъ, но непроизводитъ скорби; она кажется имъ болѣе чудесною, нежели печальною. Нѣтъ ни одной страны, гдѣ похороны опправлялись бы съ такою пышностію, какъ въ Ирландіи — и можетъ быть нигдѣ неопправляюща онѣ съ меньшимъ благоговѣніемъ и горестію. Изъ всѣхъ несчастій самое величайшее для Ирландца было бы лишиться великолѣпнаго погребенія; изъ всѣхъ обрядовъ самый важнѣйшій для нихъ есть похороны. Всякой приближающійся къ смерти за-благовременно печется сохранить самую большую часть своихъ избытковъ на погребеніе, и ницїй, вспрѣвившійся съ вами на дорогѣ, проситъ на погребеніе. Всѣ сбѣгаютъ туда, гдѣ есть покойникъ; слѣдуютъ за нимъ вездѣ; но самое большее шеченіе народа бываетъ на *лирше-ствахъ по умершимъ*.

Какъ скоро Ирландецъ умеръ, всѣ его родственники собираются передъ жилищною; и своими воплями, соснавающими нѣ-

которой плачевной хорь, возвѣщаютъ о томъ содѣдимъ жившимъ. Мужчины, женщины, весь околдовъ собирается къ покойнику. При наспуленіи ночи, несутьъ его въ большой сарай; всѣ провожаютъ его, и вопли возобновляются: — весь обрядъ имѣетъ свои правила, свою мѣру, и продолжается извѣстное время. При панихъ случаяхъ особенно ищутъ женщинъ престарѣлыхъ, потому что онѣ имѣютъ дикой и прозвищельной голосъ; всѣхъ присутствующихъ угощаютъ виномъ, пирогами и шрубками; начинается общій разговоръ, сперва о покойникѣ, потомъ о настоящихъ дѣлахъ, а наконецъ, какъ водится, о томъ, что было прежде. Вино и шрубки возобновляются безпрестанно, спарики засыпаютъ, молодые пресыщаются; разговоры прекращаются; начинаются игры и, какъ говоритъ старая Ирландская пословица, *на похоронахъ бываетъ больше проказъ, нежели на свадьбѣ*. Такія пиршества по умершимъ очень обыкновенны не только въ Ирландіи, но даже въ Лондонѣ и во всѣхъ странахъ Англіи, гдѣ только живутъ Ирландцы.

Объ Ирландскомъ мужикѣ я не могу ничего сказать особенно добраго. Онъ бѣдѣмъ, угнетенъ, по неволѣ промышляетъ

обманомъ, и этому же лъзя бышь иначе въ такой землѣ, гдѣ образованность, испребивъ въ вышнемъ классѣ народа спрасши дикія, самыми выгодами своими возродила по необходимости спрасшь къ деньгамъ; гдѣ невѣжество и лѣность народа представляющъ для корысполубія единственныымъ средствомъ — насиліе, а для бѣдности — обманъ; гдѣ слабый всегда выигрываетъ, если ему удаётся, и ничего нешеряетъ; если его уличатъ въ обманъ. — Такой народъ лжетъ какъ дѣши, такъ сказать, ошъ чистаго сердца, безъ искусства, безъ особенныхъ видовъ и безъ угрызенія совѣсти. Ишаланецъ лжетъ для того чшобы обманушь; Ирландецъ лжетъ для того чшобы лгаишь.

До соединенія Ирландіи съ Англіею шамощніе дворяне пользовались во всемъ почти деспотическою властію. Вчера проходила я мимо замка, о кошоромъ мнѣ рассказывали очень много спраннаго: вхожу въ него и начинаю говоришь съ спарымъ слугою, кошорый обмешалъ крыльцо своимъ парикомъ, какъ водипся въ Ирландіи, гдѣ бѣдные парики ошправляющъ почти всѣ должности. Онъ рассказывалъ мнѣ, чшо одинъ владѣлецъ сего замка держалъ жену свою 20 лѣшь въ совершенномъ заключеніи, и всѣ эшо знали

и никто не забошлся. Когда хозяйнѣ угощаль своихъ прѣшелей, то посылаль со стола блюдо къ своей женѣ, которая обыкновенно опвѣчала, что ей ничего не надобно. У ней ошалось нѣсколько драгоценныхъ камней: не зная, какъ скрыть ихъ отъ жадности своего мужа, она повѣрила ихъ одной старой нищѣ, которая часто подходила къ ея окнамъ и славывала, кому и какъ доставлены они въ Англїю. Старуха вѣрно исполнила ея порученїя. Наконецъ мужъ умеръ; когда несчастной невольницѣ о помѣ сказали, она сперва думала, что надъ нею смѣются; бѣдная почишала его безсмертнымъ. „Я видѣль, сказалъ старой слуга, какъ она опсюда выходила: взоръ ея былъ дикъ, она едва могла различать людей. У барыни на головѣ былъ шакой же парикъ, какъ и у меня.“ Съ сими словами онъ началъ спирашь пыль со споловъ и спульевъ шѣмъ парикомъ, которой черезъ нѣсколько минутъ увидѣла я на его головѣ, и пр. и пр. . . .

Съ Фр. О. Внѣвѣ.

VI.

*Спорная статья въ супружествѣ.
(Выбранная изъ сочиненій Гна. Юма.)*

Не знаю, почему дѣвушки и молодыя дамы сердятся, когда кто говоритъ о замужствѣ съ невыгодной стороны, и почему сашира на супружество прогаешь ихъ также, какъ сашира на нихъ самихъ. Не уже ли онѣ боясь поперяшь что-нибудь, если спорона пропившая возьмешь перевѣсъ? или, можетъ спашься, не чувствуюшь ли, что все худое въ супружествѣ происходитъ болѣе отъ нихъ, нежели отъ мужчинъ? Я спрашиваю объ этомъ безъ намбренія, — только такъ, — невзначай; — клянусь честію, мнѣ и въ умѣ не приходило, чтобы это могла быть правда!

Часто хотѣлось мнѣ угодить женщинамъ и написать похвалу супружеству; я выдумывалъ, собиралъ и располагалъ доказательства, но онѣ были всегда такъ двусмысленны, что могли служить спольно же для похвалы, сколько и для саширы. Что дѣлать? — я вздумалъ написать на одной споронѣ саширу, на другой похвалу; однако, размысливъ, что саширъ повѣряшь болѣе, нежели похвалѣ — я оставилъ свой планъ; но маперіалы уже готовы — я сохранилъ ихъ въ угодность женщинамъ; и

такъ для общей пользы скажу точно и справедливо все, въ чемъ жалуется нашъ полъ на супружество. Если это поможетъ мнѣ разрѣшить главную спорную спашью, то всѣ прочія несогласія кончатся сами собою. Чшожь это за спорная спашья? Желаніе повелѣвать, сударыни. — Предвижу, что вы самихъ насъ укоряете спашне неограниченными желаніемъ господствовать. Но плашите укоризнами за укоризны, значитѣ перяте понапраску время. Чшо въ женщинахъ ни одна спрастѣ такъ сильно не дѣйствуетъ, какъ желаніе господствовать, что оно побуждаетъ даже ихъ суешность — а это ужъ слишкомъ много! шому предспавляетъ намъ Истпрія довольно разительный примѣръ: —

Однажды въ Скиеи всѣ женщины сдѣлали заговоръ противъ своихъ мужей и — почти невѣроятное дѣло! — такъ хорошо сохранили свою шайну, что предпріятіе ихъ совершилось прежде, нежели кто-нибудь могъ подозрѣвать въ умыслѣ. Мужей сонныхъ, пьяныхъ или при другомъ удобномъ случаѣ — сковали. Такимъ образомъ содержа въ крѣпкомъ плѣну бѣдныхъ супруговъ, назначили онѣ день для общаго сейма. Всѣ собрались, спорили, выдумывали что дѣлать и какимъ образомъ воспользоваться

своею побѣдою, чтобы не попалась опять въ неволю. Двѣ старухи предложили, какъ лучшее дѣло, перебить всѣхъ мужей; но молодья, къ чести ихъ сосрадастельнаго сердца, отвергнули сіе предложеніе, и думали, что живой мужъ, каковъ бы ни былъ, по крайней мѣрѣ полезная ушварь въ домѣ, и что даровавъ супругамъ жизнь, онъ получашъ двѣ выгоды: 1е живаго мужа, и 2е удовольствіе зачитать ему впредь это благодареніе и упрекать его при всякомъ случаѣ. Наконецъ по многихъ спорахъ и несогласіяхъ сеймъ опредѣлилъ всѣмъ мужьямъ выколоть глаза. Женщины говорили такимъ образомъ: „Слѣпой мужъ есть самой лучшей; правда, что мы чрезъ это лишимся всѣхъ „выгодъ, получаемыхъ нами отъ красоты, „но за то власъь наша будетъ совершен- „но ограждена и свобода навсегда утвер- „дится. Мы не услышимъ уже болѣе нѣ- „жныхъ вздоховъ, но и не будемъ перенѣть „несносныхъ повелѣній. Уборы и кокет- „ство потеряютъ свою цѣну: но къ че- „му сіи мѣлочи, когда вольность наша въ „безопасности?“ — Конечно, бѣдные мужья лучше бы согласились лишиться слуха, нежели зрѣнія, еслибъ ихъ послушались; они дерзали даже дѣлать нѣкопорыя предшавленія сейму; но, къ несчастію, жены ихъ слишкомъ хорошо знали свою пользу.

Опредѣленіе было вскорѣ исполнено. Говоряшъ, правда, что нѣкоторыя прекрасныя женщины, вышедшія за - мужъ не болѣе какъ недѣли за двѣ, пожалѣли своихъ мужей, и берегли глаза ихъ мѣсяца при; но по прошествіи сего времени и онѣ почили за лучшее послѣдовать примѣру прочихъ.

Не знаю, оспалась ли въ нашихъ дамахъ жестокость Скиескихъ прародительницъ; а если знаю что-нибудь, то и тогда ни за что въ свѣтѣ не позволю себѣ ни малѣйшей нескромности; но ипшожь разрѣшившъ мнѣ загадку? Я часто удивляюсь одной умной женщиной, которая съ радостью вышла за-мужъ за самаго послѣдняго дурака, чтобы управлять имъ по своей волѣ. Это мнѣ кажется непроспительнице Скиескаго тиранства: слѣпецъ по уму гораздо болѣе слѣпъ, нежели шопъ, у кого шолько глаза выколошы.

Впрочемъ, чтобы бышь справедливымъ, надобно обвинишь обѣ стороны. Я думаю, что и мушны не правы. Женщины никогда не захотѣлибъ оспаривать у насъ власни, если бы мы не употребили во зло своихъ преимуществъ. Тираниство рождаетъ возмущителей. Испорія говоритъ намъ, что щасливый бунтовщикъ спа-

новилсь самъ пираномъ. Чшо еслибъ кто рѣшилсь предложишь уравненіе правъ для обѣихъ споронъ? еслибъ ша и другая оставили свои покушенія на верховную власшь? Чшобъ эшо установишь, надобно собрашь сеймъ, гдѣ мущины и женщины имѣли бы равные голоса. Скоро мы повѣспимъ объ эпомъ сеймѣ, и пошомъ объявимъ опредѣленіе.

Ө. Бунаковъ.

VII.

Вольный переводъ Гораціевой Оды:

O venus, Regina Gnidi,

Царица Пафоса, Цитеры,
Богиня красоты, которую мы чшимъ
Подъ именемъ Венеры:
Которая въ сердцахъ присутствіемъ своимъ
Любовный огонь раждаетъ!
Сойди въ ту храмину, гдѣ Хлоя обитаетъ;
Она прекраснѣе жилища своего!
Сойди — и сына своего,
Владѣющаго всѣмъ, и міромъ и тобою,
Возьми, богиня, ты съ собою!
Возьми Меркурія — веселостей онъ другъ;
Возьми красавицъ прехъ, божественныхъ,
прекрасныхъ,

Твоихъ соупницъ и подругъ,
И весь соборъ ушѣхъ и радостей небесныхъ,
И Юность милую, которая съ шобой
Плѣняетъ лишь собой!

VIII.

В А С Н И.

1.

Ч и ж ъ.

Чиждъ вылетѣлъ изъ клѣшки
И сѣлъ въ саду, на верхъ бесѣдки;
Свободой веселясь, онъ пѣсенку запѣлъ.
Ванюша горевалъ и издали смотрѣлъ
На пестраго чижа. Что сдѣлалъ ты со мною?
Онъ пшичкѣ говорилъ,
И чѣмъ я виноватъ, скажи, передъ шобою?
Бывало я тебя изъ рукъ моихъ кормилъ,
Водицею поилъ,
И сдѣлалъ для тебя палаты золошныя.
О миленькой мой чиждъ! приди, приди скорѣй,
И возврати опять минушны дорогія! —
Пустое! чиждъ сказалъ, и въ дружбѣ мнѣ швоей
Нѣтъ пользы никакой. Зеленый садъ, бесѣдка
Любезябе тебя; швои палаты — клѣшка.

Бѣднякъ и старой солдатъ.

Въ ненастный, бурный день несчастный шелъ
пушемъ ,

Безъ обуви и утомленный голодомъ :

О жизнь ! онъ говорилъ , ты кажешься мнѣ
адамъ ,

И въ положеніи моемъ

Не лучше ль умереть, чѣмъ всякой день по-
мишься !

Когда - то горе прекратится ?

На встрѣчу вдругъ , уродъ ,

Страшилище ползетъ дорогой ,

Въ лахмощьяхъ и усахъ, Беллоны сынъ без-
ногой :

Войны ужасный плодъ !

Кричитъ солдатъ: что злѣй моей судьбины?

Я слышу, ропщешь ты, и право безъ причины,

Благодари боговъ !

Со временемъ легко ты будешь съ сапогами,

Ты бѣденъ , но здоровъ ;

А мнѣ уже , мой другъ , вѣкъ не бывать
съ ногами !

IX.

Эпиграмма.

(Переводъ съ Французскаго.)

Эней опасность превозмогъ
И дряхлаго опца ошъ пламени избавлялъ;
За то и наградилъ его Троянскій богъ:
Эней въ огнѣ — жену оставилъ.

X.

Ода, взятая изъ Псалма XVIII.

О Богъ небеса вѣщаютъ,
Твердь дѣло рукъ Его явитъ:
Все, что они въ себѣ вѣщаютъ,
Всевышнюю славу намъ гласитъ.
Какой концертъ великолѣпный,
Гармонія всѣхъ тѣлъ небесныхъ,
Звучитъ во слышаніе всѣмъ!
Какія пѣсни вдохновенны,
По всей вселенной пропѣяны,
Гремятъ по всѣмъ земли концемъ!

*

Все, все гласитъ и поучаетъ,
Все Сотворившаго поешъ;
День дни глаголь свой пресылаетъ,
Ночь ночи голосъ передаетъ.
Сіе швореніе огромно,
Величественное, толь стройно,

Для человека есть языкъ,
 Не темный, тайный, непонятный;
 Нѣтъ, это гласъ Природы ясный:
 Тутъ видяшъ всѣ, коль Богъ великъ.

*
 -

На сводѣ голубомъ, въ эфирѣ,
 Поставилъ солнцу Онъ чертогъ,
 Чтобы оно сія въ мірѣ,
 Являло намъ, коль благъ есть Богъ.
 Великолѣпная планета,
 Источникъ жизни намъ и свѣта,
 Оставляя сѣнь, исходитъ въ пушь,
 Подобно какъ женихъ прекрасный
 Идетъ отъ ложа, взоры спраспны,
 Лице въ лучахъ, въ восторгахъ грудь.

*
 -

Грядетъ, Природа воскресаешь,
 Какъ будто вновь шворится свѣтъ;
 Какъ гордый исполинъ ступаетъ,
 На подвигъ славный свой печетъ,
 Живо творитъ весь міръ собою;
 Съ востока пламенной спезею
 Сбѣшишь на западъ съ высоты;
 Торжественно свой путь свершая,
 Въ вершины, въ бездны пролива
 Лучи оспрадной шеплоши.

*
 -

О коль дѣла Твои чудесны,
 Непоспѣжимы, Боже мой!
 Ты далъ свидѣнья намъ небесны,
 Законъ святъ, непороченъ Твой:

Твой страхъ вселяетъ въ сердце радость,
Льетъ миръ, неизречену сладость,
Жизнь новую душѣ даритъ;
Онъ юность свѣтомъ просвѣщаетъ,
Безвѣстны тайны открываетъ,
Младенцовъ мудрыми шворитъ.

*

И я, Твой рабъ, Тебѣ молюся:
Всели Ты въ душу мнѣ Твой страхъ,
Да я законъ Твой научуся
Блюсти, шворишь въ Твоихъ очахъ;
Законъ сей злата вождельнѣй,
Алмазовъ, перловъ драгоценѣй
И сладостнѣй, чѣмъ медъ и сотъ;
Хранящему его мзда многа,
Вѣнецъ блистательный отъ Бога,
Души величество добротъ.

*

Но кто, о Господи! узнаетъ
Безъ просвѣщенья Твоего,
Какія слабости скрываетъ
Въ изгибахъ сердца своего?
О, въ нашихъ немощахъ, Всесильный!
Пролей струи Свое обильны
И тайный грѣхъ очисти мой,
Равно и волей сотворенный;
Освободи мнѣ чувства плѣнны,
Пославъ стопы въ пушь правый Твой.

*

Дай силы злу сопротивляться,
Противника въ себѣ смиришь,

Къ землѣ душой не прилбляшся,
Тебя единого любить;
Тогда невиненъ и свободенъ,
Во всемъ Тебѣ благоугоденъ,
Во славѣ возвѣщу всѣмъ я,
Что благъ Господь, насъ сотворившій!
Онъ падшаго изъ безднѣ воздвигши,
Помиловааѣ и спасъ меня.

Вѣшеславцовъ.

XI.

Супль изъ костей.

Много было писано о семъ суплѣ, и многими по справедливости изобрѣшатель его названъ другомъ и благодѣшелемъ чловѣчества. Но жалѣшь должно, что сѣ важное пособіе для жизни шаръ долго оспава-лось неизвѣспнымъ просвѣщенной Европѣ тогда, когда младенчествующая въ успѣхахъ наукъ Азія давно, давно его знаетъ. — Доказываю. Супль сей во всегдашнемъ употребленіи у полу-дикаго народа, обитающаго около хребтовъ Халшан и большаго Алшан, извѣспнаго подъ именемъ Калмыковъ *двое - данцовъ* (они плашяшъ данъ и Россіи и Кишаю). Крайнее невѣжество его, кажешся, можешъ служишь неопровергаемымъ доводомъ давно-

спи онаго употребленія. Высшій классъ людей сего народа обыкновенно питаешся однимъ только варенымъ мясомъ; а низшій довольствуешся оспашками отъ пищи богатыхъ земляковъ своихъ и супомъ изъ костей. Приготовленіе костей самое простое. Исположи ихъ въ мѣлкія части, бросающъ въ извѣспномъ количествѣ въ кипящую воду, варишъ весьма долго, и когда по мнѣнію ихъ довольно получишъ кипящюкъ отъ костей навару, прибавляющъ нѣсколько ячменной крупы, называемой у нихъ *курмачемъ*, не шакой, какъ у насъ, но гораздо крупнѣе, и можно сказать, однѣ только голыя зерна; варишъ нѣсколько еще, и потомъ соувъ сей пьюшъ изъ чашекъ. Это единственная пища многочисленнѣйшаго класса людей сего народа; ибо по закону они не могутъ употреблять ни рыбы, ни фруктовъ. И при шакой легкой пищѣ они весьма здоровы, крѣпки, сильны, и достигаютъ безболѣзненно самой глубокой старости. Весьма часто между ними видѣшь можно стариковъ во 100 лѣтъ, сберегшихъ какъ крѣпость силъ, такъ и оспропу всѣхъ чувствъ мужественнаго возраста. Кажется единообразная и беззаботная жизнь, незнаніе пылкихъ мучительныхъ спрассей, а болѣе сія простая и легкая пища суть источники ихъ здоровья и долго-

жишїя (*). Они не только не знаютъ никакихъ нашихъ приностей, но даже ни въ пищу, ни въ питье не употребляютъ ничего лишнимъ холоднаго, или лишнимъ горячаго; а ѣдятъ и пьютъ только умеренно теплое.

Варенїе костей я видѣлъ въ употребленїи также у Вогуловъ Уральскихъ. Вогулъ такъ лѣнивъ, что убивши звѣря, никогда почти нейдетъ опять на промыселъ, пока имѣетъ годовую дичину. Но когда, кромѣ костей, которыхъ онъ бережетъ, ничего уже нѣтъ въ запасъ; то оставляя ихъ для прокормленїя щенка своего семейства, самъ отправляется на охоту.

Похлебкою изъ перешолченныхъ костей питаются и бѣдные Киргизы.

Нужда доброй учитель!

Н. Мамышевъ.

(*) Японцы, вѣровавши переселенїю душъ, неупотребляющіе въ пищу ничего кромѣ плодовъ, достигаютъ глубочайшей старости; что видѣшь можно изъ Исторїи ихъ государей, изъ коихъ многіе доживали до 150 лѣтъ.

XII.

С м ъ с ъ.

(*Анекдоты.*)

Карль II, Англійскій Король, достигъ престола не иначе, какъ чрезъ посредство нѣкоторыхъ людей, оказавшихъ ему помощь въ семъ важномъ случаѣ; особенно же былъ онъ одолженъ усердію и неушомимой дѣятельностью Лорда Шесбури. Не смотря на то, Монархъ скоро забылъ оказанныя услуги, и вѣрный подданный не получилъ никакой награды. Нѣкогда случилось ему вмѣстѣ съ Лордомъ быти на охотѣ. Докладывая о прибытіи Шотландскихъ депутатовъ. Король, захоувши избавишь ся отъ скучныхъ обрядовъ, говоритъ Лорду: „Ошправьте ихъ за меня; побудьте на эту пору Королемъ, а я заснулю ваше мѣсто.“ Являюся депутаты, и Лордъ привѣспивуетъ ихъ слѣдующими словами: „Господа! не удивляйтесь, что я до сихъ поръ ничего еще для васъ не сдѣлалъ. Вотъ Лордъ Шесбури (шутивъ онъ указалъ на Короля); его усердію одолженъ я за мою корону; однакожь и донынѣ еще онъ не получилъ ни малѣйшаго знака моей благодарности.“

*

Кто незнаетъ прекрасной басни о дѣрехъ кольцахъ, которую Лессингъ вла-

гаешь въ уста своему Назану, когда за-
снываетъ его опившсшзовашь на вопросъ
сб истинной вѣрѣ. Басня сія не Лессин-
гомъ выдумана. Описываемъ чипашеля
кв известной книгѣ Histoire des revolu-
tions des Indes, par Desormeaux, гдѣ опи-
сано слѣдующее историческое событіе:
Орангзебъ, Императоръ Могольскій (*),
лицемѣрный святоша, говоря нѣкогда съ
однимъ ученымъ Раввиномъ о различіи
вѣрѣ, спросилъ: какой изъ нихъ должно
опдать преимущество — Христіанской,
Магомешанской, или Іудейской? Жидъ,
видя, что вопросъ предложенъ ему не съ
добрымъ намѣреніемъ, опивчалъ слѣдую-
щимъ уподобленіемъ: „Одинъ ошець имѣлъ
у себя несцѣпленный алмазъ; каждому изъ
трехъ сыновей хошѣлось получить его
себѣ въ наслѣдство. Ошець, желая пред-
опвратить раздоръ между дѣшными послѣ
своей смерти, приказалъ сдѣлать два не-
искусственные алмаза, которые были со-
вершенно сходны съ настоящимъ. Каж-
дой сынъ получилъ алмазъ, и каждой былъ
увѣрялъ, что имѣешь у себя не подлож-
ный. Такъ и Творецъ міра — продол-
жалъ Раввинъ — далъ дѣшамъ сво-
имъ три закона. Очень шрудно опивчаться
на вопросъ, точно ли въ одномъ только

(*) Озъ родился 1618 года, умеръ 1707.

изъ нихъ заключается истина, а въ двухъ прочихъ неправда. И шакъ. надобно ли требовать отъ людей, чшобъ они обьявили рѣшишельное мнѣнїе свое о шакомъ дѣлѣ, которое самъ Богъ скрылъ отъ ихъ разумѣнїя? — Я шо же думаю — опѣвчалъ Орангзебъ; лишь только бы истинному Богу молились люди; а въ какомъ ишо законѣ родился — чшо нуды?

Въ Ригѣ есть двѣ конныя гражданскїя гвардіи — зеленая и синяя — корпусъ черноголовыхъ (das Korps der schwarzen Häupter) и пѣхотныя гражданскїя роты. *Зеленая* гвардія состоитъ изъ женашыхъ купцовъ и ремесленниковъ, а *синяя* изъ неженашыхъ, надъ копорыми однакожь начальство имѣетъ женашой поручикъ. У нихъ есть особливой домъ въ городѣ; уборъ ихъ богатъ и наряденъ. Обѣ гвардіи, выѣзжаютъ вмѣстѣ по одному разу въ годъ, и сверхъ того при нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ, на примѣръ во время пребыванїя въ Ригѣ высокихъ особъ или путешеспїя ихъ черезъ сей городъ. При вшествїи Монáрховъ, имъ предоставляется честь ѣхать передъ кареткою. Обѣ гвардіи имѣютъ общихъ своихъ офицеровъ: ротмистръ числится при зеленой, а поручикъ и корнетъ при синей. Они равняются съ офицерами Им-

перашпорской службы. Императрица Анна пожаловала въ 1731мъ году испандаршы обѣимъ гвардіямъ. Онѣ имѣютъ серебряныя трубы и лишавры; въ случаѣ торжественнаго выѣзда передъ каждымъ корпусомъ ведутъ по шести заводскихъ лошадей, богато убранныхъ. Сіи гвардіи вспрѣчали и провожали: Екашерину II; Павла I, когда онъ, еще бывши Великимъ Княземъ, отправлялся въ чужіе края; умершаго Короля Прусскаго, во время путешествія его въ С. Пешербургъ еще Кронпринцомъ; нынѣшняго Короля Прусскаго и Королеву, и многихъ другихъ особъ высокаго сана. — Корпусъ *черноголовыхъ* состоитъ изъ 40 или 50 купцовъ неженашыхъ, но почешныхъ. Они выѣзжали только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, на примѣръ во время бытности въ Ригѣ Князя Пошемкина. Въ общество *черноголовыхъ* принимаютъ и чужестранцовъ, также неженашыхъ, и сіе дѣлается какъ для особенной почести принимаемымъ, такъ и для торговыхъ выгодъ города. На гербѣ и на щитѣ ихъ изображена черная голова. Св. Маврицій есть патронъ общества еще съ того времени, когда въ Лифляндіи исповѣдывали католическую вѣру. Члены собираются въ спаринномъ своемъ называющемся по имени обществомъ (*Schwarze Häupterhaus*), въ конче-

ромъ хранился прекрасное собраніе серебряной посуды и каріиивъ древней работы. Учрежденіе общества *черноголовыхъ* относился къ 13му столѣтію, когда не было еще ни судей, ни правительсва. Въ Ригѣ и въ Ревелѣ (*) судъ производился избираемыми купцами, которые вбродячио ходили въ черныхъ шапкахъ. Кажется, что общество *черноголовыхъ* составилось при Магистрахъ для обороны городовъ. Въ старину бывали у нихъ въ употребленіи шурниры и нарусели. Сперва принимали въ общество однихъ только Люперанъ; нынѣ и Реформаны могутъ быть Членами. — *Пѣхольныя роты* состоятъ изъ шѣхъ купцовъ, ремесленниковъ и мѣщанъ, которые не принадлежатъ ни къ одному изъ корпусовъ вышеупомянутыхъ. Ратсгеръ есть начальникъ ихъ. Роты сіи также имѣютъ общвенныя знамена.

(*) Въ Ревелѣ также есть общество *черноголовыхъ*. Великій Цепрь дозволилъ записать имя свое между именами Членовъ.

XIII.

Объясненіе.

Въ одной иностранной газетѣ помѣщена нижеслѣдующая достопамятная спашья :

„Во время Прейсшв-Ейлауской баталии Россійской унтерв-офицерв, опиняв въ Французскаго плѣннаго солдата Люшеранской служебникв, обложенной вокругъ серебромъ (кошорой похищилъ онъ въ церквѣ св жершвенника), опдалъ его во всей цѣлости Кенигсбергскому Магистрашу при прозьбѣ: доставишь священную сію книгу въ шу церковь, коей она принадлежала.“

Сей благородной поступокъ не только заслуживаетъ быть извѣстенъ всѣмъ достойнымъ сынамъ Россіи; но и возбудилъ желаніе въ одномъ пресшарбломъ Прусакъ, современникъ Фридериха II., узнать объ имени почтеннаго унтерв-офицера, не для воздаянія за столь доброе дѣло, конечно уже награжденное собственнымъ его сердцемъ, исполненнымъ любви къ Христіанской вѣрѣ, но для доставленія ему небольшого подарка въ знакъ памяти и истиннаго уваженія.

По сему покорнѣйше просятъ всѣхъ служащихъ при арміи. господъ Офицеровъ

освѣдомишься какъ обв имени сего почтеннаго уншерб - офицера , шакъ и о полкѣ , въ кошоромѣ онѣ служишѣ , и обо всемѣ дашь знашь въ домѣ Князя Федора Николаевича Голицына , соспоющій въ Москвѣ на Покровкѣ , управляющему домашнею канцелярїею Ивану Ивановичу Бушу.

ПОЛИТИКА.

XIV.

*Донесеніе Французскаго Министра
иностранныхъ дѣлъ г-на Шанпаньи
Е. В. у Императору Наполеону.*

Въ собраніи Сенага 15 числа Апрѣля, подъ предсѣдательствомъ Принца Арханцлера Имперіи, Министръ иностранныхъ дѣлъ г. Шанпаньи представилъ членамъ разныя бумаги, коихъ содержаніе относится къ сословію дѣлъ между Австрією и Францією. Въ числѣ сихъ бумагъ первое мѣсто занимаетъ донесеніе г-на Шанпаньи Императору. Въ немъ предложены историческимъ порядкомъ всѣ происшествія, до нынѣшней войны случившіяся, и бывшія поводомъ къ новому раздору.

„Всемилоствѣннѣйшій Государь! Побѣдоносныя войска ваши содѣлали васъ обладателемъ Евы и заняли большую часть Австрійскихъ провинцій. Жребій Имперіи находился въ рукахъ вашихъ. Австрійскій Императоръ, явившись въ воинскомъ станѣ В. В. а, умолилъ васъ окончить войну,

нагубную для шѣхъ самихъ, кои начали оную. Онѣ обѣщались впредь содѣлать васѣ свободнымъ опѣ заботѣ касательно швердой земли, чтобы всѣ ополченія ваши можно было обратиться прошивъ Англїи, и признался, что жребїй оружія далъ вамъ право шребовать желаемого. Онѣ поклялся вамъ въ дружбѣ своей и признашельности. В. В. были пронупы печальнымъ примѣромъ непоспоянства форпуны, и не могли безъ сердечнаго движенія взирать на Монарха, недавно бывшаго споль мощнымъ, попомъ вдругъ лишеннаго силы своей и величїя. Вы поступили великодушно съ государствомъ, съ государемъ и съ преспольнымъ градомъ; вы могли удержать за собою обширныя земли вами покоренныя, но большую часть оныхъ вы опдали обратно. Авспрїйская Имперїя получила новое бышїе. Въмецѣ снова ушвержденъ на главѣ ея Монарха. Съ изумленїемъ взирала Европа на споль великодушный подвигъ.

„В. В. не получили досподолжной данн признашельности. Авспрїйскай Императоръ скоро забылъ кляшву свою въ вѣчной дружбѣ. Едва ушвердившись на своемъ пресполь, и безъ сомнѣнїя внявъ льстивымъ совѣшамъ, онѣ вознамѣрился преобразить свои войска и пригошвиться къ

новой войнѣ, съ тѣмъ чтобы начать ее при удобномъ случаѣ. Война съ Пруссіею скоро обнаружила сіи непріязненные распоряженія. Австрія поспѣшно собрала войска свои въ Богеміи; но побѣда подъ Еною уничтожила ее намбренія. Будучи еще слабою, не имѣя ни солдатъ, ни пушекъ, ни ружей, она опложила до другаго времени исполненіе своихъ непріязненныхъ намбреній. “

„Война окончилась Тилзитскимъ договоромъ: побѣдоносныя войска В. В. а оставались безъ дѣла въ сѣверной Германіи; ими окружены были Австрійскія области. Еслибъ честолюбивая политика управляла вашими намбреніями, еслибъ вы спавили въ числѣ выгодъ своихъ изнеможеніе Австрійской Монархіи, и еслибъ выгоды сіи были единственныя вашимъ правиломъ; то В. В. не имѣя у себя непріятелей, не опасаясь никакихъ движеній на твердой землѣ, занимая съ четырьмястами тысячъ человекъ великое герцогство Варшавское, Силезію и Саксонію, и будучи столь сильнымъ противъ Австріи, могли бы потребовать отъ неѣ въ причиненныхъ ею безцѣлоствахъ во время войны съ Пруссіею и въ сдачѣ Нашпуро Черногорцамъ, вопреки договору Пресбургскому, по содержанію коего надлежало отдать Нашпуро Фран-

ціи. В. В. явили себя прощкимъ прошивъ слабого, и не вняли ни своему негодованію, ни совѣщанію припаяжательной полицики. В. В. всегда желая возстановить миръ на моряхъ, спремались прямо къ сей цѣли, и чтобы скорѣе достигнуть ее, охотно прекращали всѣ несогласія между Франціею и Австріею. Заключенъ договоръ въ Фонтенебло Октября мѣсяца 1807 го года. В. В. обращно отдали Браунау, не смотря на то что получили Кашпаро не отъ Австріи. Назначены предѣлы между обѣими Имперіями со стороны Италіи. Посредствомъ обмѣна рѣка Изонцо сдѣлалась естественною границею, которая по видимому не позволяла опасаться никакихъ споровъ. Уступка Австрійцамъ Монцефальконе, столь важная для безопасности Трїеста, служила доказательствомъ, что вовсе не было намбреній опинимать у нихъ владѣнія. Объявлено, что не оспалось тогда никакой причины къ разбирательству между В. В. и Австрійскимъ Императоромъ (*). Съ тѣхъ поръ не слышно было никакихъ жалобъ, никакихъ прѣваній; всѣ признаки показывали совершенное согласіе. В. В. за благо разсудили за-

---

(*) Въ Эй стамъ записки 12го Марта 1809 года, присланной отъ Австрійскаго посла Г. Мешпернижа къ г-ну Шанпаньи.

быть и войну, которую Австрія начала безъ всякой причины, и успѣхи, ознаменовавшіе честию Французское оружіе; вы предались надеждѣ на миръ, котораго нарушишь уже было не можно.“

„Ужасное нашествіе на Копенгагенъ и повелѣнія Совѣща 11 Ноября доказали, что Англичане шедъше не могутъ государствъ неутральныхъ. Послушны ихъ распространили негодованіе по всей Европѣ. Казалось, что Австрійскій Императоръ чувствовалъ по же, что и другіе; онъ опозвалъ посла своего изъ Лондона, и приказалъ не впускать Англичанъ въ свои приспани. Скоро вспыхнули мятежи въ Испаніи. Раздули ихъ Англичане. Король Карлъ IV согнанъ съ престола сыномъ своимъ, которымъ управляли Герцогъ Инфантадо и другіе сообщники Англичанъ, желавшихъ отторгнуть Испанію отъ союза съ Франціею. В. у В. у было угодно предупредить сію опасную побѣду своихъ непріятелей; вы вопрошивались ихъ усиленіемъ. Когда несчастный Король Карлъ, пораженный сильною горестію, произведенною злодѣяніемъ, коего онъ содѣлался жертвою, захотѣлъ отказатьсь отъ правъ своихъ; В. В. приняли ихъ на себя, чтобы докончить дѣло начатое Людовикомъ XIV, и чтобы снова связать шовъ

узель, кошорой въ продолженіе ста лѣтъ былъ виною мира между обоими народами. Изувѣршво монаховъ и прѣиски Англичавъ распростирили машежъ въ яввошорыхъ Испанскихъ провинціяхъ. Тогда шочно опкрылось, что слегка шолько замѣчено было прежде сраженія подъ Еною. Пламя вражды и брами, возженное на югѣ, возродило надежды въ Авспрїи, кошорая время сіе признала самымъ благопрїятнымъ для уничтоженія Пресбургскаго договора. Она вооружилась. Произведена въ дѣйшво сисшема, обьявленная сперва оборонительною, и однакожь родившая можештво башалѣоновъ милиціи, кошорыми Авспрїя грозилась шеперь напастъ на Германію. Всѣ подданные вызваны къ ружью. Авспрїйскіе Принцы ѣздили по провинціямъ, рассыпая вездѣ свои прокламаціи, шочно какъ бы Монархїя находилась въ опасности и какъ бы ею завладѣлъ уже непрїятель. В. В. увѣдомившись о сихъ движеніяхъ, препоручили мѣш сдѣлать предшавленія (*) внушенныя миролюбїемъ, чего и самъ посолъ оной державы конечно не могъ не замѣшть. По возвращенїи изъ Байоны въ Парижъ В. В. сами извяснились съ посломъ; разговоръ сей раздался

(*) Въ писмахъ отъ Франц. Министра къ Графу Мештерниху 16 и 30 Іюля 1808.

по всей Европѣ, и всѣхъ увѣрилъ въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ, предложенныхъ съ такою же опкровенностію и правдою, какъ съ великодушїемъ и сильною выразительностію (*). В. В. предсказали Графу Меттерниху, что вооруженія, предпринятые безъ очевидной причины и продолжаемые безъ разсмотрительности, навлекутъ войну вопреки желанію В. В. - а, вопреки желанію Австрійскаго Императора и даже министровъ его, которые хотя бы и приняли миролюбивыя намѣренія, но возбужденіи народъ, уже не будучи въ состояніи остановить движеній, давъ имъ съ начала полную свободу. “

„Всемилолюбивѣйшій Государь! Можешь быть блаторазумная политика требовала въ сію минушу обезоружить Австрію, угрожая ей всею силою побѣдоносныхъ вашихъ ополченій, со всѣхъ сторонъ тогда же окружавшихъ В. В. конечно шанъ и послужили бы; но совершенно полагаясь на дружбу Россіи, В. В. лучше захотѣли принять мнѣніе сей Державы, которая надѣялась, что Австрія обратится въ благоразумнѣйшимъ намѣреніемъ и въ расположеніемъ болѣе миролюбивымъ. Въ прочемъ

(*) См. письмо отъ Франц. Министра къ Генералу Андросси 16 Апрѣля 1809.

Австрійскій посолъ въ сіе время общался В. В. — у, что вооруженія не будутъ имѣть слѣдствій; Австрійскій Императоръ письменно увѣрилъ В. В. въ миролюбивыхъ своихъ расположеніяхъ (*). Баронъ Вивценшъ, вручитель письма, словесно подтвердилъ увѣренія своего Государя. В. В. почли ихъ непришворными, и торжественно объявили Императору Францу о миролюбивыхъ намѣреніяхъ своихъ въ письмѣ, отправленномъ къ нему передъ отбѣдомъ въ Erfurth (**). Въ то же время какъ вы со всею открытостію повѣряли увѣренія свои, которые доспачны были разсвѣтъ всѣ опасенія, еслибъ только страхъ былъ причиною вооруженія Австріи, въ то же время В. В. предложили союзнымъ Государямъ развести полки (***) собранные въ полѣ; повелѣли очистить крѣпости въ Силезіи; 200,000

(*) См. письмо отъ Е. В. Императора Австрійскаго къ Е. В. Императору Наполеону, 18 Сентября 1808.

(**) См. письмо Е. В. Императора Наполеона къ Е. В. Императору Австрійскому, 14 Октября 1808.

(***) См. письмо Е. В. Императора Наполеона къ союзнымъ Государямъ, отъ 14 Октября 1808.

человѣкъ вашего войска выведены изъ Германіи.“

„Но щещно В. В. явили шакую доврѣнность. Справедливое ваше ожиданіе не исполнилось. Австрія еще дѣшельнѣе продолжала свои военныя распоряженія; не смотря на зимнюю пору, милиція безпрещанно была обучаема. Приспань въ Трїестѣ опворена Англичанамъ. Австрійскіе флоты были провожаемы къ Мальтѣ, откуда отправлялись въ Левантъ съ Англійскими шоварами. Испанскіе мятежники были принимаемы и угощаемы въ Трїестѣ (*). Повѣренный по дѣламъ Австрійскимъ въ Испаніи сдѣлался агеншомъ Юншы и помогаль ей вести переписку со вѣщними государствами. Въ Австрійскихъ областяхъ носилось множество ругательныхъ сочиненій противу Франціи; въ газетахъ Австрійскихъ были помѣщаемы ложныя извѣстія о дѣйствіяхъ въ Испаніи; сочинители ихъ обнародовали описаніе совершеннаго пораженія, прешерпѣннаго Французами въ Ронсеваль, безъ сомнѣнія жалѣя, что въ царствованіе В. В. а являющся одиѣ шолько чудеса Карла Великаго, а не баснословныя несчастія. Къ грознымъ и почти не-

---

(*) См. Окончаніе ноты Графа Меттерниха, отъ 22 Іюля 1808.

пріятельскимъ пригошовленіямъ присоеди-
нились еще всѣ признаки неблагорасполо-
женія, опкрывающія цѣль сихъ воору-
женій и намбреній Авспрїи. “

„Такія-шо извѣстія доходили до В. В-а
въ Испанїи. Вы примесли шуда побѣду;
многочисленныя ополченія Испанскія какъ
прахъ разсѣяны; Англинское войско оп-
супало, и сіе опсупленіе передъ В. В-мъ
подвергало его величайшимъ опасностямъ.
Одинъ изъ шѣхъ случаевъ, копорые въ
военное время часто вспрѣчаются, до-
сшавилъ В. В-у свѣдѣніе о связяхъ Ис-
панской Юншы съ Авспрїйскимъ прави-
шельствомъ, и о данномъ ей обѣщанїи вы-
сшавишь 100,000 человекъ войска — обѣща-
нїи, данномъ конечно не съ намбреніемъ
исполнишь его, но шолько чшобы льспи-
вою надеждою подкрѣпишь мужество въ
Испанскихъ мяшежникахъ. Навонецъ какъ
бы самъ Промыслъ, копорый шоль часто
охранялъ В. В., или лучше сказашь Фран-
цію, и копорого рука вела васъ посреди
шоль многихъ опасностей, повсюду со-
пуществовавшихъ чудеснымъ вашимъ ус-
пѣхамъ, самъ Промыслъ, говорю, соблаго-
волилъ вамъ опкрышь злыя намбренія и
вбромство шѣхъ, кои не дерзали еще
явишь себя вашими непріятелями. Обвѣ-
щленіе Англійскаго Короля опъ 16го Де-

кабря дошло до вашихъ рукъ, и В. В. прочли въ немъ слѣдующія достопамятныя слова:“

„Ежели между народами. предохраняю-
щими отъ Франціи сомнительную и
ненадежную свою независимость, есть
шакіе, кои въ сію минушу колеблющя
между разрушеніемъ, неминуемо послѣ-
довашь имѣющимъ за продолжительнымъ
бездѣйствіемъ, и между невѣрными опа-
сностями отъ усилій предотвратишь
сіе разрушеніе; то обманчивая надежда
на миръ между Великобританією и Фран-
цією конечно могла бы быть весьма па-
губною для оныхъ народовъ. Тщешная
надежда на восстановленіе тишины мо-
гла бы привести въ слабость ихъ приго-
товленія, а опасеніе, что ихъ оставяшь
безъ помощи, могло бы поколебать ихъ
рѣшительность.“

„Такимъ образомъ сама Англія доста-
вила В. В. у свѣдѣніе о приготовленіяхъ
Австріи. Сіи приготовления уничтожили
предпріятіе двухъ Императоровъ въ воз-
становленію мира на морѣ. В. В. не мог-
ли уже сомнѣваться, что вамъ угрожа-
ютъ новою войною. Общаніе, данное въ
Ерфуртѣ, нарушено; Австрія вооружалась
противъ своего благодѣтеля. В. В. всно-

Мнили, чѣмъ должны вы своему народу, чѣмъ должны своимъ союзникамъ, и okazaлись преслѣдовавъ Англичанъ. Да будешъ дозволено Министру В. В-а, исполковашелю общеспвеннаго мѣрнѣя — сего мѣрнѣя основаннаго на пѣнадцати-лѣтнихъ побѣдахъ, съ которыми ничто сравнишься не можешъ — да будешъ дозволено прибавишь, что сколь ни велики были бы успѣхи вашихъ намѣспниковъ, какіе шансы они въ себѣ ни открыли бы, В. В. предводисельспвуя лично войскомъ, прѣобрѣли бы еще большіе успѣхи; ни одинъ Англичанинъ не возвратился бы въ Англію. В. В., заботясь о безопасности своихъ обласпей, возвратились въ Валладолидъ, чтобы ошдашъ шамъ послѣднѣя приказанія касашельно состоянія дѣла въ Испаніи; написали ошшуда къ союзнымъ Государямъ о пригошвленіи каждому своего участка, чего спреговала съ ихъ спорой обыкновенная предоспорожностъ, по причинѣ давняго опасенія, о которомъ они увѣдомляли В. В-о; поштомъ вы возвратились въ Парижъ.“

„В. В-у было угодно сдѣлашь новыя опыты къ ошвращенію войны, которой вы не желали. Вы упошребили посредство Императорскаго Россійскаго Министра иноспранныхъ дѣла, находившагося тогда въ Парижѣ. Выслушавъ предложенія

В. В - а, онъ посѣщилъ Австрійскаго посла; предложилъ ему сдѣлать такія распоряженія, которыя соединили бы при Имперіи союзомъ происвеннаго поручительсва, и которыя обезпечили бы Австрію въ цѣлости владѣній ея поручительствомъ Россіи противъ покушеній Франціи, а поручительствомъ Франціи противъ покушеній Россіи; равнымъ образомъ поручительство Австріи было пріемлемо обѣими Имперіями. Прискорбно сказывали, что сіи внушенія Графа Румянцова остались бесполезными. Однакожъ все еще надеясь накоторыя успѣховъ опъ сихъ предложеній, и не могли увѣрить себя, чтобы слѣпое безуміе, произведенное въ Австріи подкупленною Англичанами шайкою, совсѣмъ заглушило совѣсти благо-разумныхъ, просвѣщенныхъ, истинныхъ доброхотовъ своего опечества, В. В. не начинали военныхъ движеній; ни войска союзныхъ Государей, ни дивизіи В. В - а, расположенныя внутри Франціи и предназначенныя для морскихъ экспедицій или для отправленія въ помощь колоніямъ, не получали приказаній выступить.“

„Скоро попомъ Австріи совсѣмъ вышла за предѣлы умѣренности. Послѣ восьми-мѣсячныхъ приговоровъ она приобрѣла новую армію, успроивъ земское ополченіе. Въ половинѣ Февраля даны ему по-

вѣднїя идти къ границамъ. Вся Монархїя вооружилась. Давно уже Австрія въ Комспанїинополѣ воевала прошиву Франціи; она посшаралась примирити Турцію съ Англією, и сама готовилась прислушати къ явному разрыву.“

„Между шѣмъ Вѣнскій Кабинетъ все еще хранилъ глубокое молчаніе. Со времени подписанїя договора въ Фоншенебло онъ не объявлялъ ни одной жалобы; ни одного прѣбванїя. Ваше Величество жаловались, для чего убиты курверы ваши въ Краанїи, для чего обижены Французскіе Офицеры въ Трїестѣ, для чего поступлено насильственнымъ образомъ съ нѣкоторыми Испалїянскими подданными В. В-а; и терпѣливо ожидали удовлетворенїя: Марша 2 го Австрійскій посолъ прѣвхалъ ко мнѣ съ извѣщенїемъ, что Императоръ Государь его велѣлъ подли свой прївести въ военное сосшоянїе. Причину сего поступка ошносилъ онъ, къ письму изъ Валладолида къ союзнымъ Государямъ, къ нѣкоторымъ спашьямъ въ Журналахъ помѣщеннымъ, и наконецъ къ прибытїю В. В-а въ Парижъ. В. В. повелѣли мнѣ написати ноту; въ ней напомнилъ я шолько; что между обими Дворами нѣтъ никакой причины къ разбирательствамъ; я предложилъ вопросъ, чего потребуешъ Австрія; и на него она досадуешъ; я оплять изъ

яснилъ желаніе В. В-а, чшобы народы на-слаждались всѣми выгодами спокойствія (*). Графъ Мешпернихъ въ отвѣтъ своемъ ошъ 12го числа Марша хотѣлъ доказать, что военныя пригошвленія В. В — а за-спавили Авспрію присупишь къ такимъ же пригошвленіямъ — какъ будшо В. В. прошивъ Авспріи вооружались, когда приказали выступишь войскамъ своимъ изъ Силезіи и Великаго Герцогства Варшавскаго, и когда отправили 200,000 чело-вѣкъ изъ Германіи въ Испанію!“

„Въ шо время, а не прежде, В. В. совершенно опреклись ошъ предпріятій своихъ касательно Англїи, ошъ высадки въ Сициліи, для коея Неаполишанскій Король сдѣлалъ уже нужныя распоряженія, и ошъ морскихъ експедицій пригошвляемыхъ въ Брестъ, Булони, Флессингенъ и Тулонъ. Дано приказаніе остановишь все, и войска В. В — а направили цушь въ Германію; войска Рейнскаго союза шакже приведены въ движеніе.“

„Нѣтъ, Авспрія не пошому воору-жалась, что Франція къ войнѣ гошвила-лась; напрошивъ сіи удивительныя на-пряженія Авспріи произошли ошъ шого,

---

(*) См. вошу писанную ошъ Француз. Ми-нистра Гна Шампаньи къ Графу Мешпер-нику 10го Мая 1809.

что она чаяла найти Францію . ослабѣвшею опѣ другой войны , и думала , что пришла благопріятная минуша къ возстановленію . прежняго ея могущества . Австрія начинаешъ войну конечно потому что надѣлется успѣховъ ; начинаешъ безъ всякой причины къ жалобамъ , даже не объявивши напередъ никакого требованія , не сдѣлавши никакого предложенія , не предспавивши на выборъ другаго жребія ; начинаешъ войну тогда , какъ В. В. не только ничего не требовали опѣ нее , но еще желали ей спокойства и счастья ; когда предложили ей поручительство и безопасность ея владѣній ; когда самъ **ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ** , изъяснивъ Австрійскому послу . неудовольствіе свое противъ поведенія . Австрійскаго правительсва , снова предложилъ поручительство свое противу Франціи . Австрія начинаешъ войну противу Франціи и Россіи , что есть противъ двухъ Имперій , копорыя вызывались защищать ее и покровительствовать . Слѣдственно она поднимаетъ оружіе не для опвращенія опасности . Договоровъ , утвердившихъ бытіе ея , она не почитаетъ для себя закономъ , и говоритъ , что оные заключены во времена несчастныя ; какъ будто побѣжденный , успунивъ побѣдишело , не обязанъ хранишь честь и вѣрность , хотя бы великодушіе

побѣдителя не возбуждало въ побѣжденномъ чувства признашельности. Всѣ благодѣянiя забыты, всѣ обязашельства нарушены. В. В. получаете извѣстiе, что Австрiйскiя войска перешли черезъ Иннъ, онѣ начали непрiятельскiя дѣйствiя, Австрiйскiй Генералъ письменно увѣдомляетъ Французскаго, что онѣ идетъ впередъ, и поступитъ непрiятельски со всѣми, кто ему ни вопрошивишся.“

„В. В. удосцовѣрены, что все сдѣлано съ вашей стороны для избѣжанiя сей войны, предпринятой споль безразсудно, все что только могли внушитъ благоразумiе и умѣренность. Вы желали избавитъ подданныхъ своихъ отъ новаго безцойства, а родъ человѣческой отъ брани кровопролитной. Но ежели правила, которыми во всѣ времена руководствовалась Австрiя, сдѣлали полищикъ ея всегдашнимъ препящствомъ къ доспиченiю мира на моряхъ; то можетъ быть и сожалѣнье не должно, что сама она приближитъ рѣшительную минуцу удаденiя сего препящства. Миръ на моряхъ тогда только начнется, когда твердая земля будетъ обезпечена прочнымъ спокойствiемъ, и когда Англичане лишатся всей надежды посредствомъ золота и происковъ сѣять раздоры. Желашельно, чтобы новая война не крайней мѣрѣ возимѣла сiя слѣд-

спвія! В. В. не завидуешѣ могуществу Авспрїи; вы не желаете ей разрушенїя; но поелику оружіе оспалось для васъ единственнѣмъ пособїемъ, да принудите ее быти прямо въ мирномъ состоянїи! миръ есть достойнѣйшее В. В. а завоеванїе, кошораго вы наиболѣе желаете.“

„Всемилоспивѣйшїй Государь! народъ вашъ поможетъ вамъ въ сей новой брани. Чудесная предусмотрительность В. В. а, дающая возможность вести сію войну, не прибавляя новыхъ тягостей государственныхъ, напечатлѣна въ сердцахъ сего народа чувствительнаго, благодарнаго, способнаго удивляться всему великому, защищающаго справедливостъ, спрасно любящаго воинскую славу.“

„Желанїя ваши будутъ предварены новыми усилїями, если бы оныя понадобились. Преданность народа не уступитъ удивленїю и любви къ Августѣйшему своему Монарху. Парижъ, 12 Апрѣля, 1800.“

Подписаль Министръ иностранныхъ дѣлъ Шампаньи.

XV.

Извѣстія и замѣчанїя.

Авспрїйская армія раздѣлена была на 9 корпусовъ, въ каждомъ отъ 30 до 40 тысячъ.

сячь. *Шесть* корпусовъ подѣ главнымъ предводительствомъ Ерцгерцога Карла; начальники корпусовъ: Беллегардъ, Колловратъ, Гогенцоллернъ, Розенбергъ, Ерцгерцогъ Людвигъ и Гиллеръ. Ерцгерцогъ Фердинандъ съ седьмымъ корпусомъ находится въ Польшѣ. Ерцгерцогъ Иоаннъ предводительствуетъ въ Италіи *восемью* и *девятью*; подѣ нимъ начальники Маркизъ Шаспелеръ и Генералъ Жюлай. Кромѣ того было еще два запасныхъ корпуса, одинъ 20-тысячный подѣ начальствомъ Князя Лихтенштейна, другой 10-тысячный подѣ начальствомъ Генерала Кинмайера.

Французская армія, въ Германіи дѣйствующая, состоишь изъ шести корпусовъ; ими предводительствуютъ: Маршалы, Герцогъ Ривольскій (Массена), Герцогъ Моншебельскій (Ланнъ), Герцогъ Данцигскій (Лефевр), Герцогъ Ауершпедскій (Даву), Князь Понше-Корво (Бернадошъ) и Генералъ Удино.

Изъ отданнаго Императоромъ Наполеономъ приказа, въ Регенсбургѣ 24 Апрѣля, видно, что были жестокия битвы при Таннѣ, Абенсбергѣ и Екмюль, и сраженія подѣ Прессингомъ, Ландсгушомъ и Регенсбургомъ; что Французы вездѣ одолѣли Австрійцовъ и что по сіе время взяли въ плѣнъ 50,000 человекъ, отбили

100 пушекъ, 40 знаменъ, 3 полкѣна, весь паркъ артиллеріи съ 600 запреженными повозками, 3,000 повозокъ съ военными припасами и всѣ полковыя суммы. Симъ же приказомъ Наполеонъ увѣдомляетъ, что передовой отрядъ его находился уже за рѣкою Инномъ, и что до испеченія одного мѣсяца онъ вступитъ въ Вѣну.

Ерцгерцогъ Карлъ, принужденъ будучи отступить, переправился черезъ Дунай при Регенсбургѣ и расположился при Валдминженѣ; потомъ, какъ говорятъ, вошелъ въ Богемію, съ тѣмъ чтобы отсюда направитъ свой путь въ Австрію. Между тѣмъ извѣстно уже по Французскимъ бюллетенамъ, что главная квартира Императора Наполеона 1 го Мая находилась въ Браунау, а по другимъ новѣйшимъ извѣстіямъ изъ Саксоніи видно, что 10 числа Французской авангардъ стоялъ подъ Вѣною, и что Ерцгерцогъ Карлъ никакъ не подоспѣетъ въ пору съ арміею своею для защищенія столицы. Кажется однакожъ, что съ Австрійской стороны дѣлающія всевозможныя приготовленія къ оборонѣ. Ожидаютъ скорого прибытія Венгерскихъ ратниковъ, которыми предназначено защищать Вѣну. Въ прокламаціи Ерцгерцога Палашина къ Венгерскому Дворянству между прочимъ написано: *Оже*

*честь въ опасности! Лозунгъ нашъ:
спасли или умереть!*

Полученныя въ главной Французской квартирѣ изъ Испаліи телеграфическія извѣстія показываютъ, что Принцъ Вице-Король преслѣдуетъ отступающихъ Австрійцевъ. Главная квартира Принца была опять уже въ Тревизо. Сообщеніе между Миланомъ и Венеціею совершенно возобновилось.

Объ усмиреніи возмущившихся Тирольцевъ еще ничего не слышно. Къ нимъ идутъ Французскія войска.

*

Отъ Князя Поняшовскаго обнаружено извѣстіе о военныхъ дѣйствіяхъ между Австрійцами и Поляками. Послѣ сраженія 19 числа Апрѣля подъ Рашчиномъ Австрійцы вступили въ Варшаву. Числа ихъ простирается до 30,000. Главная квартира Князя Поняшовскаго 3го Мая находилась въ Огуневѣ.

*

Въ Вестфаліи открылись мятежи въ народѣ. По указу Королевскому многіе чиновники отданы подъ судъ, а имѣніе ихъ во всѣхъ государствахъ Рейнскаго союза будетъ описано. Аббатиссы и Канониссы Валленштейнскаго богоугоднаго заведенія въ Гомбергѣ обнаружили усердіе свое въ пользу мятежниковъ, которыми помогали

деньгами и послали перевязи; за то лишились всѣхъ своихъ доходовъ и имѣнїя. — Шиль, Майоръ Прусской службы, которому по видимому наскучила праздная жизнь, вздумалъ съ полкомъ своимъ перебраться во владѣнїя Короля Вестфальскаго, и шамъ заслужилъ военную славу. Онъ успѣлъ уже побывать во многихъ городахъ и напугалъ спокойныхъ жителей своимъ богатствомъ, которое имъ ужаснѣе показалось, чѣмъ многіе начали было подозрѣвать, не началась ли война между Пруссїею и Вестфалїею. Къ счастью это несправедливо; онъ Прусскаго Короля изданъ повелѣнїе преслѣдовать Шилля, какъ дерзкаго мятежника, а Вестфальскій Король оцѣнилъ голову его въ 10,000 франковъ. Пишущь, что корпусъ Шилля нынѣ состоитъ уже изъ 10,000 человекъ, что онъ самъ имѣетъ нашенскъ на чинѣ Австрійскаго Полковника, и что изданная имъ прокламація наполнена оскорбительными словами противъ Императора Наполеона. По извѣстїямъ отъ 9го Мая изъ Магдебурга, онъ находится въ окрестностяхъ сего города, гдѣ присоединилась къ нему другая шайка Роммисштра Бюжера. Вѣроятно, исторїя сихъ удалцовъ скоро окончится.

*

Португальскій приморскій городъ Оporto взявъ Французами почти безъ сопротивленія. Англичане полагающъ, что армія Герцога Далмашскаго не столько многочисленна, чтобы ею можно было завоевать Португаллію, и что сей полководецъ не рѣшился подойти къ Лиссабону, охраняемому почти 17ю тысячами чело-вѣкъ Англійскаго войска. Но ежели правда, что Маршалъ Викпоръ вступилъ въ Португаллію черезъ Алканшару, и приближается къ Лиссабону; то обстоятель-ства Англичанъ тѣмъ не менѣе затрудни-тельны.

Въ Публицистѣ помѣщена статья изъ Англійской газеты *Morning-Chronicle* слѣдующаго содержанія: „Говорятъ, что въ здѣшнюю столицу (Лондонъ) прѣехалъ чиновникъ съ письмами отъ Двора Викскаго. Австрія проситъ у насъ денежныхъ пособій, въ которыхъ имѣетъ превеликую нужду, и упоминаетъ о выгодахъ, ко-рыхъ должны мы ожидать отъ успѣховъ войны шеперь начинаемой. Если судить по опытамъ прежней двукрашной войны, то при малѣйшей медленности съ нашей стороны посланка денежныхъ пособій будетъ совершенно бесполезною. Весьма странно, что союзники наши, бы-стро проигрывая сраженія, всегда освобо-ждали насъ отъ исполненія общаго

Они худо намъ служатъ, за то уже и не вводятъ насъ въ убытки. Мы опинюдь не намбрены оскорблять Австрійскаго правительсва. Мы не беремъ въ примѣръ подлости минисперскихъ журналистовъ, которые возбудивши Австрію къ началію войны, укоряютъ ее въ щеславіи, и напередъ веселятся будущими ея несчастіями. Нѣтъ, мы не можемъ хладнокровно взирать на ошважную игру, которая истощаетъ силы народовъ и которая даетъ другимъ поводъ нами гнушаться. Сія игра и тогда уже была бы пагубна, когдабы отъ нее зависѣла только честь наша; но теперь мы нечувствительно сопрягаемъ съ нею и самое бытіе наше. Разсчеты минисперовъ нашихъ и нелѣпы и безчеловѣчны. Они заставляютъ Австрію вооружиться: не уже ли они сомнѣваются, что сія держава неустойчива противъ непріятеля? не сомнѣваются, а дѣло въ томъ, что пока Австрія воюетъ, они будутъ твердить Англійскому народу: „вотъ у насъ есть на швердой землѣ союзникъ!“ Но что намъ пользы въ такихъ союзникахъ? Мы имѣли ихъ въ Стокгольмѣ, въ Мадридѣ, въ Сарагоссѣ; смѣемъ ли теперь объ нихъ заботиться? Нынѣ терпимъ оскорбленія въ Шведскихъ присянгахъ, гдѣ прежде мы гордо повелѣвали; опшупаемъ отъ Короля, легковѣр-

наго нашего друга; боимся пожалуйшь о немъ; мы почли бы себя весьма счастливыми, еслибъ шерпимы были шѣми людьми, которые свергли его съ престола и нынѣ содержатъ въ заключеніи. Мадришъ взявъ въ присущствіи прекраснѣйшей арміи, кошую мы снарядили; оспашки сей арміи скоро будущъ свидѣтелями покоренія Лиссабона и Кадикса, и къ несчастію нашимъ солдатамъ недешево спашовишся каждой разъ, когда они бывающъ свидѣтелями горешныхъ произшествій, копорыхъ предошврашишь не могушъ. Хотя несчастія, грозящія Прагъ и Вѣнъ, ошъ насъ не близки; однакожь шѣмъ не меньше шягосшь ихъ на насъ обрушишся. Опъ чего бы ни увеличивалось могущество нашего непріятеля, все шо непосредшвенно къ нашему вреду ошноситъ. Не смотря на шо, доспавляя ему всегда новые случаи къ завоеваніямъ, мы горько жалуемъ на войну, вѣчно продолжающуюся!“

„Но для чего всегда говоримъ объ одномъ непріятелѣ, когда Россія со дня на день шѣсѣ соединяетъ со Франціею и дѣлаетъ намъ шѣ же угрозы? Мы до шѣхъ поръ будемъ кричать и жаловашься на вѣчную войну, пока наконецъ объ Гигантскія Имперіи не найдущъ насъ на берегахъ Инда и Гангеса. Знаю, что въ Новой свѣшъ они за нами не погоняшся; не

въ помѣ нѣнѣ и надобности, когда сама Америка запираетъ для насъ свои входы, когда Соединенныя обласпи, обнаруживая наконецъ расположеніе свое ко Франціи, принуждаютъ насъ начинать войну, когда могущество Линьера, поспоянно опгня насъ опѣ Буеносъ - Айреса, удаляетъ опѣ насъ Губерналторовъ Испанской Америки, копорые, какъ думаемъ, были намъ преданы? Мы сожгли при корабля шакимъ образомъ, что намъ самимъ должно бы спыдинься и ужасаться; а миниспры, возгордившись опѣ сихъ успѣховъ, не видятъ уже никакихъ опасностей. Еще нѣсколько мѣсяцовъ — и паденіе Авспрѣйской монархіи поубавитъ въ насъ радости обв уменьшеніи Французской ескадры према кораблями. Не будемъ здѣсь входить въ изслѣдованія, чѣмъ должна окончиться война сія; ибо и минисперскіе лишки опзывающа о ней не св великою довѣренностію; довольно, ежели вспомнимъ, что сдѣлалъ уже шомъ, прошивъ кого Авспрѣя нынѣ ополчается. *И проч.*

29 Мая. К.

XVI.

У в ѣ д о м л е н і е.

На имя Издашеля Вѣспника Европы присланы деньги для доспавленія въ Почепѣ М. . . . В. . . . Б. . . . ой и въ деревню Большую Кандалу старосшѣ Аншону: изъ Горбалова 10 рублей, изъ села Сулокъ 30 р., изъ С. Петербурга 15 р., изъ Кременчуга 50 р., изъ Кіева 50 р. Оныя деньги раздѣлены по желанію благошворителей, а именно 100 р. послано въ Почепѣ на имя самой Г-жи Б. . . . ой, а послѣднія 55 р. отправлены въ Симбирскѣ къ Пешру Пешровичу Тургеневу для доспавленія старосшѣ Аншону. Ошѣ имени Издашеля и всѣхъ шѣхъ, коимъ пріятно слышашѣ о подвигахъ любви къ ближнему, чрезѣ сіе свидѣтельствуется почтеннымъ Благошворителямъ досподолжная признательность.

К.

Въ 10 Нум. на стр. 137 въ строкѣ 20 читать должно: не невозможно.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

І Ю Н Ъ , 1809.

№ 12.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Первое движеніе.

(П о в ѣ с т ь .)

Въ одномъ изъ южныхъ департаментовъ Франціи, въ маленькомъ городкѣ, жилъ молодой человекъ, именемъ Кленвиль. Онъ не былъ красавецъ; но его пріятная наружность показывала душу открытую, чувствительную, высокую, и наружность Кленвиля не была обманчива. Когда знакомымъ его рассказывали о какомъ-нибудь благородномъ или безкорыстномъ поступкѣ, то они спрашивали обыкновенно: конечно это сдѣлалъ Кленвиль? Когда, описавши имъ происшествіе невѣроятное, прибавляли: *мы слышали отъ Кленвиля*, то никто уже не сомнѣвался въ истинѣ. Однимъ словомъ, это былъ любезный

молодой человекъ пользовался уваженіемъ всеобщимъ, хотя имѣлъ состояніе посредственное. Онъ получалъ не болѣе тысячи ефимковъ годового дохода. Какъ! воскликнуть можете бытъ наши эгоисты, не болѣе тысячи ефимковъ, и почиался великодушнымъ? — Но мы оставимъ этихъ господъ въ покоѣ; въ нашей повѣсти эгоисты не могутъ играть никакой роли.

Въ сосѣдствѣ съ Кленвилемъ жила Госпожа Дюранъ, женщина девяноста лѣтъ, почтенная, весьма умная и корешко знакомая Кленвилю, который посѣщалъ ее очень часто. Госпожа Дюранъ въ теченіи продолжительной жизни своей испытала много несчастій, которыя всѣ перенесла съ терпѣніемъ добродѣтели. Революція лишила ее знашнаго имени, богатства и наконецъ такого сокровища, котораго потеря никогда и ни чѣмъ не можете бытъ замѣняема — семейственнаго счастья. Дочь ея, при самомъ началѣ революціи вышедшая за мужъ за Графа Верлака, принуждена была вмѣстѣ съ супругомъ своимъ удалиться изъ Франціи; они оставили на рукахъ Госпожи Дюранъ маленькую дочь, единственнаго залогъ нѣжнѣйшаго союза, который въ началѣ предвѣщалъ имъ одно только счастье. Увы! тогда же предвидѣли они, что никогда

принуждены будуще разлучиться съ обществомъ, разлучиться на вѣки: и Графъ и Графиня Верлакъ кончили дни свои въ чужой землѣ, удрученные бѣдностью и печалью. Госпожа Дюранъ, оставшись попечительницею маленькой Софїи, вѣсколько лѣтъ занималась единственно ея воспитаніемъ: въ Софїи, прелестномъ младенцѣ, заключены были послѣднія радости ея жизни — но Госпожа Дюранъ, чувствуя себя слишкомъ старою, и слѣдственно неспособною всякую минушу съ надлежащею неусыпною надзираше за воспитаніемъ своей внучки, рѣшилась съ нею разлучиться. „Я должна — такъ думала Госпожа Дюранъ — воспитывать Софїю не для себя, но для нее“ — и маленькая Софїя, взбренная смолвѣнною благоумной родственницею, отвезена въ одинъ изъ большихъ городовъ Франціи. Положеніе Госпожи Дюранъ не могло бытъ названо щасливомъ: въ душѣ ея всѣ прїятныя воспоминанія изглажены были воспоминаніями печальными. Какое же удовольствіе, спросите вы, находилъ Кленвиль въ ея домѣ? Чего искалъ онъ, и что могъ найсти въ обществѣ Госпожи Дюранъ? А удовольствіе бытъ ушѣщительмъ существа несчастнаго, удовольствіе доказать ему, что оно не цѣлымъ міромъ оставлено, что есть еще сердце чувствив-

пельное и доброе, для котораго спарось, несчастіе и добродѣтель священны! . . . Развѣ эшаго мало?

Нѣкошорыя разсѣянїи, почти необходимыя для молодаго челоѵка, воспрїятсшвовали Кленвилю бышь цѣлые восемь дней у Госпожи Дюранѵ. Сшыдась своего небреженїа, посшѵшилѵ онѵ его загладишь, и полешѵлѵ нѵ почтенной своей прїяпельницѵ. Кленвиль находишь Госпожу Дюранѵ погруженную въ глубокїа размышленїа. Увидя молодаго своего друга, она улыбнулась и сдѵлала ему нѵжный упрекѵ на счешѵ его продолжшшельнаго ошсущствїа. Но я не досадою на васѵ, любезный Кленвиль, прибавила она смилымѵ добродушїемѵ; молодымѵ людымѵ еспешшвенно забывашь иногда спарыхѵ, а спарые сѵ своей спороны должны, безѵ всякой взыскапельности, благодаршшь ихѵ за шѵ минушы, кошорыми для нихѵ жершвуютѵ. — „Ахѵ, шѵшѵ! воскликнулѵ сѵ жаромѵ Кленвиль, не будшше несправедливы! Я не забылѵ васѵ!“ — Вѵрю, мой другѵ; и довѵренность сїа для меня необходима, пошому чшо я несчастна. Слезы навернулись на глазахѵ Госпожи Дюранѵ. Добрый Кленвиль посмштрѵлѵ на нее, въ молчанїи: онѵ былѵ душевно разшроганѵ.

„Что значитъ эта унылость? Скажите, не приключилось ли вамъ какого-нибудь новаго несчастія?“

Нѣтъ.

„Но ваши слезы? . . .“

Я плачу не о себѣ.

„Боже мой! вы приводите меня въ ужасъ! Ваша внучка . . .“

Ахъ! участь ея лежитъ на моемъ сердцѣ. Будущее для нее ужасно, а это будущее — какъ узнать! — быть можетъ, очень близко.

„Что вы говорите?“

Въ мои лѣта, Кленвиль, не должно себя обманывать! Пройдетъ годъ, мѣсяцъ, а можетъ быть и нѣсколько дней, и меня не спанетъ. Мое дитя, моя милая Эльмина будетъ покинута сиротою, одна въ цѣломъ мѣрѣ, безъ всякой помощи, безъ защитника, въ совершенномъ убожествѣ: эта ужасная мысль приводитъ меня въ отчаянїе!

Кленвиль старался успокоить Госпожу Дюранъ. „Небо, говорилъ онъ, приметъ Эльмину подъ вѣрную свою защиту. Оно уважитъ вамъ друга. . . .“

Друга, Кленвиль! Ахъ! вы заключаете объ людяхъ по собственному вашему сердцу. Но дочь моя ничего не имѣетъ; а гдѣ найдешь друзей безкорыстныхъ? —

„Они найдутся!“ —

Ихъ нѣтъ, Кленвиль, ихъ нѣтъ!

„Но вы забыли обо мнѣ! воскликнулъ молодой человекъ, увлеченный своею чувствительностію и повинувшись первому движенію души своей — вы не доверяете моему сердцу!“

Успокойся, другъ мой, сказала Госпожа Дюранъ; сердце свое мнѣ извѣстно; я вѣрю ему; но съ своею молодостию, въ двадцать пять лѣтъ, какъ можешь быть покровителемъ шестнадцатилѣтней дѣвушки!

„Но развѣ не могу быть ея супругомъ? Такъ, милосивая Государыня, отдайте мнѣ руку Эльмины! Обѣщаюсь вамъ быть ея покровителемъ, обѣщаюсь любить ее и всѣмъ пожертвовать для ея счастья!“ —

Что ты говоришь, другъ мой? Ты не знаешь Эльмины въ лице и хочешь быть ея супругомъ!

„Но знаю, что она несчастна, и что я могу быть ей полезенъ!“

Вспомни, Кленвиль, что она нищая.

„Почему-то и нужна ей моя защита.“

Милый, добрый Кленвиль! воскликнула Госпожа Дюранъ, обливаясь радостными слезами: я соглашаюсь, и отдаю тебе мою Эльмину! Такъ, въ свои руки,

въ руки самой добродѣтели ввѣряетъ умирающая мать свое сокровище, врученное любви ей Небесами. Нынѣ же напишу въ Альминѣ, что я вышла ей супруга добродѣтельного, великодушнаго, прямо чувствительнаго сердцемъ. Черезъ недѣлю ты увидишь ее, увидишь ту, кою зрячю общаешь счастье. О Кленвилъ! безъ тебя послѣднїя минушы жизни моея были бы ужасны: теперь буду ожидать съ веселою беззаботностїю моея кончины. Ахъ! какъ много я тебѣ обязана! Для чего не дала мнѣ фортуна того богатства, копорымъ бы я могла наградишь тебя за швое безкорыстїе!

Кленвилъ успѣшилъ проситишься съ Госпожею Дюранъ, копорая осыпала его выраженїями благодарности и похвалами, прямо излившимися изъ сердца. На улицѣ встрѣтилъ онъ съ Господиномъ Фервалемъ, копорого весьма часно видалъ въ домѣ Госпожи Дюранъ и копорого уважалъ душевно. Эпотъ человекъ не имѣлъ въ себѣ ничего блистательнаго, но онъ былъ прямо честенъ, во всей обширности слова честность. Онъ любилъ Кленвила, и часно говорилъ ему, что болѣе всего на свѣтѣ желалъ бы оказашъ ему какую-нибудь важную услугу.

Позволено ли спросишь у тебя, Кленвиль, гдѣ ты былъ, и что причиною того волненія, которое написало на лицѣ швоемъ такими чешкими буквами? — сказалъ Ферваль, приближась къ Кленвиллю и подавая ему руку.

„Я былъ у Госпожи Дюранъ; ея положеніе — естли бы ты зналъ, въ какомъ она положеніи!“

Что ты говоришь?

„Я былъ душевно разстроганъ!“

Эшо и видно; лице швое не обмануло меня. Не должно грустишь! пойдѣмъ со мною; я поведу тебя въ знакомое общество, гдѣ всякая грусть сама собою должна исчезнуть.

„Мнѣ будетъ скучно!“

А я увѣряю, что будетъ весело. И развѣ унылость швоя можѣтъ поправишь состояніе Госпожи Дюранъ? Послушайся меня Кленвиль; а естли шо общество, въ которое тебя приведу, покажѣтся тебѣ скучнымъ, шо можѣшь сѣсть въ уголъ, молчашь, и естли угодно, заснушь — тебѣ не хуже меня извѣстно, что въ самомъ шуму свѣша весьма не шрудно найши уединеніе.

Кленвиль послушался Ферваля, и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ къ Госпожѣ Вернелъ,

у кошорой вѣ домѣ, развѣ вѣ недѣлю, собирались всѣ лучшіе люди провинціи.

Прошу тебя бытъ осторожнымъ, Кленвиль, сказалъ Ферваль; приближась къ дому Госпожи Вернель; ты нынче увидишь молодую Аделину Ремильи, кошорая прекрасна какъ Ангелъ. Она прѣѣхала изъ Парижа вмѣстѣ съ своею машерью, желающею купить въ окрестностяхъ нашего города землю во сто тысячъ ефимковъ. Госпожа Ремильи женщина очень любезная и самага прѣятнаго обращенія; домъ ея вѣроятно будешь изъ первыхъ въ здѣшнемъ городѣ. Береги свое сердце — дочь ея прекрасна; это роза во всемъ ея цвѣтѣ и свѣжести!

Кленвиль не обратилъ вниманія на слова Ферваля; они приходивъ. У Госпожи Вернель было множество; всѣ идущъ къ Кленвилю на встрѣчу, и самые шѣ, кошорые гораздо старѣе его лѣтами, показывающъ ему отличное вниманіе. Кленвиль отвѣчающъ на ласки съ обыкновеннымъ своимъ прососердечіемъ. Самолюбіе, кошорое въ провинціалахъ еще взыскапельнѣе, лишается своей раздражительности, и принужденность исчезаетъ въ присутствіи человека добраго, скромнаго, просшаго, кошорый кажется вамъ всегда гоповымъ

сдѣлать для другихъ то, чего и не думаетъ претребовать для себя.

Кленвиль приближается къ женщинамъ, находившимся въ горницѣ, и видитъ между ими молодую дѣвицу, ему незнакомую, но замѣвающую другихъ своими прелестями. Взоры ея нечаянно встрѣтились съ глазами Кленвиля; она покраснѣла, и съ милою скромностію опустила густыя, длинныя свои рѣсницы. Кленвиль замѣшилъ это движеніе; онъ подошелъ къ Фервалю и спросилъ: кто эта молодая дѣвица?

А! мое пророчество начинается сбываться. И такъ ты находишь ее . . .

„Очень пріятною!“

Только? похвала довольно умѣренная! Признайся лучше, что она прелестна. Это Аделина Ремилли, о которой я говорилъ тебѣ дорогою. Развѣ ты не узналъ ее по моему описанію? Видно что я весьма не искусенъ въ живописи. Характеръ Аделины спавялъ наравнѣ съ ея наружностію; а ты самъ можешь видѣть, какова ея наружность. Она воспитана прекрасно; имѣя весьма образованный разумъ, она сохранила пріятность и простосердечіе младенческаго возраста; и какая скром-

ность! какія милыя дарованія! и надобно замѣтить, что она своими дарованіями играетъ какъ въ дѣтствѣ игрушками, безъ всякаго суешаго самолюбія. Прошу однако бытъ осторожнымъ; не мудрено и влюбиться.

Кленвиль улыбнулся, и не сказалъ ни слова. Онъ приближается опять къ женщинамъ; начинаетъ вмѣшиваться въ ихъ разговоры и показываетъ по пріятное остроуміе, которое всякому нравится, которое всегда служило похвалою характера; по рѣдкое остроуміе, которое выливается изъ души, и есть не иное что, какъ натуральная способность изображать пріятно, живо и привлекательно чувства, коими душа наполнена. Его слушающъ съ удовольствіемъ и желаютъ слушать. Госпожа Ремильи внимательнѣе прочихъ. Кленвиль, увлеченный желаніемъ нравиться, желаніемъ, свойственнымъ молодости, никогда не бывалъ столь любезенъ, хотя не рѣдко съ невольною разсѣянностію глаза его успрямлялись на Аделину. Госпожа Ремильи въ восхищеніи; она приближается къ Фервалю и говоритъ ему: эшотъ молодой человекъ очень уменъ! — Вы позабыли бы хвалить его умъ, когда бы знали его сердце, отвѣчаетъ Ферваль. — Кленвиль вслушался и покрас-

нѣль, но послѣдняя похвала примирила его съ первою.

Молодые дѣвицы начинаютъ играть; Кленвиль вмѣшиваясь въ игры ихъ и чувствуешь въ сердцѣ своемъ такое удовольствіе, какого никогда еще не испыталъ прежде. Онъ сядишь подлѣ Аделины, можешь замѣчать всѣ ея движенія, слышать пріятные звуки ея голоса, чистаго и нѣжнаго, какъ звонкая гармоника. Чшобы овладѣшь его сердцемъ, любовь пріемлешь на себя очаровательный образъ непорочности и прососердечія. Дѣвица Ремиль имѣла такое лице, которое, одинъ разъ поразивши сердце, не могло не запечатлѣшься въ немъ на вѣки: въ милыхъ чертахъ ея находилось что-то столь чистое, непридуманное, непришворное, что всякой съ перваго взгляда угадывалъ ея душу; при первой встрѣчѣ она становилась совершенно для васъ знакома; и сердце Кленвиля, привыкнувъ свободно предаваться своимъ движеніямъ, покорялось безъ всякаго насилія пріятнѣйшей, непобѣдимой спрасни. Начали развѣзжаться; Кленвиль взялъ шляпу, подошелъ къ Аделинѣ, хотѣлъ съ нею говорить, смѣшался, и взоромъ своимъ, пошупленнымъ и смященнымъ, краснорѣчиво изобразилъ происходившее въ его сердцѣ.

Онъ возвратился домой въ прѣлшней задумчивости: Аделина безпрестанно представлялась его мыслямъ; двадцать разъ повпоралъ онъ въ своемъ воображеніи каждое слово, сказанное ею въ прошъ вечеръ; представлялъ себѣ ея взоры, ея движенія — большая часть ночи проведена была въ сихъ сладкихъ мечтаніяхъ; наконецъ Кленвиль заснулъ. Въ десятомъ часу ушра являешся къ нему Ферваль. Еще въ посшелъ? сказалъ онъ, отворяя двери.

„Не мудрено; глаза мои не смыкались во всю ночь, и я заснулъ уже передъ ушромъ.“

Безсонница! прекрасно — вспникъ любви! поздравляю тебя, Кленвиль, шы влюбленъ!

„Я, Ферваль?“

И. влюбленъ въ Аделину.

„Въ Аделину! . . . Эши слова озарили яркимъ свѣтомъ Кленвилеву душу. Онъ покраснѣлъ, смѣшался, не могъ говорить, наконецъ спросилъ: почему шы эшо вздумалъ?“

Для чегожь и не думаешь? великое прешупленіе влюбишься!

„Не прешупленіе, но великое нещасіе!“

Въ самомъ дѣлѣ несчастіе любишь прелестную дѣвушку, на кошорой можешь женишься, когда захочешь!

„Женишься, Ферваль! мнѣ женишься на Аделинѣ? мнѣ, бѣдняку, искашь богатой невѣссы?“

Кленвиль, можешь ли подумашь, что бы друзья твои были способны надъ тобою смѣяться? я говорю о томъ, что знаю на вѣрно. Выслушай меня: Госпожа Ремильи давно и очень хорошко мнѣ знакома; нѣсколько лѣтъ веду съ нею переписку и управляю ея дѣлами. Она опкровенно говорила со мною на счещъ своей дочери. Дочь моя, писала она ко мнѣ, довольно богата для двоихъ; въ выборѣ для нея жениха буду смощрѣшь на однѣ достойнства-нравственныя. Молодой человекъ, имѣющій доброе сердце, основательный умъ и наружность пріятную, есть супругъ, кошорато желаю найти Аделинѣ. Она просила меня помочь ей въ исканіи эшаго феникса; я нашель его, Кленвиль, и эшотъ фениксъ — ты. Я знаю себя лучше, нежели ты самъ, и кажешся я не обманулъ мою пріятельницу, сказавъ ей, что ты эшотъ молодой человекъ, съ добрымъ сердцемъ, съ основательнымъ разсудкомъ и пріятною наружностію, съ кошорымъ Аделина ея должна бышь щася:

лива. Вчера ввечеру Госпожа Ферваль говорила о тебѣ съ восхищеніемъ, и я условился съ нею, при первомъ моемъ свиданіи съ тобою сообщить тебѣ ея планъ, для исполненія котораго недостаетъ только одного твоего согласія.

„Моего согласія, Ферваль? О Небо! я не могу согласиться!“ — Оба замолчали. Ферваль смотрѣлъ со вниманіемъ въ лице молодаго человека, на которомъ изображалась тысяча разныхъ спрашекъ. — „Нѣтъ, Ферваль, продолжалъ Кленвиль, прожываясь по горницѣ въ сильномъ волненіи, не могу согласиться. Я люблю Аделину; но долженъ опровергнуть ея руку!“ Онъ объявилъ Фервалю, какое обещаніе далъ накануне Госпожѣ Дюранъ. Другъ мой, прибавилъ онъ, я не могъ видѣть, я не могъ равнодушно видѣть спрадка и слезъ этой почтенной женщины. Сходя во гробъ, она покидала свою несчастную дочь сиротою, въ бѣдности, безъ приспанища. Она просила отъ Бога одной только защиты, одного покровителя своей несчастной, оставленной Эльминѣ. Могъ ли я разсуждать? — сердце мое было слишкомъ разстрогано; я поверился первому его движенію; потребовалъ Эльмининой руки...“

И такъ ты отказываешься? . . .

„Опказываюсь отъ собесшвеннаго ща-
сшїя!“

Рѣшишельно?

„Рѣшишельно, непременно! Можешь
ли пребовашь, чшобы я, обольстивъ на-
деждою, наполнивъ радосшїю сердце Госпо-
жи Дюранъ, поразилъ его шенерь кинжа-
ломъ? можешь ли пребовашь, чшобы я
сказалъ ей . . .“

Я ничего не шребую! и чего шребо-
вашь отъ человекъна, который слѣдуешь и
хочешь слѣдовашь однимъ шолько первымъ
движенїемъ своего сердца?

„Ахъ, Ферваль! я увѣренъ, чшо бу-
дучи на моемъ мѣстѣ, и шы сдѣлалъ бы
шо же.“

Напрасно увѣренъ, мой милый другъ.
Ты безумецъ особеннаго рода, и не всѣ без-
умные имбюшъ чеспь съ шобою сходспво-
вашь. Просши; очень сожалѣю, чшо не
удалось оказашь тебѣ услуги.

„Какъ, Ферваль! шы оставляешь ме-
ня? шы въ неудовольствїи?“

Нѣшъ, Кленвиль; глупосши, подобныя
швоей, должны бышь прощаемы очень ско-
ро; но я спѣшу съ отвѣшомъ къ Госпожѣ
Ремильи; скажу ей, чшо шы не имбешъ
словъ для выраженїя швоей благодарносши
и сожалѣнїя.

„Такъ, Ферваль, благодарности! но прошу тебя, ни слова о сожалѣнїи! Сердце мое разшерзано — это правда! но могли сожалѣшь и жаловашься на судьбу свою?

Ферваль пожалъ ему руку и удалился.

Ты не жалѣешь о томъ, чего лишился? Нѣтъ, Кленвиль, великодушїе тебя ослѣпило; оно не позволяеть тебѣ измѣришь великости приносимой тобою жертвы. На глазахъ его навернулись слезы; онъ опираеть ихъ и говоритъ съ улыбкою: не безумецъ ли я? имѣю ли причину огорчашься шакъ много? Правда — я принужденъ опказашься опъ шакого супружества, которое непременно сосзавило бы мое щаспїе; но я уже не имѣю никакого права обв немъ думашь! Я навсегда подчиненъ своему слову! Общанїе, данное несчастному, драгоценно и свято. Я же нашь — и долженъ забышь шакую спрасшь, которая не успѣла еще пущишь глубокаго корня въ моемъ сердцѣ. Нѣтъ, Эльмина! несчастная дочь нѣжнѣйшей матери! сердце мое должно принадлежашь тебѣ, непорочное, тебя достойное, безъ всякаго раздѣленїя.“

Кленвиль рѣшилъ одержашь надъ собою побѣду — образъ Аделины его преслѣдовалъ, но щещенно; спрасшь можешь

только перзашь, а не обольстивъ добродѣтельнаго. Вечеру пошелъ онъ къ Госпожѣ Дюранъ, обѣщавъ самому себѣ не разлучаться съ нею до самаго прибытія Эльмины. Кленвиль надѣялся найши ее одну, и, къ удивленію своему, нашелъ у нее Госпожу Ремильи съ дочерью. Онъ испугался, не могъ сказать ни слова, покраснѣлъ какъ преслупникъ, поклонился съ великимъ замѣшательствомъ. Госпожа Дюранъ увеличила его смятеніе, сказавъ Госпожѣ Ремильи: представляю вамъ этого великодушнаго молодого человѣка, копорый, будучи шромушъ моими слезами, забылъ собственныя льготы, и самъ вызвался бытъ покровителемъ моей Эльмины; коротче: моего зяня, ушѣшишеля, друга!

„Я знаю Господина Кленвиля, ошвѣчала Госпожа Ремильи; мнѣ извѣсны его благородныя качества, его безкорыстіе, добросердечіе. Эльмина должна бытъ щаслива! Какъ ты думаешь, Аделина?“ — Аделина пошупила глаза, покраснѣла и ошвѣчала съ улыбкою: я увѣрена въ моемъ щасстіи.

Кленвиль изумился. Слышишь ли, другъ мой, спросила Госпожа Дюранъ, слышишь ли? Обойми же свою невѣсту!

„Мою невѣсту?“

Что же медлишь? не вздумалъ ли опоздаться отъ дажнаго побою слова?

„Оно священнѣе для меня жизни!“

Обойми же свою невѣстку!

„Какъ! дѣвица Ремильи?“

Моя внучка, моя Эльмина; а Госпожа Ремильи ша родсвенница, копорой я вѣбрила ея воспитаніе.

„Правосудное Небо! какое щастіе было для меня приготоовлено!“

Щастіе, шебл доспойное, добрый Клевиль!

„Вы обманули меня!“

Я хотѣла узнать короче того человека, копорому надлежало мнѣ вѣбришь единственную мою драгоценность, и щастіе моей Эльмины должно бышь моимъ извиненіемъ. Клевиль! ты вѣрно не будешь на меня досадовашь, вѣрно не будешь раскаявашься, что повиновался первому движенію своего сердца.

Клевиль не отвѣчалъ ни слова; онъ бросился на колѣна передъ Госпожею Дюранъ и оросилъ руку ея слезами воспоорга. Въ эту минушу являенся Господинъ Ферваль. „Привели ли вы Нопаріуса?“ спросила Госпожа Дюранъ.

Онъ здѣсь, отвѣчалъ Ферваль; свидѣтельный контрактъ написанъ; оспалось : : :

„Означить приданое и приложить руки“ сказал Нотариус, вошедший в эту минушу в комнашу. Ему указали мѣсто; онъ сѣлъ за столъ, вынулъ свои бумаги, взялъ перо.

Прошу объявить, Госпожа Дюранъ — сказалъ Ферваль — какое приданое назначаете вы Эльминѣ? Я люблю Кленвиля, я обѣщала ему найти хорошую невѣсту; заботиться о выгодахъ его моя должность; и такъ . . . .

„Но, Ферваль, мое состояніе вамъ извѣстно. Вы лучше меня знаете, что я по несчастію не могу дать . . . .“

Сполько, сколько бы вы хотѣли — знаю! но приданое необходимо должно быть означено в контрактѣ.

„Хорошо — пишете, Господинъ Нотариусъ! Даю моей дочери Эльминѣ Верлакѣ сто тысячъ ефимковъ, ввѣренныя мною честнѣйшему человеку в свѣтѣ, спаринному другу моему, господину Фервалю.“

Доволенъ ли ты, Кленвиль? спросилъ Ферваль.

Кленвиль прижалъ его къ сердцу, пошомъ съ восхищеніемъ бросился цѣловать руки Госпожи Дюранъ. „Кленвиль, сказала она, ты почтительнѣе меня совершенно буд-

ною — но бѣдность моя была прищворная. Миѣ удалось сохранить небольшой достатокъ прежняго моего богатства — добрый Ферваль помогъ миѣ его увеличить. Я ограничила расходы свои одною необходимостію: благодаря искусству моего друга и нѣкопорымъ неожиданнымъ пріобрѣтеніямъ, мало помалу пришла я въ прежнее цвѣтущее положеніе; но я не жопѣла перемѣнить образа жизни, къ которому привыкла — въ мои лѣта не трудно довольствоваться малымъ — и чтобы не показаться людямъ странною или скупю, условилась съ Фервалемъ не говорить никому о томъ, что я богата. Я имѣла единственную цѣлью скопить для Эльмины такое приданое, съ которымъ могла бы при выборѣ ей жениха смотрѣть на однихъ достоинствъ личныхъ. Попеченія мои, благодаря Богу, не остались безуспѣшными.“ —

Женщина удивительная! воскликнулъ въ возпорѣ Кленвиль.

„Не хвали меня, другъ мой. Скоро, можешь быть, и ты сдѣлаешься оцемъ: тогда узнаешь, что нѣтъ ничего удивительнаго въ тѣхъ пожертвованіяхъ, которыми отецъ и мать дѣлаютъ для пользы милыхъ дѣтей своихъ.“

Супружество Кленвиля и Эльмины праздновали безъ всякой пышности — счастье не имѣешь въ ней нужды. Должно ли сказывать, что оно поселилось въ жилищѣ нашихъ молодыхъ супруговъ, что оно и теперь съ ними неразлучно? Это вы угадаете. Госпожа Дюранъ спала моложе двадцатью годами. Горестныя заботы о судьбѣ Эльмины вели ее ко гробу; успокоившись на ея счещѣ, она оживилась и снова узнала счастье. А ты, добрый Кленвиль, сдѣлавшись богатымъ, не потерялъ своего добродушїя, не перемѣнилъ характера; по прежнему любезенъ, любимъ и прямо достоинъ быть счастливымъ! Встрѣчая несчастнаго, ты предаешься по прежнему первымъ движенїямъ своего сердца; иногда ими пользуясь, себя обманываешь, но ты не вступишь обманамъ. Сохрани вѣчно сїю благородную вѣтренность сердца: мы можемъ быть игралищемъ того человека, которому дѣлаемъ добро; но сдѣланное добро никогда не бываетъ обманчиво.

(Съ Французскаго.)

II.

Нѣсколько страницъ изъ записной книжки свѣтскаго челоѣка.

Умъ столько же нуженъ для красоты, какъ утренняя роса для цвѣшковъ весеннихъ.

Господинъ А. . . ., сидя на скамейкѣ въ Люксамбургскомъ саду, разсказывалъ о подвигахъ своихъ, дарованїяхъ и успѣхахъ въ обращенїи съ женщинами Господину Д. . ., котораго зналъ очень мало. Послѣднїй, наскучивъ его самохвальствомъ, вспалъ не говоря ни слова, ушелъ; а Господинъ А. осмался на скамейкѣ съ однимъ молодымъ Адвокатомъ, который спросилъ у него, какъ называли того челоѣка, съ которымъ онъ разговаривалъ? — Я не знаю его фамилїи, отвѣчалъ Господинъ А. . . мы съ нимъ иногда встрѣчались въ обществѣхъ; онъ показался мнѣ порядочнымъ челоѣкомъ; но теперь замѣчаю, что я обманулся: онъ рша опкрыть не умѣетъ. „Извините, милоспивый Государь, сказалъ Адвокатъ, я самъ видѣлъ, что онъ звѣнулъ болѣе десяти разъ.“

Женщины вообще болѣе любятъ Трагедїи, нежели Комедїи, можетъ быть отъ того, что въ первыхъ онъ предспа-

влены предметомъ обожанія, а въ послѣднихъ надъ ними смѣются.

Любовь изображается въ видѣ младенца — не оль пого ли, что она никогда не достигаетъ возраста зрѣлости и благо-разумія?

Невѣжду - говоруна можно сравнить съ Самсономъ, кошорый билъ непріятелей своихъ ослиною челюстію.

Шарлеваль говорилъ о Маркизѣ де Кеврѣ, очень умной и крошкой харашеромъ: это очень остроумный баранъ.

Маршалъ Нуаль, Маршалъ д' Эспрадъ и Господинъ Сенъ-Лоранъ, одинъ послѣ другаго, были надзирашелями Регенша въ его младенческихъ лѣтахъ, и всѣ умерли въ эпомъ званіи. Госпожа Корнюэль сказала: Герцогъ Шарпсрскій не можетъ воспишать ни одного надзирашеля; всѣ они умирающъ въ рукахъ его.

Господинъ де ла Кезне говорилъ: когда бы слуги были совершенны, шо намъ бы надлежало служишь имъ.

Погребальныя церемоніи выдуманы для того, чтобы замѣнить ими недоспашокъ сожалѣнія о покойникахъ, кошорое въ прошивномъ случаѣ не сдѣлало бы чести ни живымъ, ни мертвымъ.

Одинъ Англійскій Философъ сказалъ :
Любовь есть усладительная капля, кошо-
рую Богъ вливаетъ въ чашу человѣку,
чтобъ теченіе жизни было не споль для
него прошивно; по же самое, и еще съ
большою основательностію, можно было бы
сказать о надеждѣ.

Напрасно Форшуна закрываетъ пыш-
нымъ ковромъ навозную кучу — заишь
все слышенъ.

То, что называется человѣкъ своимъ
нещастіемъ, есть по большей части одно
необходимое слѣдствіе заблужденій его и
глупости.

Монпанъ говоритъ: роса веселости
рѣдко упадетъ на развращенное сердце.

Одинъ изъ древнихъ называется жени-
ховъ слѣпцами, которые допрогиваются
до края пропасти концемъ своего посоха.

Сколь малымъ кажется умный чело-
вѣкъ передъ глупцомъ случайнымъ!

Форшуна рѣдко благопріятствуетъ
честнымъ людямъ. Пѣна морская поди-
мается на поверхность; перлы оспаются
на днѣ.

Обыкновеніе Англичанъ пить за спо-
ломъ *тосты* бывало иногда причиною

самыхъ смѣшныхъ и странныхъ поступковъ. Сиръ Карлъ Седлей обѣдалъ въ Тавернѣ. Одинъ изъ его пріятелей предложилъ здоровье извѣстной Дамы, выпилъ бокалъ и бросилъ свои манжеты въ каминъ; всѣ послѣдовали его примѣру. Седлей, какъ и другіе, опорожнивъ свой бокалъ, принужденъ былъ бросить въ огонь свои прекрасныя кружевыя манжеты, стоившія ему весьма дорого; онъ только замѣтилъ, что шутка хороша, и что ему ни подѣ какимъ видомъ не должно оставаться въ долгу. Дни черезъ два тѣ же самые люди собрались въ Таверну. Седлей предложилъ здоровье Дамы, столь же извѣстной, какъ и первая, выпилъ бокалъ, подзвалъ дансиспа, велѣлъ ему вырвать у себя зубъ, который ужасно его мучилъ, и бросилъ этотъ зубъ въ каминъ. Всѣ бывшіе за столомъ поглядѣли въ недоумѣніи другъ на друга, и наконецъ спали просить Седлея, чтобы избавилъ ихъ отъ операціи. Но Седлей былъ непреклоненъ; не стыдно ли женскому, говорилъ онъ, не хотѣшь пожертвовать зубомъ за здоровье знаменистой красавицы! И ни одинъ изъ его пріятелей не миновалъ щипцовъ дансиспа.

Никто не можетъ смѣяться такъ часто и такъ пріятно, какъ женщина, имѣющая прекрасные зубы.

На дружбу людей такъ же мало можно полагаться, какъ и на золото химиковъ.

Лесъ — фальшивая монета, которую самые опытные знашники принимаютъ за настоящую.

Человѣкъ, который всю свою жизнь проводитъ въ изученіи однихъ языковъ, надобно сравнить съ шѣмъ, который безпрестанно собираетъ ключи, и не умѣетъ отпереть ни одного замка.

Гаррингтонъ, говоря о междуособіяхъ Англіи, употребилъ слѣдующее сравненіе: всѣ сіи пропивныя паршіи, которыя надѣлали столько шуму, и наконецъ отъ чрезвычайнаго размноженія смѣшались, можно сравнить съ щенятами, завязанными пуго въ мѣшкѣ. Они кусаютъ одинъ другаго за ноги и за хвостъ, визжатъ отъ боли, ими же причиняемой другу другу, и называютъ каждого причиною безпокойства и сраданія прочихъ.

Маркизъ Граммонъ говорилъ: не могу повѣрить, чтобы Богъ любилъ глупыхъ.

Совѣщавали Мармонтелю писать портреты. Покажите мнѣ лица! отвѣчалъ онъ.

Госпожа Меншенонъ, прогуливаясь въ Фоншенбло, смошрѣла на карповъ, кошо-

рые очень не весело плавали въ мраморной бассейнѣ. Бѣдные карпы, сказала она, имъ жаль своей грязи!

Въ дѣлахъ государственныхъ, говорилъ Болингброкъ, позволяюща бытъ нѣсколько хищрымъ, но никогда не должно обманывашь. Хищность въ полицикѣ по же, что лигатура въ серебряной и золотой монетѣ. Немного — нужно; а много уменьшаетъ и цѣну монеты.

Аббашъ Брельо, по своему знашному происхожденію и опличнымъ достоинствамъ, имѣлъ право на первыя мѣста въ государствѣ. Герцогъ Орлеанскій оставилъ его безъ замѣчанія. Графъ Брельо, братъ Аббаша, обѣдалъ однажды у Герцога, котораго спросилъ у него: каково показалось ему вино? — „Я не люблю льстить, отвѣчалъ Графъ, недавно пилъ гораздо лучше.“ — Гдѣ? — „У брата.“ — Хотѣлъ бы отвѣдать. — Аббашъ, узнавши объ этомъ разговорѣ, тотчасъ послалъ къ Регеншю шесть сотъ бушелокъ лучшаго Бургонскаго вина. Герцогъ признался, что оно превосходное, и желая заплашиться за него Аббашу, просилъ, чтобы онъ прислалъ ему щетъ. Аббашъ прислалъ ему слѣдующую записку:

Бургонское вино . . . о
600 карафиновъ . . . . . о
за перевозъ изъ моего дома въ
Пале - Рояль . . . о

И того . . . *Аббалство*
Монъ - Сень - Мишель.

Эта записка напомнила Регеншу о достоинствѣхъ Аббата, и онъ согласился дать ему по мѣсто, котораго онъ требовалъ.

III.

Анекдотъ изъ исторіи ХVІІ столѣтія.

Донъ Мелосъ, молодой Португалецъ, былъ спрасно влюбленъ въ Дону Марію. Родители были согласны соединить ихъ; но по несчастію между обоими семействами сдѣлалась ссора. Супружество разстроилось, и Донъ Мелосу запрещено видаться съ Марією. Любовники, не смотря на строгое запрещеніе родителей, сохранили привязанность другъ къ другу и часно имѣли втайнѣ свиданіе. Отецъ Донны Маріи, желая совершенно ихъ разлучить, опнесся съ просьбою къ Графу

Вейрасу, бывшему тогда первымъ Министромъ, и пребывавъ, чтобы онъ далъ повелѣнiе отослать молодаго человека въ Бразилiю. Министръ согласился на эту просьбу; но прежде хотѣлъ увидѣть Донъ Мелоса, которому и приказалъ къ себѣ явиться. Министръ надѣялся испугать его угрозами; но обманувшись въ надеждѣ, приказалъ, чтобы онъ немедленно выѣхалъ въ Америку. Донъ Мелосъ былъ въ опчаянiи, но принужденъ покориться власти — онъ прѣвзжалъ въ Бразилiю; въ это самое время Король Португальскiй умерщвленъ заговорщиками. Правительство употребляло спрочайшiя мѣры для отысканiя всѣхъ участниковъ заговора; узнали, что одинъ изъ нихъ, по имени Донъ Франческо, переѣхалъ въ Южную Америку. Прошли два года; поиски оставались безуспѣшны. Донъ Мелосъ услышалъ, что ищущъ Донъ Франческо, и мучимый спрашиваемъ желанiемъ возвратиться въ Португаллiю, рѣшился назвать себя его именемъ. Онъ ввѣрилъ мнимую тайну свою такимъ людямъ, о которыхъ навѣрное могъ ожидать предательства — и въ самомъ дѣлѣ, его схватили, посадили въ тюрьму, сновали ему руки и ноги: мѣкоторые изъ членовъ Бразильскаго правленiя предложили колесовать его, не отсылая въ Португаллiю; но Вла-

царей почелъ за нужное написать прежде къ Министру, Графу Вейрасу, что Франческо пойманъ. Министръ, надѣясь узнать отъ него о другихъ соумышленникахъ заговора, велѣлъ его немедленно переслать въ Лиссабонъ. Сіе приказаніе было исполнено. Донъ Мелосъ отправленъ въ Португаллію. Во время переѣзда сносилъ онъ жесточайшія мученія; прѣбжавши въ Лиссабонъ, долго помился въ спрашной шюрмѣ, и на всѣ вопросы отвѣчалъ единственно то, что онъ убійца Короля Португальскаго. Такая твердость вселила въ Министра любопытство увидѣвъ преслупника. Онъ приказалъ предсавить его къ себѣ ночью — и вно опишетъ его удивленіе, когда, въ надеждѣ увидѣвъ Франческо, увидѣлъ онъ передъ собою молодого Дона Мелоса! Ахъ, несчастный молодой человекъ! — воскликнулъ онъ — знаешь ли, какому ужасному жребію ты подвергался? Ты могъ быть колесованъ въ Бразиліи подъ именемъ Дона Франческо. — „Знаю, Ваше Сіятельство — отвѣчалъ Донъ Мелосъ — „я видѣлъ опасность и бросился въ нее безъ ужаса. Мучительная казнь сноснѣе для меня разлуки съ шѣмъ, что мнѣ мило: мое шерпѣніе ишощилось! или умереть, или ее увидѣть“ — Министръ молчалъ и смотрѣлъ на него въ недоумѣніи. Такая героическая спрасъ поразила

его душу: въ первый разъ въ жизни почувствовалъ онъ состраданіе. Молодой человекъ! сказалъ онъ подавая Донъ Мелосу руку: справедливость пребудешь, чтобы любовь твоя не оспалела: а была безъ награды; беру на себя говоришь съ родителями Донны Маріи и согласишь ихъ на ваше супружество. — Сіи утѣшительныя слова заславили Донъ Мелоса забышь прешерпивныя имъ спраданія. Марія не измѣнила ему: она оказала многимъ достойнымъ женихамъ, удалилась въ монастырь и хотѣла навсегда посвятить себя уединенной жизни. Министръ, который воспользовался властію своею для причиненія зла, имѣлъ щастіе загладить его; Донна Марія отдана была Донъ Меласу: не лзя изобразить ихъ щастія словами. Это произшествіе совсѣмъ неукрашенное, и почерпнутое безъ всякаго прибавленія. Сія исторія доказываетъ намъ, что натура въ чувствѣ всегда превышаетъ вымыселъ. Не лзя не признаться, что всѣ герои романовъ и трагедій далеко отстаютъ отъ Донъ Мелоса въ силѣ чувства и мужествѣ.

IV.

Баконъ, Декартъ и Локкъ.

(Смотри картинку.)

Францискъ Баконъ, родившійся въ 1560 году, преобразовалъ совершенно систему познаній человѣческихъ, и указалъ новый путь Невшону, Брилю и Локку, всступившимъ по слѣдамъ его на поприще Философїи. Бакона можно разсмапривать съ духъ разныхъ споровъ: съ одной онъ дѣлаешь честь нашурѣ человѣческой; съ другой можешь служишь доказательствомъ ея слабости. На примѣрѣ Графъ Эссекъ, любимецъ Королевы Елисаветы, былъ нѣсколько времени благодѣтелемъ Бакона; онъ впалъ въ немилость; Баконъ забывши его благодѣанїя не отказался быть орудїемъ гнѣва Елисаветы: онъ сдѣлался обвинителемъ Графа Эссена. Разсмапривая обспоятельство дѣлъ, обязанности возложенныя на Бакона, повелѣнїя Королевы и самую вину любимца, можемъ сказать въ оправданїе Философа, что онъ поступилъ такимъ образомъ болѣе отъ слабости характера, нежели отъ неблагодарности и низкаго желанїя угозить сильнымъ людямъ. Можно подумашъ — что подтверждается примѣромъ многихъ великихъ людей, великихъ въ своемъ кабинетѣ и весьма посредственныхъ на сценѣ дѣятельной

жизни, — можно подумашь, что Баконъ, рожденный для однихъ высокихъ умозрѣній, былъ не на своемъ мѣстѣ, когда управлялъ государственнымъ кормиломъ. Болинброкъ сказалъ о Герцогѣ Малбургѣ: *онъ такъ великъ, что я забываю его лорди*. Скажемъ это и о Францискѣ Баконѣ. Англійская нація, прежде судившая его строго, теперь отвратила глаза отъ слабостей того человѣка, котораго гений озарилъ ее и прославилъ. Баконъ, опсеченный отъ должностей, провелъ послѣднiя пятьлѣтiя своей жизни въ уединенiи, и въ это краткое время написалъ книги, которыя могли бы занять и прославить самую продолжительную жизнь человѣческую. Гассенди въ XVII вѣкѣ, Даламберъ и Вольтеръ въ XVIII превозносили Баконовъ гений. „Видя, сколь мысли Бакона „основательны и обширны, пишетъ Даламберъ, изчисливъ разнообразныя предметы, которыми онъ занимался, и вникнувъ въ красоты его слога, въ которыхъ „высокія выраженiя Орашора соединены съ „ясностию, порядкомъ и точностию Философа, не лзя не назвать Бакона величайшимъ, самымъ много-объемлющимъ и „краснорѣчивымъ изъ всѣхъ Философовъ... „Сначала онъ обнялъ однимъ взглядомъ „всѣ предметы естественныхъ человѣческихъ познанiй; потомъ раздѣлилъ сiя

„познанія на разныя опрасли, копорыя
 „изчислилъ и опредѣлилъ съ удивитель-
 „ною точностію; наконецъ, разобравши
 „все то, что было уже извѣстно въ его
 „время, относително къ симъ предме-
 „шамъ, сдѣлалъ обширное изчисленіе все-
 „му тому, что надлежало открытъ и
 „что оставалось еще неизвѣстнымъ. Та-
 „ковъ предметъ его превосходнаго сочине-
 „нія: *О важности и распространеніи*
 „*человѣческихъ познаній.*“ Онъ издалъ
 его въ 1605 году. Въ 1620 напечаталъ
 онъ свое сочиненіе: *О преобразованіи на-*
 „*укъ*, самое важное и наиболѣе прославив-
 „шее сего Философа. Характеръ Баконова
 „генія есть сила и обширность: онъ обни-
 „маетъ всю область мысли, и въ насто-
 „ящемъ и въ будущемъ. „Въ древней Мисо-
 „логіи — говоритъ Гара — находимъ бо-
 „жество, изображаемое съ двумя голова-
 „ми: одна изъ нихъ обращена ко време-
 „намъ прошедшимъ, и объемлетъ все од-
 „нимъ взглядомъ; другая, ко временамъ
 „грядущимъ, несуществующимъ, но для
 „нее видимымъ и присутственнымъ; по-
 „думаешь, что это эмблема и образъ Ба-
 „конова генія.“ Баконъ умеръ въ 1626
 „году, 66ми лѣтъ отъ рожденія.

✱

Рене Декартъ родился въ Турени, 31
 Марша 1596 года. Онъ учился въ Колле-

гѣи *Лафлешъ*. Въ дѣтствѣ своемъ былъ очень слабъ тѣломъ, почему и позволяли ему (въ училищѣ) вспавать позже другихъ учениковъ. Молодой Декартъ пользовался этимъ позволеніемъ, проводилъ цѣлое утро въ постель, и получилъ привычку размышлять въ тишинѣ. Такимъ образомъ сочинилъ онъ почти всѣ свои книги. — Сначала Декартъ служилъ въ военной службѣ, находился въ Голландіи, съ Мавриціемъ Нассау и въ Германіи съ Герцогомъ Баварскимъ; наконецъ, наскучивъ шумомъ военнымъ, пошелъ въ отставку и посвятилъ жизнь свою Философіи и путешествіямъ. Онъ находился въ Бредѣ съ гарнизономъ, когда предложена была славная проблема *Исаака Беекмана*. Декартъ разрѣшилъ ее, и съ того времени сдѣлался извѣстнымъ въ ученomъ мѣрѣ. — Съ 1621 года, по естѣ со времени своей отставки, по 1630й годъ онъ путешествовалъ по Италіи, Швейцаріи, Даніи, Англіи, Фландріи, Голландіи, и нигдѣ не могъ прожить долго; но съ 1630 Голландія сдѣлалась мѣстомъ всегдашняго его пребыванія, хотя и здѣсь перемѣнялъ онъ довольно часто свое жилище: изъ этого заключили, что Декартъ имѣлъ непостоянный характеръ — мнѣніе не совсѣмъ справедливое. Декартъ никогда не перемѣнялъ своего благороднаго намѣренія быть Философомъ и сохранить

изъ любви къ Философіи свою независимоспъ. Онѣ съ пвердоспїю опвергалъ всѣ дѣланнїя ему предложенїя (и самыя выгоднїя), если онѣ были несогласны съ главнѣмъ его планомъ. Онѣ предпочишалъ Голландїю другимъ мѣстамъ, потому что въ ней припѣсняемы не были писатели, и существовало свободное книгопечатанїе; но и въ Голландїи Декартъ испыталъ гоненїя, которыя оправдываютъ его привычку переѣзжать изъ мѣста въ мѣсто. Нѣкто *Воэціусъ*, педагогъ и фанатикъ, избранный въ Ректоры Университета Уптрехтскаго, запретилъ преподавать въ немъ Декартову Философію. Декартъ предвидя, что ему не спокойнѣе будетъ жить и въ Англїи, несогласился въ нее переселиться. Людвигъ XIII, или лучше сказать Кардиналъ Ришелье, напрасно старались переманить его во Францію. Французской Дворъ назначилъ ему въ пенсіонъ 2000 ливровъ, изъ которыхъ не выдали ему ни одного. Королева Христина Шведская вселила въ него болѣе довѣренности; она велѣла пригласить его въ Швецію; Декартъ нѣсколько времени отговаривался: *Я боюсь жестокаго климата Швеціи*, говорилъ онѣ; *сверхъ того цѣню свободу свою такъ дорого, что ни одинъ Король на свѣтѣ не въ состоянїи заллалить за нее*. Наконецъ неопшпунныя прозбы Ко-

ролевы побѣдили Философа; онъ сѣлъ на корабль, который прислала ему Христина, и прибылъ въ Стокгольмъ 1649 года въ Ояцѣбрѣ мѣсяцѣ. Христина первая сдѣдала ему посѣщеніе въ домѣ Французскаго Посланника, у котораго онъ оспановился. Она условилась съ Декартомъ, чтобы онъ всякое утро приходилъ въ Королевскую библіотеку давать ей уроки. Декартъ сочинилъ Уставъ Академіи, которую Христина хотѣла завести въ Стокгольмѣ и въ которой назначали его Президентомъ; онъ представилъ его Королевѣ, 1 Февраля 1650 — это было послѣднее свиданіе ея съ Философомъ. На другой день сдѣлалось у него воспаленіе въ груди — онъ умеръ 11 Февраля. Христина хотѣла, чтобы онъ погребенъ былъ на кладбищѣ Королей Шведскихъ; но Французскій Посланникъ требовалъ, чтобы Декарта положили вмѣстѣ съ Католиками. Въ 1666 году останки его перевезены были въ Парижъ и погребены торжественно въ церкви Святой Женевьевы. Декартъ былъ средняго роста и довольно спроченъ, имѣлъ блѣдное лице, взглядъ пріятный и голосъ очень нѣжный. Онъ обходился съ слугами своими какъ добрый отецъ; училъ ихъ самъ. Состояніе его было самое посредственное; но онъ не желалъ многого, и никогда ни ошъ кого не принималъ

благодѣяній. Онъ выбралъ для себя слѣдующій девизъ, который не дѣлаешь чести его современникамъ: *умѣлъ жить есть умѣлъ скрываться*. — Важнѣйшее созданіе Декартова ума есть примѣненіе Алгебры къ Геометріи. Услуга сія, оказанная Математику, прославила его; но онъ прославился бы не менѣе своею методою философствовать и прекраснымъ своимъ *Разсужденіемъ о методѣ (разпредѣлять и предлагать познанія)*. Прежде него вѣрили и повсюряли — въ этомъ единственно состояла вся наука. Онъ научилъ сначала сомнѣваться, дабы разсуждать и узнавать истинну; потомъ сохранялъ въ сочиненіи книгъ порядокъ и ясность; словомъ, онъ приготовилъ прекрасный вѣкъ Людовика XIV и вѣкъ Философіи. Система его уступила мѣсто Невтоновой. Таковъ естественный ходъ человѣческаго ума: шворенія предшественниковъ составляютъ наслѣдіе потомковъ. *Вихри и врожденныя идеи* Декартовы причислены къ вымысламъ и химерамъ. Но Декартъ силою духа своего, равнаго духу Бакона, полагалъ основаніе человѣческихъ знаній на сомнѣніи и методическомъ порядкѣ, въ то самое время, когда знаменитый Брипанецъ основывалъ ихъ на опытѣ. Инструменты, изобрѣщенные Де-

каршомъ, привели послѣдователей его въ шѣмъ опкрышїямъ, копорыхъ онъ самъ не могъ или не успѣлъ сдѣлать. И шавъ Лафоншенъ имѣлъ право сказать, что эшопъ Философъ принадлежишъ въ малому числу великихъ людей, копорымъ Греки поклонялись бы наравнѣ съ богами.

*

Джонъ Локкъ. Въ седьмомъ - мадесять столѣтїи при человекѣ, одаренныхъ великимъ умомъ, Баконъ въ Англіи, Декартъ во Франціи, Лейбницъ въ Германіи, предприняли сдѣлать всеобщее преобразование въ Философїи. Баконъ первый опкрылъ дорогу; онъ принялъ за основаніе наблюденіе Природы и опыты. Декартъ, послѣдовавший за нимъ, держался единого умозрѣнїя. Онъ мыслилъ, что человекъ долженъ и можетъ все извлекать изъ самого себя. Лейбницъ, родившійся за чешыре года до смерти Декартовой, избралъ средину, и ушверждалъ, что въ Философїи надлежитъ держаться связи умозрѣнїя съ опытами. Декартъ и Лейбницъ образовали секшу; они имѣли успѣхъ блестящїй, но краткїй. Еще при жизни Декарта разрушилось зданїе *вихрей* и *идей вроденныхъхъ*. Ученїе Лейбница мало имѣло успѣховъ и послѣ его смерти. Баконъ, напрошивъ, не сдѣлалъ секшы, но имѣлъ уче-

никовъ Философовъ — доказательство
 большей основательности его ученія — и
 между учениками его счищаютъ прехъ
 великихъ: Гасенди, который очистилъ
 дорогу, Невпона и Локка, которые объ-
 яснили правила, едва замѣченные Бако-
 номъ, и сдѣлали новыя, весьма важныя по-
 слѣдствія его открытій. Джонъ Локкъ ро-
 дился въ Августѣ мѣсяцѣ 1632го года,
 не подалеку отъ Бристоля, пять лѣтъ
 по смерти Бакона. Онъ началъ учиться въ
 Оксфордѣ, но безъ успѣха: конечно уму
 его была необходима крѣпкая пища; и въ
 самомъ дѣлѣ, онъ только тогда почувство-
 валъ пріятность ученія, когда развернулъ
 Декарта. Отъ Философїи Декартовой пере-
 шелъ онъ къ ученію Медицины, которою
 занимался не будучи Медикомъ, но ограни-
 чивъ себя единственно философическими
 умозрѣніями. Локкъ познакомился въ Окс-
 фортѣ (въ 1666) съ Милордомъ Ашлеемъ,
 бывшимъ въ послѣдствїи Канцлеромъ Ко-
 ролевства подъ именемъ Графа Шафтс-
 бури: эпистолъ челоуѣкъ поручилъ ему вос-
 питаніе своего сына и внука. Послѣдній
 отличился въ Парламентѣ краснорѣчіемъ
 и смѣлымъ характеромъ, а между Филосо-
 фами своего времени свободою и благород-
 ствомъ мыслей. Его сочиненія извѣстны.
 Канцлеръ Шафтсбури, впадши въ немил-
 ость, увлекъ за собою и Локка, который,

лишившись выгоднаго мѣста, не удостоилъ сожалѣнія пошерянной имъ фортуны. Онъ отправился путешествовать по Европѣ, и выбралъ себѣ убѣжище въ Голландіи. Англіискому Королю показалось оскорбительнымъ это переселеніе, которое назвалъ онъ бѣгствомъ, и Локка исключили изъ списковъ Университета Оксфордскаго. Нѣкоторые знашныя люди, которые любили и умѣли цѣнить Локка, вызвались оправдать его и выходитьъ ему прощеніе; но Локкъ не принялъ ихъ ходатайства: онъ не хотѣлъ получить прощенія, ибо ни въ чемъ не находилъ себя виновнымъ. Благородная гордость сія раздражила суешный Дворъ; хотѣли наказать Локка за то упорство, съ которымъ онъ отказывался выѣхать изъ Голландіи, включили его въ число непріятелей Короля, и самъ Іаковъ II потребовалъ, чшобы его выслали изъ Голландіи какъ соумышленника Монмушова; но Локкъ, который, не уважая ни Монмуша, ни его замысловъ, въ то самое время, когда Герцогъ разполагалъ очень худо свои безразсудные планы, дожанчивалъ превосходное сочиненіе свое *о разумѣ человѣческомъ*. Онъ выѣхалъ изъ Голландіи послѣ рекламаціи Короля Іакова, которая однако не была уважена. Локкъ имѣлъ не болѣе 35 лѣтъ, когда предпринялъ сочиненіе свое *о разумѣ человѣче-*

скомъ. Сказываютъ, что первая мысль къ сему сочиненію была подана ему однимъ споромъ, во время котораго Локкъ не говорилъ ни слова, но только думалъ, и наконецъ замѣшилъ, что вся трудность состояла въ однихъ словахъ, и что спорщики не понимали одинъ другаго: обративъ это замѣчаніе въ предложеніе общее, онъ началъ добираться до происхожденія идей, какъ до главной причины, проникнулъ въ источникъ мысли и доказалъ, сколь вредное вліяніе имѣло злоупотребленіе словъ на ясность и правильность размышленій нашихъ. Таково происхожденіе славной книги: *о разумѣ человеческомъ*. Нашедши основаніе истины, Локкъ захопѣлъ примѣнить ее къ двумъ важнымъ наукамъ: *воспитанію и правленію гражданскому*, и сочинилъ двѣ книги *о воспитаніи дѣтей и правленіи гражданскомъ* (изъ которыхъ много заимствовалъ Руссо въ *Эмиль и общественномъ договорѣ*). Въ послѣднемъ Локкъ возсцаетъ противъ тиранства и деспотизма, которыхъ несправедливость и вредъ доказываетъ убѣдительнымъ образомъ; а въ первой говоритъ, что образованіе шѣла и сохраненіе его здравымъ не менѣе для чловѣка важно, какъ и образованіе ума и прочихъ душевныхъ способностей. Осщальныя сочиненія Локка суть: при

письма о терлимости, или лучше ска-
зашь, въ пользу терлимости Христїян-
ской, и еще книга о разсудительномъ
Христїянствѣ.

Въ 1675 году Локкѣ переѣхалъ въ
Монпелье для поправленія здоровья: въ
Парижѣ былъ онъ принятъ всѣми учеными
съ отличными уваженіемъ. Изъ Монпелье
отправился путешествовать по Германіи
и Италіи; а въ 1690 году, когда Оран-
скій Принцъ взошелъ на престолъ Іакова
II, возвратился въ Англію. *Опытъ о*
разумѣ человѣческомъ напечатанъ былъ
въ 1697 году. Тогда Правительство об-
рашило вниманіе на Философа и не за-
хотѣло оставить его по прежнему въ бѣд-
ности; онъ сдѣланъ былъ Членомъ важ-
ной Коммерческой Коммисіи по части ко-
лоній и плантаціи — выгодное мѣсто, отъ
котораго онъ однако черезъ два или три
года отказался, предпочитая всему без-
заботность и свободу. Онъ умеръ въ 1704,
на 73 году отъ рожденія.

Характеръ сего великаго Метафизика
былъ твердый и благородный: онъ имѣлъ
душу нѣжную и полную чувствъ высо-
кихъ; не измѣнялся въ дружбѣ, и былъ оп-
тѣнно прїятель въ обращеніи; умѣлъ го-
ворить и разсказывать остро, забавно и

привлекательно. Живость характера доводила его иногда до вспыльчивости, но он утихал очень скоро, и ни минуты не помнил сдѣланнаго ему оскорбленія. Разсудокъ его наврѣшивъ былъ терпѣливъ, спокоенъ и съ удивительною легкостію переходилъ отъ понятій обширныхъ къ подробностямъ самымъ мѣлкимъ. Все полезное для человѣчества было для него привлекательно; но онъ не рѣдко говаривалъ, что механическія искусства заключающія въ себѣ гораздо болѣе Философіи, нежели всѣ высокія системы Философовъ вмѣстѣ. Онъ съ жадностію выслушивалъ совѣты, но самъ не любилъ ничего совѣтовать. *Замѣлимъ*, говорилъ онъ, *что люди по большей части пропязиваютъ къ тѣмъ, которые отваживаются подавать совѣты, не руки, а ногти.* Онъ презиралъ шѣхъ Авпоровъ, которые все хошятъ уничтожить, и ничего не умѣютъ воздвигнуть на мѣстѣ разрушеннаго ими зданія.

V.

Веселость.

Послѣ 9 го Термидора, разрушившаго могущество Робеспьера и его сообщниковъ,

когда всѣ Парижскія шюрьмы были опшво-
рены, увидѣли на стѣнахъ ихъ множе-
ство различныхъ надписей, въ коихъ не-
счастныя жертвы власполюбиваго пирана
оплакивали жалкую свою участь. Одна изъ
надписей особенностію своего содержанія
обратила всеобщее на себя вниманіе. Въ
ней спохическая Философія, подъ личиною
Французской веселости, научаешь насъ
перпѣливо сносить самыя ужасныя поло-
женія жизни :

Какъ я сижу въ шюрьмѣ, уже тому два года.
За шалости мои наказанъ видно я.

О ты, преемникъ мой! какогобъ ни былъ рода,
Въ семъ мѣстѣ бѣдшвенномъ пускай судь-
ба моя

Послужитъ для тебя урокомъ справедливымъ!
Узнай: и въ сей шюрьмѣ ты можешь быть
счастливымъ ;

Хотя въ ней прелестей уму, ни сердцу нѣтъ;
И лучшебъ я желалъ, средь рощей, на свободѣ,
Разсмашривашъ цвѣты, распуціе въ природѣ,
Чѣмъ стѣны черныя, гдѣ чуть лишь бреж-
житъ свѣтъ.

Но если запертъ кто, потъ въ выборѣ не-
воленъ,

А долженъ тѣмъ, что есть, повсюду быть
доволенъ.

Науки шайна сей ни мало не шрудна :

Скажашъ ли вамъ ее? — Веселость, вошъ она!

Веселость можешъ всѣ украсить намъ пред-
меты:

Она печальное пріятнымъ сотворитъ ;
Лишеніе богатствъ, мірскихъ суетъ расчешы,
Неволю самую забудь она велишъ.

Не огорчаюсь я оковами моими ,
Цѣпями какъ дитя брэнча , смѣюсь надъ
ними.

Не тѣми же ли я гремушками игралъ
И прежде въ свѣтѣ семъ , гдѣ , скованный
спрастями ,

Или раскаянье, иль чувствъ обманъ встрѣчалъ?
Здѣсь болѣ не смятуть мірскими суедами.
Заноты , скуку я отсель изгналъ навѣкъ ,
Что столькихъ богачей терзають мрачный
вѣкъ.

Въ шюрэмъ моей ни что крушитъ меня не
можешъ.

Холодная стѣна , соломенна постель ,
Убогой мой нарядъ, и мышъ, котора въ щель
Прокравшись къ сонному , на мнѣ колпакъ
мой гложешъ ,

Все то меня смѣшитъ. — Напрасно изъ друзей,
Собравшись нѣсколько къ окну моихъ дверей,
Стояшъ въ уныніи , нахмурясь совою ,
И плакашъ заставляшъ хотяшъ меня съ собою;
Я утѣшаю ихъ смѣясь , говорю :

„Друзья ! за вашу скорбъ я васъ благодарю.
„Но можешъ ли она мою смягчить судьбину?
„Ошворитъ ли мнѣ дверь и страшный сей
замокъ ,

- „Котораго въ снѣнѣхъ я вижу половину? —
„Безъ пользы сѣшовать почти всегда порокъ.
„Ошкоть уйши нельзя, шамъ лучше оста-
вашься.
„Чуланъ мой непригожъ, я долженъ въ помѣ
признаться;
„Въ немъ бронза, ни ковры не встрѣтятъ
ся глазамъ;
„Богатство здѣсь мое не ослѣпитъ собою;
„Но къ жизни нужное вы все найдете шамъ.
„Вошъ хлѣба мой кусокъ, и кружка вошъ
съ водою:
„Я съ ними сѣгоду, ни съ жажды не умру.
„Въ снѣнѣхъ опверстѣе, какъ будто по неволѣ,
„Едва лишь воздуху даетъ для входа поле;
„Но задохнувшись шумъ никакъ я не могу.
„Столъ эшотъ не пригожъ, червями поиз-
гланъ;
„Но можешь мой обѣдъ на немъ всегда быть
поданъ.
„А стулъ сей, подъ собой при ножки лишь
храня,
„Хотя шашается, но держитъ онъ меня.
„Когда шюремный спражъ, и грубый и до-
кучный,
„Приноситъ для меня престошій мой обѣдъ,
„Которому одинъ лишь голодъ вкусъ даетъ;
„Когда ключей его я слышу звукъ прескучный,
„На встрѣчу съ радостнымъ лицомъ къ не-
му сѣшу,
„Учшице кланяюсь, и въ мигъ его смѣшу. ♣

„Отъ этого обѣдъ приноситъ онъ вкусаѣ,
„И Церберъ для меня становится добраѣ.
„Друзья любезные! въ злой, доброй ли судьбѣ,
„Украсьте жизнь свою веселости цвѣтами.

Теперь, преемникъ мой! скажу опять тебѣ:
Учись, подобно мнѣ, смѣяться надъ бѣдами;
И если нѣкогда ты будешь у дверей,
Гдѣ смерть въ судилищѣ разитъ косою же-
лѣзной,
Заспавъ, коль можешь, тамъ смѣяться ты
судей;

Тогда и приговоръ дадутъ тебѣ полезной.
Съ покоемъ здѣсь живи. Чуланъ оставя сей,
Охотно промѣнюсь жилищемъ симъ съ побою.
Оно въ жары тепло и холодно зимою.
Но если ты когда захочешь какъ-нибудь
Сыскать на улицу опсюда тайный путь;
Повѣрь мнѣ, весь твой трудъ останется
напрасенъ:

Здѣсь плѣнникъ можетъ быть на вѣки без-
опасенъ,
И стѣнъ незыблемыхъ, въ кошорыхъ онъ
живетъ,

Алькида самого рука не пошрясетъ.
Спрошешь злобный ихъ, съ искусствомъ не-
понятымъ,
Вездѣ пожертвовалъ полезному пріятымъ.

Д. Б — съ.

VI.

Надпись къ моему портрету.

Въ затѣяхъ, въ замыслахъ полѣвка я провелъ;
Желалъ спокойствіемъ душевнымъ наслаж-
даться . . . . .

Но, ахъ! нигдѣ его въ семъ мірѣ не нашелъ! . . .
Чтожь дѣлать? перестать за суетой го-
няться . . . . .

Кіевъ. 19 Мая 1809.

Б.

ПОЛИТИКА.

VII.

Статистическія извѣстія о Швеціи.

Можетъ быть никогда глаза просвѣщенныхъ жителей Европы не взирали на Швецію такъ пристально, какъ нынѣ; ибо кажется, что и для сего королевства скоро ударитъ часъ послѣдній. Еслижъ оно какимъ-либо случаемъ и спасется, что однакожъ не весьма вѣроятно; то конечно лишась немалой части пространства своего и могущества, и едва ли удержитъ независимость свою по прекращеніи сей несчастной, необдуманной борьбы, которую она за два года передъ симъ, для спокойствія сѣверной Германіи, для блага Даніи, а можетъ быть и для приближенія времени общаго мира, окончить могла, но не захотѣла.

Не обо многихъ областяхъ имѣемъ столь вѣрныхъ статистическихъ извѣстій, какъ о Швеціи. Число жителей очень не велико въ сравненіи съ обширностію сего государства, давно уже опустошеннаго па-

губною войною; шѣмъ ревностнѣе правительство въ разныя времена желало удостоверить въ состояніи числа жителей и другихъ источниковъ внутреннего богатства, чтобы судить по онымъ о силахъ государственныхъ. Кажется однакожь, что наконецъ уже оно совсѣмъ не заботилось о подобныхъ изслѣдованіяхъ, вознерадѣло о правилахъ самой простой полициии и оставило все на произволъ случая.

Ниже слѣдующъ нѣкоторыя извѣстія о Швеціи, взятыя изъ достоверныхъ источниковъ.

Въ 1746 году учреждена въ Стокгольмѣ особая Коммиссія, въ которую всѣ Консиспориіи должны были доставлять свѣденія обо всемъ касающемся до народонаселенія. По обстоятельномъ изслѣдованіи и починѣмъ соображеніи открылось, что 1750 года Швеція, вмѣстѣ съ Финляндією, вмѣщала въ себѣ 3,181,130 душъ и земли 6,660 миль квадратныхъ.

Въ Финляндіи по счету, составленному изъ вѣрныхъ донесеній, нашлось жителей 837,151. Сіе число съ того времени значно увеличилось. А какъ по обстоятельнымъ политическимъ сія обширная провинція въ Швеціи болѣе уже не принадле-

жищъ; по число жищелей въ семъ государствѣ конечно шеперь не превышаетъ 2,300,000.

Число жищелей по классамъ народовъ раздѣлялось тогда такимъ образомъ: 600,000 было Финландцовъ, 20 000 Лапландцовъ и 2,560,000 природныхъ Шведовъ.

Въ 1795 году жищелей дворянскаго сословія, мущинъ, женщинъ и дѣшей считалось 11,934 человекъ; духовнаго 16,282; ученаго, начиная отъ Профессора до сельскаго учищеля, 1578; мѣщанъ 283,164; досщальная часть состояла изъ поселянъ всякаго рода: земледѣльцовъ, рудокоповъ, рыбаковъ и проч.

Знащнвѣйше города въ Швеціи были тогда: Стокгольмъ, Готтенбургъ, Карлскрона, Норкепингъ, Упсала, Колмаръ, Гедемира, Вестересъ, Никепингъ, Уддевалла, Лундъ, Мальмое, Христїансандъ, Испадъ и Висби. Между сими, пещнащашью городами были и шаще, которые имѣли въ себѣ жищелей отъ двухъ до трехъ тысячъ.

Вообще въ Швеціи привилегированныхъ городовъ считаещси 82, шо ещъ шакихъ, кои имѣющъ право посылащ на государственный сеймъ своихъ депутащовъ. Но кромѣ сихъ городовъ, точно какъ въ Англїи, ещъ и шаще, которые промыслами и числомъ жищелей превос-

ходящѣ привилегированныя, сами не имѣя права участіювать на сеймѣ; шакова на примѣрѣ Люеска, гдѣ при двухъ тысячахъ жилищей находится желѣзный заводъ, лучший изъ всѣхъ въ Швеціи; попомѣ Дропнигольмѣ, копорой называющѣ Шведскою Варсальею, и въ копоромѣ считающѣся до чешырехъ тысячъ жилищей; Тролгетина, лежащая при каналѣ погожь имени, содержащѣ въ себѣ 3,500 жилищей, и проч.

Во всѣхъ большихъ городахъ и малыхъ мѣстечкахъ Шведскихъ въ 1795 году сочтено 285,164 человека, въ 46,859 семействѣхъ. Вообще число городскихъ жилищей къ числу поселянъ содержалось какъ 1 къ 10.

Шведскіе города не должны бытъ сравняемы съ городами прочихъ земель Европейскихъ. Тамъ невидно ни праздныхъ гражданъ, ни бесполезныхъ слугъ, ни чужестранцовъ, ни пупешественниковъ, ошъ копорыхъ число жилищей въ другихъ мѣстахъ значно увеличивается. Въ Швеціи живутъ въ городахъ одни фабриканты и торговые люди. Гдѣ только ошпырываются признаки, благопріятныя для заведенія рудника, учрежденія приспани или порта; шамъ потчасъ появляющѣся люди, и заводятся селеніе, копорое шановишя городомъ и приходитъ въ цвѣтущее со-

склоніе; между тѣмъ многіе изъ старинныхъ привилегированныхъ городовъ, по причинѣ или неудобности своего мѣстоположенія, или обмѣлѣвшихъ рѣкъ и пристаней, лишились прежнихъ выгодъ и теперь находящіяся въ совершенномъ упадкѣ.

Въ Швеціи ежегодно рождается отъ 98,000 до 100,000 душъ. Въ числѣ 27 человекъ 10 полагаются женатыхъ и замужнихъ. Съ 1798 года замѣчено, что число незаконнорожденныхъ дѣтей къ законнымъ содержишься какъ 1 къ 21. Число умирающихъ ежегодно простирается до 76,297. Среднее число въ содержаніи рождающихся къ умирающимъ какъ 3 къ 4; излишекъ рождающихся ежегодно простирается до 20,000 и до 22,000.

Климатъ въ Швеціи самой здоровой; отъ того люди тамъ по большей части долговѣчнѣе, нежели въ другихъ странахъ Европы. При хорошемъ климатѣ полезныя заведенія много еще способствуютъ сохраненію въ простомъ народѣ здоровья, о которомъ правительство весьма печется. Надзоръ надъ оными заведеніями ввѣренъ учрежденной въ 1688 году Медицинской Коллегіи, которая имѣетъ при себѣ анатомическую театръ и домъ для родильницъ. При всѣхъ отдѣленіяхъ правительствѣ опредѣлены врачи, которымъ пору-

чено смошрѣшь за богадѣльнями и за общесшвенными заведеніями. Съ 1756 году прививаніе оспы всѣми приняшо въ Швеціи; нынѣ коровья оспа равнымъ образомъ безъ шруда введена во всеобщее упошребленіе и даже въ опдаленныхъ провинціяхъ. Во всей Швеціи бѣдные люди получаюшъ лѣкарства безденежно.

(Съ Нѣмецкаго.)

VIII.

Придворный, гражданскій и военный штатъ Французской Имперіи.

Недавно вышедшій въ свѣтъ *Almanach Impérial*, или *Французской Государственный Календарь* на текущій годъ, содержишь въ себѣ много важнаго для спашисшиковъ. Сообщаемъ читателямъ Всшника извлеченіе изъ спашьи Гамбургскаго Полишическаго Журнала.

Въ первой главѣ, въ кошорой помѣщены Европейскіе Государи съ ихъ Фамиліями, Кардиналы, Минисшры и проч., главное мѣсто занимаетъ *Французская Имперія*. Въ ней заключаешся: 1е *Франція* — Имперашоръ Наполеонъ, Имперашрица Иозефина, при браца Имперашора, Иосифъ, Лу-

довикъ и Геронимъ (объ Лукіанѣ умолчано), при сестры Наполеоновы, мащерь его Марія Летиція, Принцъ Камиллъ Боргезе Герцогъ Гваспальскій, Принцъ Евгеній-Наполеонъ, и супруга наслѣднаго Принца Баденскаго Стефанія-Луиза-Адріанна-Наполеонъ; 2е *Италія*; 3е *Сицилія* — Іоаннимъ-Наполеонъ, Король; 4е *Римъ* — Папа Пій VII, Варнава Кіарамонши; 5е *Лукна и Піомбино* — Князь Феликсъ; 6е *Голландія*. За Французскою Имперією слѣдуютъ Рейнскій Союзъ. Пошомъ: Австрія, Англія, *Бразилія*, Данія, Испанія, Соединенныя обласши Сѣверо-Американскія, Пруссія, Россія, Швеція, Швейцарія, Невшашель, Турція и Валлизская обласъ. О *Португалліи*, о Фамиліи Карла IV и братѣ его, пребывающемъ въ Палермо, совсѣмъ неупомянушо.

Великихъ чиновниковъ Имперіи счятаешся девять: Король Испанскій *Великій Избиратель*; Король Голландскій *Коннетабль*; Король обѣихъ Сицилій *Великій Адмираль*; Герцогъ Пармскій (Камбасересъ) Принцъ *Архиканцлеръ Имперіи*; Герцогъ Паченцскій (Лебрювъ) Принцъ *Главный Сокровище-хранитель*; Вице-Король Италіи *Государственный Архиканцлеръ*; Принцъ Невшашельскій *Вице-Коннетабль*; Принцъ Беневенцскій *Ве-*

ликій Вице-Избирапель ; Принцъ Боргезе Генераль-Губернашоръ Заальпійскихъ департаментовъ.

Министерство состоишь изъ десяти Министровъ, которые всѣ имѣють Графское достоинство. Къ числу великихъ офицеровъ Имперіи принадлежатъ : 12 Маршаловъ, 4 Сенатора, 8 Генераль-Инспекторовъ и Генераль-Полковниковъ и 6 великихъ гражданскихъ чиновниковъ, въ числѣ коихъ находится Оберъ-Шпалмейшеръ Герцогъ Виченцскій (Коленкуръ).

Французскій Сенатъ состоишь нынѣ изъ Принцевъ Императорской Фамиліи и Принцевъ Имперіи, или великихъ чиновниковъ, и сверхъ того изъ 113 членовъ, въ числѣ коихъ находящся два Герцога, Принцъ Лукскій и Пјомбинскій и Кардиналь Фешъ. Всѣ прочіе Сенаторы суть Графы, кромѣ *Лукиана* и еще двухъ.

Государственный Совѣтъ, кромѣ Императора, которой въ немъ предсѣдательствуетъ, также кромѣ Принцевъ и Министровъ, имѣеть 59 членовъ, изъ коихъ 32 получили уже Графское достоинство. Первействуетъ въ законодательномъ корпусѣ великій Магистръ Императорскаго

Университета Графъ Фоншанъ. Въ Верховномъ Императорскомъ судилищѣ предсѣдательствуетъ Принцъ Архиванцлеръ Имперіи.

Знаками почетнаго Легіона большаго креста, кромѣ Императора, и Королей Испанскаго, Голландскаго и Сицилійскаго, украшены 64 Француза, да въ Имперіи 49 кавалеровъ, изъ коихъ большая часть Государя и Князя. Великихъ офицеровъ счисляется во Франціи 132, въ Имперіи 3. Орденъ Желѣзной короны, Гросс-Мейстеръ коего есть самъ Императоръ, имѣетъ 16 великихъ Дигнитаріевъ; въ числѣ ихъ 13 Французовъ.

Генеральный Штабъ Французской арміи состоитъ изъ трехъ *Поручиковъ* Е. В.а. Они суть: Король Испанскій, главноначальствующій надъ Французскими войсками въ Испаніи; Король обѣихъ Сицилій, главноначальствующій надъ Французскими войсками въ Неаполишанскомъ королевствѣ; Принцъ Евгеній, Вице-Король Италіи, имѣющій главное начальство надъ Французскими же войсками, въ семъ королевствѣ находящимися. Далѣе, сюда принадлежатъ 12 Маршаловъ и 4 Сенатора съ Маршальскими званіями (Герцоги Вальми и Данцигскій и Графы Периньонъ и Серрюрье);

8 Генераль-Инспекторовъ и Генераль-Полковниковъ, 157 дивизионныхъ Генераловъ, 283 бригадныхъ и 137 начальствующихъ Адъютантовъ. Корпусъ жандармовъ находится подъ ведомствомъ и управленіемъ Маршала Герцога Конельяно (Монсея); въ ономъ считается 17,951 человекъ вмѣстѣ съ 713ю офицерами. Артиллерія состоитъ изъ 8 полковъ пѣхотныхъ, 6 полковъ конныхъ, 2 баталіоновъ понтонерныхъ, 16 ротъ масперовыхъ, 4 роты оружейныхъ масперовъ, 26 баталіоновъ обоза, 111 ротъ канонеровъ береговыхъ (*gardes-côtes*), 28 ротъ канонеровъ неподвижныхъ (*sédentaires*) и 18 ротъ вешеран-канонеровъ. Въ Инженерному корпусу принадлежатъ: Генеральный Штабъ, 9 ротъ минеровъ, 5 баталіоновъ саперовъ, обозъ и шакъ называемая инженерная спража. Въ пѣхотѣ считается: 90 полковъ линейной инфантеріи, и 27 полковъ легкой. Конница состоитъ изъ 2 полковъ карабинерныхъ, 12 карасирскихъ, 30 драгунскихъ, 24 конноегерскихъ и 10 гусарскихъ. Въ гвардіи: Генеральный Штабъ, корпусъ пѣхотныхъ гренадеръ, корпусъ пѣшихъ егерей, 2 полка фузилеръ, корпусъ гренадеръ конныхъ съ эскадрономъ велиповъ, корпусъ драгунъ съ эскадрономъ велиповъ, корпусъ конныхъ егерей съ эскадрономъ велиповъ, корпусъ легкокон-

ныхъ Поляковъ, корпусъ легкой артиллеріи съ паркомъ, масперовыми и ескадронъ велишовъ, легіонъ жандармовъ, 2 баталіона артиллерійскаго обоза, баталіонъ машросовъ, принадлежащая къ коннымъ егерямъ рота мамелюковъ, и рота вешеранъ, принадлежащихъ къ пѣхотнымъ гренадерамъ.

При національномъ собраніи Франція раздѣлена была на 83 департаментъ; нынѣ Имперія сія состоитъ изъ 127 департаментовъ. Новоприсоединенныя области суть: Савоя, Ницца и Женева, изъ коихъ составлено 3 департаментъ; Генного, бывшій Австрійскій Брабантъ, Липшихъ и проч. заключающа въ 9 департаментовъ; лѣвой Рейнской берегъ прибавилъ 4 департаментъ; Пьемонтъ и область прежней Лигурійской республики — 8 департаментовъ; Герцогства Парма и Пiacенза 1 департаментъ; Тоскана 3 департаментъ. Колоніи раздѣлены на 12 департаментовъ.

Сенскій департаментъ содержитъ въ себѣ 631,531 жителей, изъ коихъ 547,756 находятся въ самомъ Парижѣ.

Число особъ, получившихъ Герцогское достоинство, расширяется во Франціи уже до 20 ши.

IX.

О новомъ наследственномъ дворянствѣ во Франціи.

Марша 1 числа 1808 года Франція опять получила дворянское сословіе, уничтоженное прежнею констишущіею. Права нынѣшняго Французскаго дворянства не сходствуютъ съ правами дворянства, существующаго въ другихъ просвѣщенныхъ государствахъ Европы.

Въ намѣреніи Обладателя Франціи опнюдь небыло возстановишь прежнее дворянство, хошя фамиліямъ и предоспавлено право пользоваться шипломъ наследственнымъ, и хошя старшій сынъ получаешъ опцовское достоинство съ имѣніемъ; нѣшъ, новый спатушъ сдѣланъ для того, чшобы совершенно испребити даже корни древа, рукою времени поверженнаго.

Новое устанавленіе должно послужишь не къ тому шолько, чшобы престолъ Императорскій озаренъ былъ блескомъ, приличнымъ его достоинству; но чшобы въ сердцахъ Французовъ пишашъ достохвальное соревнованіе. Памяшь знаменитаго предка должна бышь вѣчною, должна свидѣтельствовашъ передъ потомствомъ о воздаяніи за оказанныя услуги. Новой по-

рядокъ не полагаетъ въ прочемъ никакой преграды между гражданами; различіе и поспешности въ званіяхъ не нарушаютъ ни чьихъ правъ, и всѣ Французы равны предъ лицомъ закона. Дарованіямъ и добродѣтельнымъ подвигамъ открыто свободное поле. Преимущества, которыми награждаются заслуги, не будутъ оскорбительны для гражданина гоповаго опличиться такими же заслугами; напрошивъ того они въ каждомъ подкрѣпятъ надежду на правительство, которое обращаетъ вниманіе свое на подвиги, опечесиву полезные.

Сими причинами руководствуясь, Императоръ Наполеонъ издалъ сташувъ объ учрежденіи наследственнаго дворянства, предложенный Сенату и записанный въ его журналъ, слѣдующаго содержанія:

„Наполеонъ, Божіею милостію и проч. Разсмотрѣвъ пошановленіе Сената отъ 14 Августа 1806 года, мы опредѣлили и учредили слѣдующее:

1е. Всѣ Великіе Чиновники Имперіи должны имѣть шишуль *Принца и Свѣлости.*

2е. Старшему сыну Великаго Чиновника Имперіи дозволяется имѣть шишуль *Герцога*, когда онецъ укрѣпитъ за нимъ недвижимое имѣніе, приносящее

доходу ежегодно по 200,000 франковъ. Сей шипуль и имѣніе должны переходить въ попомство мужескаго пола законное и усыновленное, по порядку первородства.

3е. Великіе Чиновники могутъ для старшихъ или первыхъ по нимъ сыновей своихъ предназначать имѣнія, съ коими сопряженъ будетъ шипуль Графскій или Баронскій, на основаніи распоряженій, о коихъ ниже упомянуто.

4е. Наши Министры, Сенаторы, Члены Государственнаго Совѣта, Президенты Законодательнаго Корпуса и Архіепископы должны имѣть шипуль Графскій. Для того будутъ приготовлены имъ патенты съ нашею большою печатью.

5е. Тѣ, коимъ принадлежитъ сей шипуль, могутъ передать его своему законному и усыновленному попомству мужескаго пола по порядку первородства, а Архіепископы избраннымъ своимъ племянникамъ; они объявляютъ о томъ Архиканцлеру Имперіи и получаютъ нашъ патентъ на условіяхъ, ниже упомянутыхъ.

6е. Ищущій шипула долженъ по формѣ, какая ошъ насъ опредѣлена будетъ, объявить чистаго дохода 30,000

Франковъ отъ имѣнїя, которое можетъ перейти къ наследникамъ. Третья часть того имѣнїя предназначилъ въ пользу шишула, въ четвертой сшаши упомянутого, и особъ, которые пользуются будущимъ шишуломъ.

7 е. Получающіе шишулъ по силѣ четвертой сшаши могутъ предназначить для старшихъ, или первыхъ по нимъ, сыновей своихъ имѣнїе, съ которыми на нижеслѣдующихъ условїяхъ сопряженъ шишулъ Баронскій.

8 е. Президенты нашихъ Избирательныхъ коллегій, первый Президентъ и Генералъ - Прокураторъ Кассационнаго суда, первый Президентъ и Генералъ - Прокураторъ нашей Счетной каммеры, первые Президенты и Генералъ - Прокураторы нашего Апелляционнаго суда, Епископы, Меры добрыхъ нашихъ 37 городовъ, имѣющіе право быть при нашемъ вѣнчанїи, пользующся по смерти своей Баронскимъ шишуломъ, а именно — Президенты Избирательныхъ коллегій, выслужившіе при срокахъ въ настоящемъ званїи, первые Президенты, Генералъ - Прокураторы и Меры, которые, опирая должности свои уже 10 лѣтъ, заслужили нашу признательность.

9е. Распоряженія въ 5й и 6й статьяхъ содержащіяся касающіяся до шѣхъ, но въ все время жизни своей пользующіяся Баронскимъ шишуломъ. Они должны однакомъ объявить чистаго дохода 15,000 франковъ, изъ коихъ шретья часть предназначается для шишула ихъ и для шѣхъ, которымъ онъ доставляется по наследству.

10е. Члены Избирательныхъ коллегій, выслужившіе при срока съ правомъ на нашу признательность, могутъ являться у Архиканцлера Имперіи, и просить чтобы мы пожаловали имъ Баронскій шишулъ. Однакомъ шишулъ сей тогда только будетъ предоставленъ законному и усыновленному потомству ихъ мужескаго пола по порядку первородства, когда просители объявятъ чистаго дохода 15 000 франковъ, изъ коихъ шретья часть предназначится въ пользу шишула и шѣхъ, которымъ онъ доставляется по наследству.

11е. Члены почетнаго Лейона, и шѣ кои въ будущее время получатъ сіе ошличіе, носящъ на себѣ шишулъ Кавалеровъ.

12е. Сей шишулъ можетъ перейти въ законное и усыновленное потомство мужескаго пола по порядку первородства, когда Кавалеръ, явившись у Архиканцлера

Имперіи для полученія пашенша, объявить по крайней мѣрѣ 3,000 франковъ чистаго ежегоднаго дохода.

13е. Мы предоставляемъ себѣ жаловань шишулы, какіе намъ заблаго разсудится, Генераламъ, Префекшамъ, гражданскимъ и военнымъ чиновникамъ и прочимъ подданнымъ нашимъ, опличающимся оказанными государству услугами.

14е. Подданные наши, копорымъ пожаловали мы шишулы, не могутъ употреблять иныхъ гербовъ и ливрей, кромѣ шѣхъ, какіе означены въ пашеншѣ.

15е. Запрещаемъ всѣмъ подданнымъ нашимъ присвоивать себѣ шишла и названія, коихъ они ошѣ насѣ не получили; а чиновникамъ, жошарїусамъ и другимъ запрещаемъ именовать ихъ оными шишлами; при чемъ симъ подтверждаемъ нынѣ существующіе законы прошивъ нарушителей. Данъ въ нашемъ Тюйлъерїйскомъ Дворцѣ 1 Марта 1808.

Подписано: *Наполеонъ.*“

И такъ сей спашупъ показываеѣтъ дѣйствительно, что прежнее Дворянство не возстановлено во Франціи; ибо прежде во Франціи, шочно какъ нынѣ во всѣхъ

просвѣщенныхъ государсвахъ, благородное званіе само въ себѣ заключалось: шишуль принадлежалъ лично особѣ, не будучи соединенъ съ имѣніемъ, и дворянство доспавалось наследнику, хотя бы имѣніе было прожито. Напротивъ того по новому спашушу во Франціи иѣшь наследственнаго дворянскаго доспоинства, которое распроспраняло.ь бы на все пспомство; дворянинъ не пользуется никакими особенными преимуществами и права его шѣже, какія законъ даетъ вообще всѣмъ гражданамъ. Званіе получается въ наследство не иначе какъ съ имѣніемъ, которое доспавляло бы вѣрный доходъ шому, кто носитъ на себѣ шишуль. Слѣдственно потеря имѣнія неминуемо влечетъ за собою потерю и дворянскаго доспоинства, невзирая на заслуги, коими оное пріобрѣтается.

Х.

Извѣстія и замѣчанія.

Мая 10 числа Французское войско подспуило къ Вѣнѣ, и жишелями предмѣстій было принято очень миролюбиво; но въ самомъ городѣ пригшовлялись къ упорной оборонѣ. Въ продолженіе двухъ дней палили по предмѣстіямъ; Францу-

зы не отвѣчали на пальбу, ожидая пока возвратишься посланный въ крѣпость съ предложеніемъ о сдачѣ. Императоръ Наполеонъ возчувствовавъ негодованіе, отъ того что предмѣстія опустошаются самими городскими жишелями, и разсудивъ, что излишнее снизхожденіе можетъ ободришь ихъ къ продолжительной оборонѣ, съ 11 на 12 число ночью приказалъ бросить нѣсколько бомбъ въ крѣпость. Ерцгерцогъ Максимиліанъ, опасаясь, чтобы не опрѣзали ему пуши, поспѣшилъ удалиться изъ Вѣны, и ввѣрилъ по себѣ начальство Генералу Орельи, который пошчасъ отправилъ депушатовъ къ Императору Наполеону. Подписанъ договоръ о сдачѣ крѣпости и гарнизона, и Французы вошли въ самую столицу. Въ дневномъ приказѣ Императора Наполеона, данномъ 13 Мая въ Шенбрунѣ, между прочимъ сказано, что „Принцы оставивъ столицу, подобно Медеѣ, умершвили дѣшей своихъ собственными руками“ : сіе, какъ думашь должно, относится до пальбы изъ крѣпости по предмѣстіямъ.

Императоръ Наполеонъ 15 Мая подписалъ въ Шенбрунѣ прокламацію слѣдующаго содержанія :

„Венгерцы! Австрійскій Императоръ, нехранящій договоръ, позабылъ о вели-

кодушїи , съ каковымъ поступилъ я по окончанїи войны проекрашной , а особливо послѣ войны 1805 года ; онъ учинилъ нападенїе на мои войска. Я встрѣпилъ сїе несправедливое нападенїе. Богъ , дашель побѣды , наратель неблагодарныхъ и вѣроломныхъ , явилъ благоволенїе свое о моемъ оружіи. Я вступилъ въ столицу Австрїи , и нахожусь на вашихъ предѣлахъ. Войну объявилъ мнѣ Австрїйскїй Императоръ , а не Король Венгерскїй. По вашей конспишуцїи онъ не могъ шого сдѣлать безъ вашего согласїя ; система ваша , которая всегда была оборонительная , и мѣры , приняныя вами во время послѣдняго сейма , доспаночно показали мнѣ , что вы желали оспашься въ покоѣ.“

„Венгерцы ! насшала для васъ минута опять получишь свою независимость. Предлагаю вамъ миръ , непремѣнную цѣлосшь вашихъ владѣнїй , свободу вашу и законы ; вы можете оспавишь ихъ шаними , какими были прежде ; можете шанже перемѣишь ихъ по своему благоусмопрѣнїю , соображаясь съ духомъ времени и съ выгодами вашихъ согражданъ. Ничего отъ васъ не шребую ; желаю шолько видѣшь васъ народомъ свободнымъ и независимымъ. Союзъ вашъ съ Австрїею былъ виною вашего несчастїя. Ваша кровь шела за нее въ странахъ да-

лекихъ, и существенныя выгоды ваши всегда приносимы были на жертву выгодамъ наследственныхъ ея областей. Вы составляли прекраснѣйшую часть Имперіи; несмотря на то, съ вами всегда поступали какъ съ провинціею, отдаваемою на произволъ страсшей совершенно вамъ чуждыхъ; вы имѣете народныя свои обычаи, свой собственнй языкъ; достойно хвалились древнимъ и знаменитымъ своимъ происхожденіемъ: такъ отдайте же себя бытїе, приличное народу. Будьте тѣмъ, чѣмъ были вы прежде. Дайте себя Королю, которой только вашему выбору обязанъ былъ бы за свою корону; которой для васъ бы только царствовалъ; жилъ бы между вами; окруженъ былъ бы только вашими гражданами и вашими войсками. Венгерцы! вопъ чего пребудете отъ васъ Европа, на васъ обращающая нынѣ свои взоры! вопъ все, чего и я отъ васъ желаю: спокойнаго мира, торговыхъ сношеній со мною, прочной безопасности; вопъ прекрасный жребій, которой васъ ожидаетъ; ежели только вы захопите быть достойными своихъ предковъ и себя самихъ!“

„Вы не опвергнете споль великодушныхъ предложеній, и не захопите драгоцѣнную кровь свою проливать за слабыхъ

Принцовъ, бывшихъ всегда подчиненными подкупленнымъ министрамъ, которыми давала свое золото Англія — сія непріятельница швердой земли, основавшая богатство свое на исключительной торговлѣ и на нашихъ раздорахъ, “

„Соберите общенародный сеймъ на полѣ Рокосъ, по обыкновенію предковъ вашихъ, и уведомьте меня, на что вы рѣшитесь. *Наполеонъ,*“

На канунѣ, то есть 14 Мая, издаю повелѣніе, сколько невыгодное для Австрійцевъ, сколько полезное для Французовъ, ежели только произведетъ оно желаемое дѣйствіе. Въ немъ содержится слѣдующее :

1 я. Миліція, называемая *Ландверъ* (оборона земли), уничтожается. 2 я. Дано будетъ общее прощеніе всѣмъ пѣвымъ, кои возвращаются въ свои дома черезъ двѣ недѣли, считая со дня вступленія Французскихъ войскъ въ ихъ селенія. 3 я. Ежели офицеры миліціи въ назначенной срокъ не возвратятся въ свои жилища, то дома ихъ будутъ сожжены, а движимое и прочее имущество ихъ будетъ описано. 4 я. Селенія, которыя выставили людей для миліціи, должны призвать ихъ обратно,

а оружіе ихъ выдашь. 5е. Начальникамъ провинцій предписывается взять по потребныя мѣры къ исполненію наспоящаго повелѣнія. Дано въ Императорскомъ шанѣ въ Шенбрунѣ.

Съ нѣнопораго времени носились слухи о бывшемъ подѣ Вѣною жестокомъ сраженіи между Французами и Авспрійцами. Наконецъ пишушь пеперь изв Берлина, что шамъ получено изв главной кварширы Императора Наполеона офиціальное извѣстіе слѣдующаго содержания: 21 числа Мая 30,000 Французовъ переправилось за Дунай по наведевному прошивѣ Енцерсдорфа мосту; мостъ сей прибылою водою шамъ поврежденъ, что переходить по немъ было уже невозможно. Непрѣшель, на другомъ берегу рѣки находившійся, употребилъ въ свою пользу сіе обшояшельство, и всею силою напалъ на Французовъ, которые въ сей и въ слѣдующій день съ безпримѣрною храбросшію выдерживали нападеніе, причинили великой уронъ Авспрійцамъ и удержались на лѣвомъ берегу Дуная. Герцогъ Монтебелла (Ланъ) и Генералъ Удино опасно ранены; Генералъ Еспанъ убитъ. Императоръ ожидаетъ Маршала Даву, чтобы снова начать военныя дѣйсвія.

Съ Австрійской стороны о томъ же самомъ сраженіи получено въ Берлинѣ извѣстіе, во многомъ не сходное съ прежнимъ. Сообщаемъ короткое извлеченіе извѣсташья, помѣщенной въ одной Рижской газетѣ:

„Главная квартира Брейтенлее. 23 Мая, 1809. Императоръ Наполеонъ 19 и 20 Мая переправился черезъ большій рукавъ Дуная со всѣмъ своимъ и вспомогательнымъ союзническимъ войскомъ; можно было предвидѣть, что онъ пойдетъ далѣе черезъ меньшій рукавъ, и начнетъ наступательныя дѣйствія. Эрцгерцогъ Карлъ рѣшился идти на встрѣчу Французамъ и напасть на нихъ, когда окончатъ свою переправу. Мая 21 въ 3 часа по полудни началось сраженіе. Императоръ Наполеонъ хотѣлъ проломить нашу средину всею своею конницею, которую подкрѣпляли 60,000 человекъ пѣхоты, Французская гвардія и болѣе 100 пушекъ. Наша пѣхота опразила непріятельскую конницу; кирасиры наши опрокинули кирасиръ, а легкая конница поражала фланги, изъ коихъ одинъ примыкалъ къ Аспарну, другой къ Еслингену. Скоро пономъ сраженіе сдѣлалось всеобщимъ. Вся пѣхота дѣйствовала; 200 орудій гремѣли непрерывно. Въ 11 часовъ всѣ окрестныя деревни пылали. Настав-

ная ночь прекратила битву. Ерцгерцогъ Карлъ приказалъ судамъ своимъ поршить непріятельской мостъ на Дунаѣ. Французы привели войско изъ Вѣны, неушомимо спарались поправить мостъ, и въ 4 часа по утру на другой день начали палишь изъ всѣхъ пушекъ; скоро попомб сраженіе опять распроспранилось на всю линію, было гораздо сильнѣе нежели на кануѣ, и окончилось не прѣжде вечера. Французы, попомб Гессенцы спарались удержашъ Аспарнъ, но безъ успѣха. Въ 7 часовъ непріятель опраженъ на всѣхъ пункшахъ... поле сраженія покрыло шрупами . . . . Французы переправились черезъ Дунай обратнo. Ерцгерцогъ Карлъ подвергался величайшимъ опасностямъ.“

Императоръ Францъ, въ письмѣ изъ Волнерсдорфа отъ 24 Мая, свидѣтельствуетъ брату своему Ерцгерцогу Карлу признашельность за оказанное имъ усердіе. Въ опданномъ приказѣ вообще одобряется храбрость всего войска, и въ особенно-сти подвиги Князя Лихтенштейна. Семь Генераловъ получили Орденъ Маріи Терезіи. Многіе награждены чинами.

Принцъ Понше-Корво, предводительствующій Саксонцами, одержалъ побѣду надъ Австрійскимъ Генераломъ Колловра-

шомъ при Линцѣ. Сраженіе происходило 18 Мая. Письма съ Австрійской стороны гласящъ, что Колловратъ между Линцомъ и Пассауою пѣснитъ Принца Понштейнорва, что ожидаетъ къ себѣ Генерала Беллегарда, и что соединившись съ нимъ хочетъ напасть на Французовъ.

*

Варшавское Герцогство охраняется Русскимъ корпусомъ. Ерцгерцогъ Фердинандъ пошелъ въ Моравію. Изъ Варшавы пишутъ, что Князь Голицынъ вступилъ въ Галицію, и что Австрійцы недѣлаютъ Русскимъ ни малѣйшаго сопротивленія.

*

Извѣстный Майоръ Шиль, какъ видно, пробирается съ корпусомъ своимъ къ берегамъ Балтійскаго моря, чтобы оттуда пуститься на судахъ, върѣшю, въ Англію. До сихъ поръ онъ находился въ Мекленбургѣ. Шайка его должна быть очень многолюдна; ибо въ разные города приходятъ его подчиненные полнами другъ по двѣ и по три тысячи.

*

Въ Роспюкѣ получено извѣстіе, что на Шведскомъ Сеймѣ положено разорвать дружбу съ Англією; далѣе, что Король за себя и за потомство свое опрется отъ

престола, что Герцогъ Зюдерманландскій
провозглашенъ Королемъ и проч.

12 Мая. К.

XI.

У в ъ д о м л е н і е.

Господинъ С., доставившій при пись-
мѣ своемъ 25 рублей для отсылки въ Пе-
чепъ М . . . и В . . . ъ Б . . . ой, симъ
почтеннѣйше извѣщается, что деньги не-
медленно по полученіи отпращивлены чрезъ
почту на имя самой г - жи Б . . . ой. Пріятнѣ-
йшимъ долгомъ поставляемъ засвидѣ-
тельствовать благошворительно искрен-
ною признательностью.

К.

КОНЕЦЪ ХЛУ ЧАСТИ.

При семъ номеръ каршина.

О Г Л А В Л Е Н І Е
СОРОКЪ-ПЯТОЙ ЧАСТИ.

М А Й, Но 9.

	Стран.
I. Печальное произшествіе, случив- шееся въ началѣ 1809го года. -	3
II. Къ друзьямъ. - -	15
III. Невинность. - -	17
IV. Щастіе уединеннаго. (Идиллія) -	19
V. Зрѣло. - -	24
VI. Пѣсня. - - -	33
VII. Кришка. - -	35
VIII. Смѣсь. - - -	67
IX. Извѣстія и Замѣчанія. -	75

М А Й, Но 10.

I. Авторъ, Или творецъ. -	81
II. Амуръ въ первыя минушы разлуки своей съ Душенькою. - -	91
III. О зимнемъ рыболовствѣ Уральцевъ.	122
IV. Примѣры безкорыстія. - -	124
V. Бракъ по разсчету. -	129

	Стран.
VI. О соединеніи государствъ и смѣ- шеніи народовъ. (Окончаніе.)	- 134
VII. Прокламаціи.	- 145
VIII. Извѣстія.	- 154
IX. Увѣдомленіе.	- 160

І Ю Н Ъ , Н О І І .

I. Щасливая ложь.	- 161
II. Испанки.	- 172
III. Гордость и добродушіе.	- 179
IV. Сен - Денисѣ.	- 184
V. Отрывокъ письма изъ Ирландіи.	188
VI. Спорная ссашья въ супружествѣ.	194
VII. Вольный переводъ Гораціевой Оды.	198
VIII. Басни.	- 199
IX. Эпиграмма.	- 201
X. Ода , взятая изъ Псалма XVIII.	—
XI. Супъ изъ костей.	- 204
XII. Смѣсь.	- 207
XIII. Объявленіе.	- 212
XIV. Донесеніе Французскаго Министра иностранныхъ дѣлъ, г-на Шан- паньи, Е. В-у Императору На- полеону.	- 214
XV. Извѣстія и замѣчанія.	- 231
XVI. Увѣдомленіе.	- 240

І Ю Н Ъ, No 12.

	Странъ
I. Первое движеніе. (Повѣсть.)	241
II. Нѣсколько страницъ изъ записной книжки свѣтскаго челоѣка.	263
III. Анекдотъ изъ исторіи XVII столѣтія.	269
IV. Баконъ, Декартъ и Локкъ.	273
V. Веселость.	285
VI. Надпись къ моему портрету.	290
VII. Статистическія извѣстія о Швеціи.	291
VIII. Придворный, гражданскій и военный штатъ Французской Имперіи.	296
IX. О новомъ наследственномъ дворянствѣ во Франціи.	302
X. Извѣстія и замѣчанія.	308
XI. Увѣдомленіе.	317

Пис. Вандер-Верфъ.
БАРОНЪ.

Пис. Кнатиго.
ЛОККЪ.

Пис. Франс. Гилотъ.
ДЕКАРТЪ.

Пис. Алек. Кополь.